

Это стучит сердце кита

Святослав Сахарнов

Журнал
КОСТЕР

Святослав Сахарнов

Журнал
КОСТЕР

Это стучит сердце кита

«...Не забывайте, что Земля –
корабль, плывущий в Космосе,
а мы все – и люди, и звери,
и обитатели моря – его команда,
которая должна быть дружной».

Святослав Сахарнов

9 785853 880566 >

Костёр

Замечательному
всероссийскому
детскому журналу

«Костёр»

ИСПОЛНИЛОСЬ

75 лет.

*Родился «Костёр» в июле 1936-го года.
Об этом событии написал Л.Пантелеев,
в то время молодой начинающий автор,
ученик С.Маршака.*

Вот отчёт Пантелеева о рождении «Костра».

КАК ЗАЖИГАЛСЯ «КОСТЁР»

Почему «Костёр»? Кому и когда пришла в голову мысль назвать журнал этим именем?

О журнале сначала и речи не было. Задумали выпускать альманах для среднего и старшего возраста. Созвали в редакции совещание. Кроме С.Я. Маршака, пришли: М.М. Зощенко, Г.Г. Белых, Т.Г. Габбе, А.И. Любарская, Е.Л. Шварц, В.К. Кетлинская, З.М. Задунайская, В.М. Левин, Ю.Н. Либединский... Из всех, кто там был, я был самый молодой.

Мне сказали:

– Будь секретарем. Веди протокол.

Этот протокол у меня сохранился.

Начали с того, что стали придумывать название.

– «Барабан»!

– Был уже.

– «Советские ребята»!

– Скучно.

– «Змей Горыныч»!

– Страшно.

– «Пионер»!

– Что вы! Разве не знаете! Уже имеется. В Москве выходит.

– «Красный галстук»!

– «Красная заря»!

– «Красный мак»!

– Ужасно остроумно. Может быть, «Красная смородина»?

– «Звёздочка»!

– «Дружба»!

– «Детский мир»!

– Есть уже такой.

– Журнал?

– Нет, магазин на Садовой.

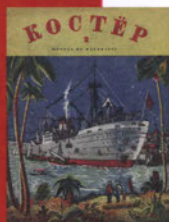
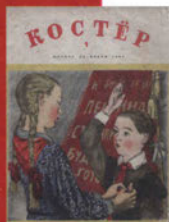
Кто-то предложил название «Товарищ».

Многим понравилось:

– А что ж! Неплохо: альманах – «Товарищ»!

Но тут выступил Самуил Яковлевич Маршак и сказал:

– Нет, товарищи. Это название тоже куда не годится. Слово «това-

рищ» у нас изменило своё прежнее значение. Назвать альманах или журнал «Товарищем» – всё равно как если бы в прежнее время называли журнал «Господин».

Так на этот раз и не придумали. Отложили. Стали думать о другом: как строить альманах?

Михаил Михайлович Зощенко предложил делать альманах так, чтобы все рассказы были на одну тему. Например, первый альманах пусть будет на тему о героях. Пусть каждый расскажет о самом замечательном поступке в жизни того, о ком он пишет.

Всем это понравилось. И все обещали подумать и написать рассказ о героическом поступке.

– А Пантелееву, как самому молодому, мы дадим и ещё одно задание, – сказал Маршак. – Попросим его, кроме рассказа, придумать какое-нибудь интересное вступление, чтобы все рассказы объединились в одно целое.

Я стал отнекиваться: как же я буду объединять рассказы, которые ещё не написаны?! Я ведь даже и о своём рассказе и то ещё ничего не знаю.

Но мне сказали:

– А ты подумай.

И вот я стал думать. И придумал такую завязку.

Начиналось так. Будто дело происходит в Крыму, в пионерском лагере. Поздно вечером ребята сидят у костра и говорят «о страшном».

Один мальчик говорит, что он видел тигра.

Ему не верят. Он говорит:

– Честное слово!

Его стали просить:

– Расскажи.

– Ну, это было давно. Лет пять назад. Мой папа был знаменитый охотник. Он даже приз получил за охоту. У него было восемь винтовок.

– Ну, дальше! Дальше!

– Вот раз мой папа поехал на охоту. А мы с мамой остались в городе. И один раз в субботу мама говорит: «Если завтра будет хорошая погода...»

В это время за спиной у ребят что-то хрустнуло.

– Ой! – закричала какая-то девочка. – Тигр!

Но из кустов вышел не тигр, а вышел старичок в белой толстовке и в белой девчоночьей панамке. И борода у него тоже была совсем белая.

Старичок поздоровался и спросил, не знают ли ребята, как пройти в санаторий Кизыл-Су. Он заблудился и потерял дорогу.

– А мы думали, что вы – тигр, – сказала одна девочка.

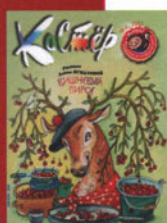
– Представьте себе, – сказал старичок, – ведь вы были очень недалеко от истины.

– А вы. Что – Лев, что ли?

– Нет, я не лев и не тигр, а я – специалист по хищным животным.

Оказалось, что человек этот – учёный-зоолог, знаменитый путешественник. Ребята стали просить его рассказать что-нибудь интересное.

Говорит: «Нет, сейчас не могу, уже поздно, а вот завтра, если будет хорошая погода, приду и расскажу».

На другой вечер он приходит – и не один, а приводит с собой ещё несколько человек отдыхающих из санатория. Все они бывалые люди. У всех замечательные биографии. Среди них очень скромный и застенчивый человек – Пётр Васильевич Трофимов, бывший кавалерист. Будёновец, участник гражданской войны.

Ребята усаживают гостей у костра и просят, чтобы каждый из них вспомнил и рассказал о каком-нибудь героическом случае...

И вот тут...

На этом месте я споткнулся. Я забыл своего старичка-путешественника и всех его спутников и стал придумывать рассказ будёновца Трофимова.

«Нет, дорогие товарищи, героического момента в моей жизни я не припомню. Жизнь моя довольно обыкновенная, серая...» – такими словами я начал этот рассказ.

Через несколько дней Маршак созвал ещё одно совещание редакционной коллегии. На этом совещании я докладывал своим товарищам, как я представляю себе вступительный рассказ, который должен объединить всё остальные... Только я начал говорить о пионерском костре и о старичке-путешественнике, как вдруг С.Я. Маршак вскакивает, ударяет ладонью по столу и кричит:

– Ура! Замечательно! Название есть!

– Какое?

– «Костёр»!!!

Так появился на свет альманах «Костёр первый».

Для этого альманаха рассказы написали все, кто обещал. Свой рассказ я назвал «Пакет». Сочинял я этот «Пакет» так долго, что потом у меня уже не хватило времени заниматься чужими рассказами и объединять их в одно целое. Получился просто сборник, а не «Тысяча и одна ночь», как мы и задумывали.

За «Костром первым» вышел «Костёр второй». А потом наш альманах превратился в журнал, славный юбилей которого мы с вами сегодня отмечаем.

А старичка-зоолога мне, сказать по правде, жалко. Человек дожил до седых волос, а на свет так и не появился. Тридцать пять лет пролежал он, бедняга, в ящике стола вместе с другими отрывками и наметками этого недописанного рассказа. На одном из этих ветхих пожелтевших листочков я только что с трудом разобрал черновой набросок заключительной сценки.

Это уже опять о мальчике, который видел тигра.

– Ну, рассказывай! – говорят ему ребята.

– Что рассказывать?

– Тигра ты видел?

– Ну, видел. Ну и что?

– Расскажи!

– Ну, я же сказал вам, папа мой был знаменитый охотник. Один раз он уехал на охоту. А мама говорит: «Если завтра будет хорошая погода, мы пойдём в зоопарк...»

– Ну?

– Ну, вот. Погода была на другой день очень хорошая.

– Ну?

– Ну, сели мы на трамвай и поехали.

– Ну?

– Ну и доехали до зоопарка. И я видел там тигра...

На этом рукопись обрывается.

Может быть, вообще хорошо, что я её тогда не дописал?!

Л. Пантелеев, 1966 год

Этот отчет был написан к тридцатилетнему юбилею «Костра». У журнала сложилась своя история: он пережил 30-е годы, и Великую Отечественную войну, и даже выходил в свет в годы Блокады.

Журналисты «Костра» уже приготовили книжную полку и приладили её к стене в редакции «Костра». На полке будут стоять книги о тех, кто создавал журнал, писал для него, рисовал... Хорошее это дело! И вот сейчас вы держите в руках книгу, самую первую, для заветной костровской книжной полки. Составленную редакцией «Костра» к семидесятипятилетию журнала. Книга называется «Это стучит сердце кита», её автор – Святослав Владимирович Сахарнов. Он был главным редактором «Костра» с 1973 по 1986 год. Это были прекрасные годы – тираж журнал поднялся с шестидесяти тысяч до одного миллиона трёхсот тысяч экземпляров. В нём не только печатались лучшие детские писатели страны, но и работал всесоюзный семинар для молодых авторов.

С. Сахарнов давно хотел выпустить в свет свою итоговую книгу. Был составлен план, подобраны рассказы, сказки, фотографии, но – как нынче принято говорить, – не сложилось.

Святославу Владимировичу было тогда далеко за 80, и уже более года его с нами нет, но остались книги, планы и архив, с которым наследники писателя любезно разрешили нам поработать.

Журналисты «Костра» засучили рукава и принялись за работу. Книга выходит в свет к юбилею.

Как вы думаете, какова главная тема Сахарнова? Конечно, судьба Дикой Природы, ведь он ученик Виталия Бианки. Каждый человек может и должен, считает Сахарнов, помочь Природе уцелеть на Земле. «...Не забывайте, что Земля – корабль, плывущий в Космосе, а мы все – и люди, и звери, и обитатели морей – его команда, которая должна быть дружной».

Счастливого плавания!

Это стучит

Как краб кита
из беды выручил

Стр. 11

Зелёная дорога

Стр. 45

Святослав Сахарнов

сердце кита

Рассказы и сказки

Волшебное
заклинание

Стр. 95

Ночные
путешественники

Стр. 123

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга*

Сахарнов С.В.

С 22 **Это стучит сердце кита:** Рассказы и сказки –
СПб.: Редакция журнала «Костёр», 2011. – 144 с. илл.

У этой книги своя история.

Святослав Владимирович Сахарнов давно задумался выпустить в свет итоговую книгу. Он имел на это право: фронтовик, интересный писатель, неутомимый путешественник, многолетний редактор детского журнала «Костёр»... И это ещё не самое главное. Главное – тема его итоговой книги – Судьба Дикой Природы. Каждый человек может и должен, считает Сахарнов, помочь Природе уцелеть на Земле, иначе человек перестанет быть Человеком.

Был составлен план книги, подобраны некоторые рассказы, сказки, фотографии, но – как нынче принято говорить – не сложилось.

Святославу Владимировичу было тогда далеко за 80, и уже более года его с нами нет. Но стались книги, планы и архив, с которым наследники писателя любезно разрешили нам поработать.

Вы держите в руках книгу, составленную редакцией по плану и материалам С.В. Сахарнова. Надеемся, что она вам понравится и будет полезной. Вот последние фразы этой книги:

«...Не забывайте, что Земля – корабль, плывущий в Космосе, а мы все – и люди, и звери, и обитатели моря – его команда, которая должна быть дружной. Счастливого плавания!»

ISBN 978-5-85388-056-6

© С. Сахарнов, наследники, текст, фотографии,	2011
© Д. Плаксин, макет, оформление,	2011
© А. Бихтер, илл.	2011
© Редакция журнала «Костёр»,	2011

«Пишите каждый день, каждую неделю...»

Я родился 12 марта 1923 года в городе Артёмовске на Украине, но родным городом считаю Ленинград – Санкт-Петербург, куда наша семья переехала в 1927 году. Мой отец – крестьянин, помор, родом из Мезени, что в Вологодской губернии. Материнские корни ведут к обнищавшей польской шляхте. Её предки простыми солдатами пришли вместе с Наполеоном завоевывать для Польши независимость, попали в плен и навсегда осели в России.

О том, что буду писать для детей, я узнал во втором классе. Однажды мы с двумя приятелями

сбежали с уроков, забрались в сад в кусты сирени и там я начал рассказывать им выдуманную мной историю о плавании подводного корабля вокруг света. Теперь-то я понимаю, что был под впечатлением недавно прочитанной книги Жюль Верна «20000 лье под водой».

Возможно, не без влияния книг Жюль Верна пошёл несколько лет спустя сдавать экзамены в Высшее военно-морское училище Ленинграда. Великая Отечественная война застала на первом курсе. Фашисты окружили Ленинград. С сентября по декабрь 1941 пережил ленинградскую блокаду. Было приказано эвакуировать нас на Большую землю. Шли пешком через Ладогу по Дороге Жизни до Тихвина. Училище закончил в Баку и сразу – на действующий флот, на боевые корабли.

Сначала попал на Чёрное море. Наш тральщик охранял от фашистских кораблей берег, занятый нашим десантом. Потом с наступающей армией прошли берегами Чёрного моря от Новороссийска до Севастополя, Одессы и далее – к румынским, к болгарским портам, освобождая их от фашистов. Закончилась война на Чёрном море – воинский эшелон повёз нас на восток, началась война с Японией. И снова рейды наших кораблей и снова высадка десантов.

Однажды после войны я встретил офицера ГДР, подлодку которого мы положили на грунт около Батуми и два часа сбрасывали на неё глубинные бомбы. «Я рад, что ты уцелел!» – сказал я ему. А во время Японской войны подружился с пленным лётчиком-самоубийцей Ито. Его жизнь потом описал в романе «Камикадзе». Это одна из моих редких книг, написанных для взрослых.

А так – я детский и только детский писатель. Что стану им, знал, а теперь и вы знаете, уже во втором классе школы.

Продолжение на стр. 43

Как краб кита из беды выручил

Рассказы и сказки
родных морей

КАК КРАБ КИТА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Сказка

Охотился кит за рыбьей мелочью.

Рыбья мелюзга в океане тучами ходит. Кит набежит, пасть разинет – ап! – и полон рот. Пасть захлопнет, воду сквозь усы процедит. Всю мелюзгу – в глотку. Глотка-то у него маленькая.

А рыбёшка, как увидит кита, – сразу к берегу. Кит за ней. Оджады разбежался – рраз! – и вымахал на берег.

Хорошо, что кит – зверь, а не рыба: без воды не помрёт.

Лежит на песке, как чёрная скала, – ни туда, ни сюда. Тяжко вздыхает: жди теперь, когда вода придёт!

Тут по берегу волки. Голодные. Рыщут, чем бы поживиться. Видят – гора мяса. Едва шевелится. Подбежали. «С какого бока начинать?» – прикидывают.

Увидел это из воды краб. «Конец киту! – думает. – Свой морской зверь – надо выручать». Вылез на берег.

– Стойте! – кричит волкам. – И я с вами. Кита на всех хватит. Вот дождёмся – все и примемся.

Волки остановились.

– Чего ждате-то?

– Как – чего? Не знаете разве: кита только при луне едят. Чем луна выше, тем китятина вкуснее!

Удивились волки, но спорить не стали. Краб в океане живёт, с китом. Ему, пучеглазому, видней. Расселись на берегу вокруг кита, морды кверху задрали.

Уж вечер – недолго ждать луны-то!

Кит лежит, вздыхает.

Вот из-за горы луна выглянула и поползла вверх по небу.

Волки сидят, молчат, на кита смотрят. Не замечают, что в океане вода поднимается. С голоду зубами щёлкают. На краба поглядывают: не пора ли за кита приниматься?

Краб сидит себе, клешнями бока поглаживает.

Вдруг чуют волки – сидеть мокро стало.

Отбежали к горе и с кита глаз не спускают.

Стала луна у волков над головами.

Почуял и кит под собой воду. Вздохнул, набрал полную грудь воздуха да как даст хвостом! Брызги во все стороны.

Волки врассыпную.

Кит воду хвостом пенит, на волков волну гонит. Волки – на гору.

Кит развернулся головой к морю, забурлил хвостищем и пошёл, пошёл!
Выплыл на глубину, набрал воздуха – и пропал. Только его хвост и видели.

И краб потихоньку – боком, боком – за ним, за китом.

Опомнились волки – ни кита, ни краба! Долго на берегу сидели. То вверх, на луну, поглядят, то вниз, на воду.

Ничего не понимают – народ сухопутный. Откуда им знать, что на море-океане бывают отливы, бывают и приливы!

И чем луна выше, тем приливы сильнее.

ПОДБИТАЯ ЧАЙКА

Мы с приятелем шли по берегу Белого моря. Вдруг видим: впереди на гальке сидит крупная серая птица. Она сидела, тесно прижимаясь к камням и втянув голову в плечи, как человек, которому холодно. Увидя нас, птица привстала.

— Глянь-ка, подранок! — сказал мой приятель. — Давай поймаем?

Птица — это была чайка-моевка — сделала несколько неуклюжих прыжков и с размаху тяжело плюхнулась в воду. Я заметил, что, когда она прыгала, крыло её волочилось отдельно, сзади, как будто привязанное на верёвочке.

Чайка поплыла от берега. Она плыла, а серый лоскут крыла тянулся позади неё.

— Здорово ей саданули! — сказал приятель. — А ведь охота здесь запрещена!

Я промолчал. Чайка выплыла на солнечную дорожку и закачалась на ней изогнутой чёрной лодочкой.

Мы ушли. Мы вернулись в избушку к рыбакам-ненцам, у которых остановились на день-два.

— Чайка? С перебитым крылом? — переспросил меня Гриша Ардеев, один из рыбаков. — С весны ходит. Приезжий один ранил. Как человек или песец идут — она в воду. Касатка плывёт — она на берег. Лето выживет.

— А зимой?

Гриша не ответил.

На другой день мы отправились ловить чайку. Мы решили забрать её с собой в Ленинград. Я пошёл по берегу, а приятель, взяв у рыбаков лодку-карбас, поплыл следом.

Чайка была на месте. Только на этот раз она не сидела в камнях, а бродила у воды и выклёвывала из прелых водорослей рачков. Заметив меня, она сошла в воду, и, когда послышался скрип уключин, попробовала нырнуть. Сухое крыло, как поплавок, удержало её. Тогда птица повернула и снова очутилась на берегу.

Скользя по круглым, обкатанным водою камням я поспешил к ней. Чайка завертела головой и тяжело побежала к подножию обрыва, который поднимался над галечным пляжем.

Крутая стена сырой глины шла вверх ровно, без уступов, и только кое-где из неё торчали кривые корни мёртвых деревьев.

Чайка стала карабкаться вверх. Я полез следом. Лез, лез. Как вдруг сырая глина подалась, оставляя за собой две блестящие канавки, я съехал вниз.

О берег стукнул носом карбас. Я повернулся к приятелю.

— Знаешь что? — сказал я ему. — Оставим её здесь. Как её везти, как кормить? Рыбы не напасёшься.

— Давай хотя бы поймаем её и отрежем сухое крыло. Всё ей легче будет.

— Давай.

Чайка сидела высоко под сухим чёрным корневищем и смотрела на нас красным раненым глазом.

Мы полезли вдвоём.

Я уже протянул руку, чтобы взять её, как вдруг чайка с криком вывалилась из укрытия и, ударяя живым крылом по глине, покатила вниз.

Она дождалась, когда мы слезем, и снова вскарабкалась на обрыв. Ей было очень трудно: испачканное глиной крыло отяжелело, но птица упорно волочила его.

– Полезем ещё? – спросил я.

– Не поймать её нам! – сказал приятель.

Чаячий глаз, как огонёк, горел вверху. Распластав одно крыло, тесно прижимаясь грудью к земле, птица внимательно смотрела на нас.

– Разве ты не видишь? – сказал я. – Она лучше умрёт, но не пойдёт к нам в руки.

Мы стояли, задрав головы, и смотрели на чайку. Ещё недавно это была прекрасная большая птица. Таких больших чаек я не видел нигде. Ей, наверное, ничего не стоило добывать большую рыбу и улетать каждую зиму в далёкие тёплые края.

Потом мы сели в карбас и медленно поплыли вдоль берега.

Был август – конец короткого полярного лета. Зима здесь наступает в октябре.

КРАБЫ В ПЕРЧАТКАХ

Однажды весной вместе с чайками в Баренцево море прилетели необычные гости.

Низко над самыми сопками прошёл серебристый самолёт, пробежал по аэродрому, взревел последний раз моторами и затих.

Из самолёта стали выгружать гостей. Гости не простые – в ящиках. На каждом ящике надпись: «Камчатка», «Срочный груз» – и нарисована рюмочка. Это значит: «Осторожно – не ронять!»

Сняли ящики, погрузили в автомашину, повезли на берег моря.

На берегу ящики стали распечатывать. Снимут верхние доски, посмотрят, всё ли в порядке, – и бултых содержимое на брезент.

Не разбились?

Нет. Его не разобьёшь.

В ящиках – крабы. Камчатские, длинноногие, колючие.

Только маленькие.

Это ещё и не крабы, а крабишки, крабовы детёныши.

Лежат друг на дружке, как яблоки, шевелят глазами, норовят друг друга клешней за ногу ухватить.

Клешни у крабишек крепкие: ухватит, повернёт – и нет ноги.

Поди, половина без ног прилетела?

А вот и нет! Все с ногами. На каждой клешне у крабят по кусочку резиновой трубки. Это им на Камчатке надели. Так драчуны в перчатках и летели.

Здесь, на Севере, будет их новый дом.

Торопятся люди, перебирают крабов – с клешней сдирают трубочки, относят путешественников на причал.

Перчатки сняли? Теперь бегом в воду!

Это я в красной шапочке на катере.

– Идём снимать женщину со скалы, – сказал мне старшина катера, который отходил от причала острова Беринга.

– Возьмите и меня!

Я стоял на палубе катера, глядя в скалу – Арий камень. Впереди была встреча с замечательной женщиной – Элей, орнитологом, которая каждый год, на всё лето, остаётся одна на скале посреди океана, чтобы изучать жизнь кайр, тупиков, чаек. «Арий камень» назвал я рассказ, который написал через несколько лет. Ары – это кайры.

Это был жест преклонения перед подвигом молодого учёного.

Женщины, матери двух детей, которые ждали её далеко на юге, во Владивостоке.

МАЛЕЯТОВИТ И ЕГО СОБАКИ

Сказка
(Аляска)

Жил в селении на берегу студёного моря юноша по имени Малейатовит. Он был, как и все люди его племени, охотником, ездил на собаках в тундру и бил копьём оленей карибу.

У него была хорошая упряжка – девять ездовых собак, одна лучше другой. Каждую он выкормил, когда та была ещё щенком.

Жил он с отцом и с матерью. Но вот настал день, когда родители сказали ему:

– Малейатовит, пора тебе жениться. Пока мы ещё не умерли, нам хочется понянчить твоих детей.

И Малейатовит стал ходить по селению из иглу в иглу. Везде он просил девушек приготовить ему немного аукоотоока. Но одни девушки клали в кушанье жир не молодого, а старого карибу, другие скупались на сушёное мясо. И только в самой последней иглу, на самом конце селения, Малейатовит попробовал такой аукоотоок, какого никогда прежде не едал. Хорошо перетёртый жир молодого карибу был нежным, мелко изрезанное сушёное мясо тщательно перемешано с синими ягодами черники.

Малейатовит попросил девушку отнести аукоотоок в деревянной мисочке его родителям. Тем понравилось кушанье, и через два дня сыграли свадьбу.

Стали Малейатовит и его жена жить вместе. Пошёл он однажды весной в тундру и не вернулся. Жена знала, где обычно охотится её муж. Оставила дома детей, взяла копьё и пошла за ним.

Идёт – в трещинах от зимних морозов талая вода. Пучки травы желтеют под солнцем. С кочки на кочку – нашла она в сухой траве следы мужа. И вдруг следы пропали. Усталая и измученная, легла жена на кочку и уснула. Проснулась от собачьего лая. Это упряжка Малейатовита отвязалась и прибежала из посёлка искать хозяина. Лают собаки, заливаются. Посмотрела женщина, а в траве дверка. Открыла её, а там под землёй – иглу. Сидят в ней два медведя и её муж Малейатовит. Бросились собаки на медведей. Одного разорвали, а второго женщина копьём убила. Смотрит, и собаки все погибли – медведь их порвал. Вывела мужа из иглу, сняла с собак шкуры. Вернулись они в посёлок. Там из собачьих шкур сшила жена Малейатову одежду – парку, торбазу и рукавицы.

И снова стали они жить.

Пришло время, постарел Малаятовит. Трудно стало ему бегать с копьём за карибу. Начал он вязать сети на уток. Сперва хорошая охота была у него: как ни пойдёт в тундру – целую сумку птицы несёт. Потом всё хуже и хуже. Догадался Малаятовит, что кто-то ворует у него уток из сетей.

Пошёл однажды в тундру. Поставил сеть у озера, лёг за ивняком в густую траву и стал ждать. Солнце поднялось высоко над вершинами снежных гор. Тепло стало. Прилетели утки – и в сеть. Попались! Но Малаятовит не стал вынимать их. Лежит в траве и ждёт. Слышит, за ивняком – голоса.

– Твоя очередь сегодня, бери! – говорит один голос.

Второй отвечает:

– Нет, брат, твоя. Бери ты!

Поднял Малаятовит голову и увидел двух юношей с сумками для дичи. Только они начали вынимать из сети уток, Малаятовит выскочил и бросился на воров. Те – бежать.

Бежит Малаятовит по тундре. С кочки на кочку прыгает, проваливается в лужи. Быстро бежит, а воры ещё быстрее. Видит Малаятовит – впереди иглу. Добежали воры до иглу и скрылись в ней. Осторожно подобрался Малаятовит к дому, залез на поросшую травой крышу и через отверстие для воздуха заглянул внутрь.

Сидят в иглу на корточках трое – старик и два вора.

– Отец, за нами гонится человек! – говорит один юноша. – Я боюсь. За ним опять придёт его жена и убьёт меня копьём.

– За ним прибегут собаки и опять разорвут меня! – говорит второй.

Узнал Малаятовит в юношах тех медведей, что похитили его в тундре.

– Не бойтесь, дети мои! – отвечает старик. – Принесите мой бубен.

Один сын встал и принёс отцу бубен – маленький-премаленький. Никогда ещё не видел Малаятовит таких маленьких бубнов.

Старик плеснул на бубен воды. Начал бубен раздуваться, расти и стал большим. Принялся старик колотить в бубен, кружиться, и понял тогда Малаятовит, что это – колдун, шаман.

Всё громче стучит бубен, всё неистовее кружится по иглу старик. Вдруг вспыхнул один край тундры – идёт по сухой траве огонь. Всё ближе подбегается к иглу.

Бедняга Малаятовит скатился с крыши – и бежать.

А пламя уже совсем близко. Трудно бежать Малаятовиту в одежде из собачьих шкур. Сбросил он парку. А парка залаяла и кинулась на огонь. Кусает его, рвёт. Задержала огонь.

Бежит Малаятовит. Оглянулся – видит, огонь парку победил, сжёг и снова бросился в погоню. Вот-вот настигнет Малаятовита.

Кинул в огонь Малейтовит торбаза. Залаяли они, набросились на огонь, прижали его к земле. Пока огонь их победил, Малейтовит ещё дальше убежал.

Снова настигает его огонь, острыми когтями хватая за ноги. Стянул Малейтовит рукавицы, бросил их на землю. Запрыгали рукавицы, залаяли, кинулись на огонь. Кусают огненные лапы, рвут на клочья, не дают им бежать.

Ещё дальше ушёл Малейтовит. А огонь рукавицы победил, сожрал и снова в погоню. Бежит, над самой травой стелется, волочит за собой длинный хвост.

Чувствует Малейтовит его жаркое дыхание. Протянул огонь свою длинную красную руку, вот-вот схватит человека. Но в этот миг увидел Малейтовит впереди озерцо, свою сеть и с разбегу – бултых в воду.

А огонь так яростно нёсся за ним, что тоже упал в озеро. Молнией вспыхнул, выбросил вверх столб пара и погас...

Вернулся домой в селение Малейтовит и стал по-прежнему там жить, по-прежнему ставить сети на уток. Но их никто больше не грабил, и Малейтовит с женой ели досыта до самой смерти.

РЫБА И МЕДВЕДЬ

Работали на берегу полярного моря инженеры – искали место для завода. Работали месяц, работали два. Подошла зима. Забило море льдом. Пошёл инженер со льда рыбу ловить. Взял удочки, ружьё на всякий случай прихватил.

Выбрался на лёд, от берега отошёл, видит – у полыньи медведь. Большой, жёлтый, головастый.

Стал инженер подкрадываться. Никогда он белого медведя вблизи не видел.

А медведь то подойдёт к полынье, то отойдёт. То подойдёт, то отойдёт.

«Что такое?»

Зашёл человек за ледяную скалу – торос, лёг на живот и пополз.

Выглянул из-за тороса.

«Вот оно что!»

В полынье рыба. Медведь подойдёт – она на другую сторону. Медведь отойдёт – она вернётся. Так стаей и ходит.

«Молодец рыба! – думает инженер. – Голова меньше мишкиной, а промаха не даёт. Не поймать её медведю!»

Посмотрел вниз – под торосом во льду щель. Мелкая – голубое дно видно.

Походил медведь взад-вперёд, сел на лёд. Чешет в затылке лапой, думает.

Думал, думал – и надумал.

Обошёл полынью кругом, зацепился передними лапами за лёд, слез задом в воду и поплыл.

Интересно инженеру: что медведь дальше будет делать? Пополз инженер вверх по торосу. На самую макушку забрался, смотрит.

А медведь плывёт, медленно лапами загребает, гонит перед собой рыбу.

Гнал, гнал – и загнал её в щель.

Влез в неё сам и давай по воде лапищами бухать: бумм! Бумм!

Оглушит рыбину, зацепит её пятернёй – и в пасть. Всю до одной съел.

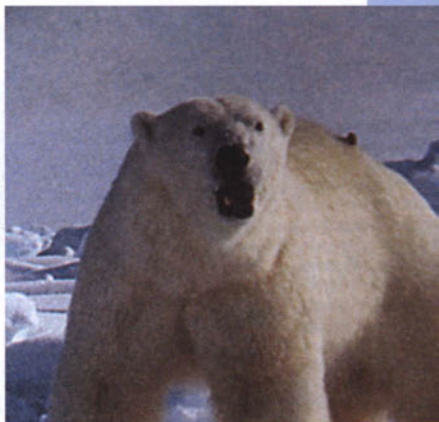
«Ах ты хитрец! – думает инженер. – Мне не оставил. Дай я тебя попугаю... Стоп, а где ружьё?»

Пошарил ружьё, а ружья-то и нет – под торосом забыл! А ну как медведь сюда придёт?

Скорей за ружьём!

Пока за ружьём лазал, медведь ушёл.

Идёт инженер домой без рыбы, но довольный: редкую штуку – медведя-рыбака – подсмотрел.

ЖИВЫЕ ДОМИКИ

Я плавал у скалы, над неровным каменистым дном, и искал морских ежей. Слабое течение покачивало внизу редкие веточки водорослей.

— У скалы их навалом! — уверяли меня матросы. — Мы видели. Сидят — здоровые, иголки, как гвозди. Вот такие!

Но ежей не было. Я проплыл в одну сторону — нет. В другую — не видно.

Вот тогда-то и привлёк моё внимание домик. Маленький домик на дне — две щепки шалашиком.

Домик... полз. Он полз очень медленно и очень спокойно — видно, хозяин его не торопился. Я подплыл к домику и тронул пальцем одну щепку. Щепка задрожала.

Я отвёл её в сторону — из-под неё торчал пучок фиолетовых игл.

Ёж! Ну конечно ёж!

Я отбросил в сторону щепки. Ёж замер, тёмные иглы встопорчились. Поняв, что я больше его не трону, ёж успокоился, опустил иглы и быстро-быстро двинулся в путь.

Он начал что-то искать на дне.

Неподалёку лежала крышка от консервной банки. Ёж примостился рядом и выпустил из-под игл несколько чёрных ниточек — ножек. На конце каждой — присосочек. Ножки потянулись к крышке. Вот первая дотянулась и замерла — присосалась... За ней вторая... третья...

Ёж что-то задумал!

Я смотрел во все глаза. Ножки поднатужились и подняли крышку. Они изгибались, шевелились, передавали тяжёлый груз одна другой. Крышка ползла вверх по иглам. Она доползла до самой ежиной макушки и остановилась. Получился щит.

Ёж покачал его: крепко сидит? Крепко! И полез вверх по большому камню. Теперь он лез спокойно — со щитом ему никакой враг не страшен.

Но где же остальные ежи?

Посмотрел я вокруг внимательно. Ну конечно, вон их сколько! Хитрецы: кто пучком травы прикрыт, кто створкой раковины. Глянешь не знаючи — нет под скалой никаких ежей.

Одни живые домики.

Это было летом 1943 года. Быстроходный тральщик «Трал», на котором я был дублёром штурмана, шёл вдоль кавказского побережья от линии фронта на юг. Навстречу нам должен был попасться танкер «Эмба». Когда мы проходили мимо Сухуми, то увидели торчащие над водой трубу и мачту. За несколько часов до нас «Эмбу» потопила немецкая подводная лодка. Мы помогли снять с погибшего танкера людей.

Прошло двадцать лет, и я опускаюсь с аквалангом в трюм затонувшего судна. Ударяясь о ржавое искорёженное железо, иду вниз. Подводная лодка могла избрать другую цель. Целью могли оказаться мы.

КРАБИШКИН ДОМ

Сказка

Жил в море... краб не краб, так себе – крабишка маленький. Сам с пятачок, ноги как спички, клешни как щипчики.

Пока совсем маленький был, жил где придётся, подрост – стал себе дом искать.

Вылез на мелководе, семенит вдоль берега, по сторонам смотрит: видит – камень. В камне щель.

Залез в неё. Ёрзает, ёрзает, никак не устроится.

Плывёт мимо бычок-старичок, голова с кулачок.

– Славный у тебя дом, – говорит, – будто для тебя построен.

– Много ты понимаешь! – обиделся крабишка. – Плохой дом: жёсткий он, да тёмный, да тесный.

– А тебе какой нужен? – удивился бычок.

– Нужен мне такой, чтобы в нём мягко было, светло и просторно! Где тебе, губастому, понять! Плыви, куда никто не съел!

Пока бычок губой шевелил, слова подбирал, крабишка из щели вылез – и ушёл.

Скользко по камням идти. Вода через камни перекатывается, того и гляди, смочет.

– Поищу-ка я, где поглубже.

Подался в море. Идёт по песку, а песок рассыпчатый, тонкий.

Нашёл ямку. Мягко, светло, привольно.

– Тут мне и жить!

Только в ямке устроился, видит – плывёт на него огромная рыбина. Рыло длинное, снизу белые усики, спина в костяных шишках. Осётр!

Крабишка с перепугу – в песок. Зарылся. Ни жив ни мёртв.

А чудище-рыба всё ближе. Над самым дном плывёт, усиками по дну шарит.

Доплыла до ямки, пошарила – и давай копать рылом песок.

Крабишка оттуда вверх тормашками! Вылетел – да наутёк. Бежит по дну, ноги выше головы подбрасывает.

Еле удрал.

Добежал до кучи камней. Влез между двумя, дух перевести не может.

Успокоился, огляделся. Камни крепкие, не то что рассыпчатый песок.

Чем не дом?

Правда, не мягко тут, зато свету и места сколько хочешь.

– Останусь здесь!

Стал крабишка с камней мшанку ошипывать.

Вдруг сверху на него кто-то как бросится! На лету зубами – кляц! – мимо. Развернулся – и снова на крабишку. Тот удирать.

А это катран-акулка: спина и голова узкие, рот дырой, хвост полумесяцем.

Крабишка вокруг камня. Катран за ним.

Пока катран хвост заносил, крабишка камень кругом обскакал, углядел пещерку – и в неё.

Спрятался, сидит.

Катран над камнем прошёл, видит – никого нет, и уплыл.

«Ну, – думает крабишка, – отсюда я никуда! Не мягко тут, не светло, зато просторно».

Сел и ноги вытянул.

Только вытянул, мимо скат – морская лисица – плывёт. Учужала краба – и к камню.

Плывёт, как большущий лист колыхнется. Тело блином, хвост кнутиком, зубов полон рот.

А хитрющая! Даром не носится. Подплыла, на камень легла, давай голову в пещерку протискивать.

Полголовы протиснула, за клешню зубами хватить и потащила крабишку вон. Пещерка-то просторная – не упереться, не зацепиться!

Чует крабишка – конец пришёл. Из последних сил рванулся – и обломил клешню.

Вырвался из лисьих зубов, прижался к камню, будто влип.

Почарапала лиса зубами камень. Не достать краба! Съела клешню и ушла прочь.

Ушла она, а крабишка боком, боком – да к берегу. Ладно, сам живой, а клешня вырастет!

Вот наконец и камни. Между ними ручейками вода. Уж сюда большой рыбе не дойти!

И бычок тут, сосед.

– Здравствуй, дедушка!

Нашёл крабишка знакомую щель – и в неё.

Вот где хорошо: и жёстко, и темно, и тесно!

Как будто для него – для крабишки – дом построен.

ПИРАНЬЯ

Один мой приятель – капитан теплохода – уходил в рейс из Петрограда в Бразилию.
– Что тебе привезти? – спросил он на прощание. – Хочешь, привезу чучело колибри? Птица, а вся, с хвостом, в спичечный коробок влезет.
– Знаешь что, – ответил я, – привези мне пиранью. Только смотри, чтобы она тебя по пути не съела!

Пошутили и расстались. Приятель ушёл в плавание, а я про свою просьбу забыл на другой же день. Ну кто, в самом деле, будет везти через полсвета маленькую речную рыбку! Даже если это пиранья.

Кстати, вот что она такое.

Пиранья – родич нашего карпа, живёт в реках Южной Америки. За хищный нрав её часто называют речным волком. Ходят пираньи стаями и, как волки в стае, наглы и беспощадны.

Вот какие истории рассказывают.

Один путешественник катался по реке в лодке и веслом ранил себе палец. Чтобы умерить боль, он опустил руку в воду. Вокруг раненого пальца тотчас же закурилось розоватое кровавое облачко.

В то же мгновение в руку впились десятки острых зубов. Путешественник закричал от боли и выдернул руку.

Она была вся в крови, кусочки мяса из неё были выхвачены, как бритвой, а раненый палец изуродован окончательно.

Другой раз в реку, спасаясь от слепней, вошло стадо коров. Пираньи напали на них. Через час в жёлтой воде остались только дочиста обглоданные коровьи кости...

Прошло более месяца после ухода моего приятеля.

Сижу как-то я днём дома. Звонок. Открываю дверь, вижу – стоит на лестнице мой капитан, весь коричневым от загара, и держит в руках банку, прикрытую марлей.

– Держи! – говорит он. – Еле довёз: три раза из банки на пол выпрыгивала... Ну, прощай, я ещё дома не был!

И ушёл.

Взял я банку. В ней плавает небольшая, с нашего окунька, голубоватая рыба. Бока в красных пятнышках. Морда тупая, короткая. Ничего особенного, только, когда раскрывает рот, видны зубы.

«Ого, если такими тяпнуть за палец!»

Мне от такой мысли даже неприятно стало. Осторожно внёс пиранью в квартиру, перелил вместе с водой в пустой аквариум.

– Ну, теперь живи! Только чем тебя кормить?

«Конечно, сырым мясом!»

Сбегал в магазин. Принёс. Бросил кусочек в аквариум.

«Сейчас как цапнет! – думаю. – Брызги полетят!»

Жду. Ничего. Отошла моя пиранья в сторону. Наверное, хитрит. Бросил я второй кусочек, а сам ушёл по делам.

Возвращаюсь – мясо не тронуто. Пиранья стоит над самым дном, шевелит плавниками, на мясо никакого внимания.

Тогда я набрался отчаянной смелости и, чтобы разбудить в рыбе хищника, сунул в аквариум палец.

Пиранья не шелохнулась...

Не знаю, что она ела у моего приятеля на теплоходе, – может быть, у него была для неё какая-то особенная бразильская пища, – но у меня рыба заскучала.

В одном углу аквариума стёкла были с браком – жёлтые, мутные. Отойдёт, бывало, пиранья в этот угол, уставится в стекло и смотрит. Должно быть, стекло напоминало ей мутную воду родной Амазонки.

Всего три дня прожила у меня диковинная гостя.

Когда на четвёртый день я вошёл утром в комнату, рыба неподвижно лежала на песке. Жабры её не шевелились. Она лежала, обращённая головой в тот самый жёлтый угол аквариума, где простояла накануне целый вечер.

БЕЛЁК

Эту историю мне рассказал Мирошниченко – капитан ледокольного парохода «Ладоба». Мы стояли в заливе Советская Гавань, и капитан, когда я приходил к нему, всякий раз крутил в каюте киноролик о тюленях, который он снял во время плавания.

Белёк был нерпушонком – сыном жёлтой тюленихи-нерпы, белый-белый, пушистый, как заячья рукавичка. Только нос и глаза у него были чёрные.

Плавал он ещё плохо, и поэтому мать держала его в лёжке, на снегу, возле большой ледяной глыбы – тороса.

Однажды мать отправилась в соседнюю полынью за рыбой. Белёк лежал и смотрел на мир круглыми, как бусины, глазами.

Вдруг рядом с ним появилась тень.

Это приближалась беда.

У матери Белька тени не было. Когда она ползла по снегу, то плотно прижималась к нему животом.

Бедой могли быть только медведи и люди. О них мать рассказывала столько, что Белёк отлично представлял их себе.

На всякий случай он ткнулся носом в снег и замер.

Всё тихо. Тогда он чуть-чуть повернул голову и покосил глазом.

Рядом с ним стоял мохнатый четырёхногий зверь с длинной шеей и опущенной до льда мордой. Медведь!

У Белька отчаянно заколотилось сердце и похолодели кончики ласт.

Медведь не торопился. Он прошёлся около Белька, задел его лапой и грузно лёг на снег.

Нерпушонок лежал ни жив ни мёртв. И вдруг он понял: медведь ждёт его мать!

Прошёл час. Впрочем, Белёк не знал, что такое час. Он даже не знал, что такое год, зима и лето. Ему было всего только две недели от роду.

Послышался лёгкий шум.

Ожидая увидеть мать, Белёк открыл глаза. Он даже раскрыл рот, чтобы издать предостерегающий крик, но так и обомлел. Прямо на него шёл второй медведь, ещё

больше первого. Он шёл, размахивая головой из стороны в сторону. Из раскрытой пасти клочьями валилась на снег слюна. Громадные жёлтые лапы – хрум! хрум! – по очереди взлетали и падали в снег.

Медведь подходил всё ближе и ближе... Вот он поднимает лапу и...

Бах-тара-рах! – прогремело над самым ухом у Белька.

Первый медведь, который лежал рядом с ним, как-то нелепо дёрнулся, подскочил и развалился на части. Из-под него выскочили два существа, каждое с двумя ногами и гладким безволосым лицом.

«Люди!» – испуганно догадался Белёк.

В руках у одного человека была длинная блестящая палка, второй держал у самого лица маленький чёрный ящик с выпуклым глазом. Этот глаз он наводил попеременно то на Белька, то на второго медведя.

Первый человек поднял блестящую палку вверх.

Из палки брызнул огонь и выскочил клуб серого дыма. Бах-тара-рах! – второй раз загремело в воздухе.

И тогда медведь, грозный медведь с жадно раскрытой пастью, заревел от испуга, повернулся и, высоко подбрасывая задние ноги, кинулся наутёк.

Люди подошли к Бельку.

Первый человек закинул блестящую палку за спину, взял нерпушонка на руки и, широко шагая, понёс его к полынье. Там, то и дело поднимая надо льдом усатую голову, беспокойно кружилась мать. В зубах её дрожала белая головастая рыбина.

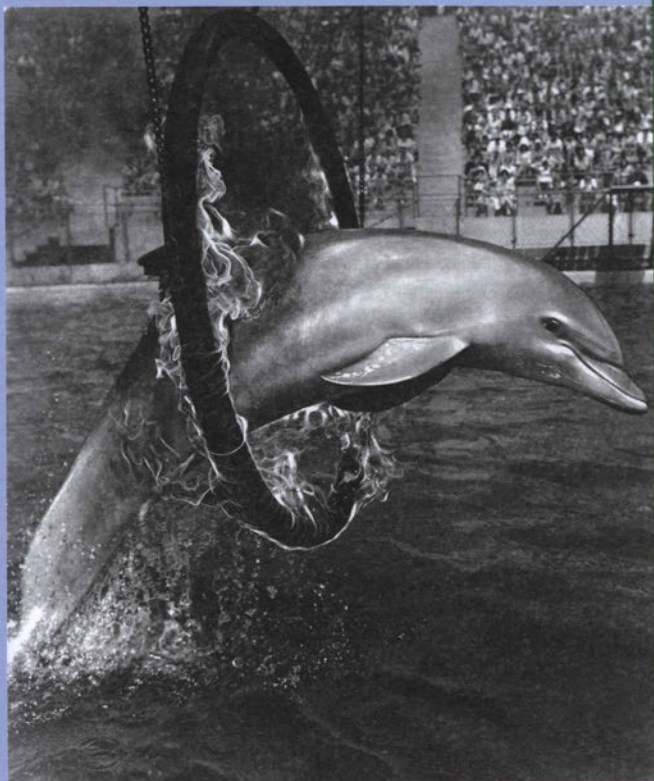
Не доходя нескольких шагов до полыньи, человек стал на одно колено и опустил Белька в снег.

Нерпушонок, часто работая лапами и смешно вертя головой, пополз к воде.

Прежде чем соскользнуть в полынью, Белёк оглянулся.

Круглый глаз больше не смотрел на него. Люди стояли, подняв каждый одну руку вверх, и выкрикивали что-то прощальное и не злое.

Дельфины надолго стали моей любовью. Случилось так, что после войны, где при освобождении Севастополя я командовал катером-охотником за подводными лодками, я снова попал в знакомые места – в бухту Казачью, где в больших вольерах содержали и обучали разным трюкам дельфинов. Здесь родились книги «Дельфиний остров», «Девочка и дельфин» и рассказ «Мокрый цирк».

Но сделать хорошую фотографию умелого ловкого дельфина тогда мне не удалось. Пришлось посетить другие дельфинарии и вот, наконец, удача: голубое животное, разогнавшись, вылетает из воды и стрелой пробивает огненное кольцо. Настоящий мокрый цирк! С названием рассказа я угадал.

ГОРОД ОСЬМИНОВ

Одному кинооператору нужно было снять под водой фильм. Фильм об осьминогах.

Он приехал в приморский город, и там местные рыбаки послали его на пляж, который начинался сразу же за последними домами.

«Где песок, там много света, – подумал оператор. – Неужели там будут жить эти сумеречные животные? И потом, во всех книгах пишется, что осьминоги любят скалы и прячутся днём в расселинах. Странно, очень странно...»

Но всё же он взял подводную кинокамеру и отправился за город. Пришёл на пляж, надел свой акваланг, взял камеру и полез в воду.

Плывёт. Внизу песок. Светлый, почти белый.

«Где же осьминоги?»

Осьминогов не было. Вместо них по песку бродили маленькие рачки-отшельники. Каждый нёс на себе домик-раковину. Когда на рачка падала тень от плывущего человека, он останавливался, поджимал лапки и валился вместе с раковиной набок.

Попались и две пятнистые камбалы. Одна метнулась в сторону, ударились о песок и стала ждать, пока песок, оседая, засыплет её.

Вторая решила закопаться сама, легла на дно и, мелко-мелко перебирая плавниками, забросала себя.

Больше никакой живности тут не было. Крупные размытые пятна – тени облаков – бродили по дну. Виднелись полузасыпанные песком камни. Они лежали один в стороне от другого, и возле каждого почему-то валялись обломки раковин.

Около одного камня оператор на всякий случай нырнул. Камень как камень. На макушке пучок водорослей. Около камня – раковины.

Отбросил оператор одну раковину в сторону и поплыл дальше.

Так он искал целый час, но не смог увидеть ни одного осьминога.

«А говорили – их тут полно!» Оператор вздохнул, забросил за спину кинокамеру и повернул назад к берегу.

Плывёт. Под ним медленно движется дно. Вот и тот самый камень с пучком водорослей. Вот и раковина... Э-э, а кто это подтащил её назад к камню?

«Тут дело нечисто!»

Лёг на дно, приблизил маску к самому камню, заглянул под него. А камень-то приподнят! Под ним – щель. В щели – два глаза. Смотрят на человека, не мигают.

Сунул человек руку под камень, а в щели что-то мягкое, скользкое, живое. Отдёрнул. Тогда

из-под камня щупальце высунулось, обхватило горсть раковин и подвинуло их ближе к щели. Закрыло вход!

Тут человек и понял, что под камнем – осьминожий дом, а раковины – остатки осьминожьих обедов и ужинов.

Перебрался оператор ко второму камню. И под ним – осьминог. К третьему – и там. Выгнал он одного, включил кинокамеру и полплыл следом за животным.

Удирает осьминог. Раздвигает и сокращает тело, размахивает из стороны в сторону плетью-щупальцами. Человек – следом. Плыёт, камеру около глаз держит. Света над песчаным дном много, так и лучится песок, так и играет свет на голубоватом зыбком животном.

Хорошие получаются кадры!

Верно говорили – полно здесь осьминогов. Целый город.

МОРСКОЙ ПАХАРЬ

Один мой знакомый плавал на судне у берегов Чукотки, изучал морское дно. А для этого была у них телевизионная камера. Опустили они однажды свою камеру под воду. Медленно плывёт судно. Люди в каюте смотрят на экран. Медленно плывёт на экране изображение дна. Ил... песок... редкие кустики водорослей. Ни рыб, ни животных... Скука!

Вдруг смотрят – на дне появились борозды. Одна, вторая, третья... Ряд за рядом. Да такие аккуратные, будто кто-то нарочно перекопал ил, разрыхлил его, потрудился на совесть. Только откуда быть на дне пахарю?

В это время судно остановилось.

Все ушли, а мой приятель остался у телевизора. «Авось, – думает, – увижу этого земледельца».

И дождался.

Мелькнула на экране тень, медленно проплыла мимо камеры здоровенная туша. Круглая голова, затылок в складках, ласты к бокам прижаты, плоский хвост вверх-вниз колышется. Повернулась голова – усы, два клыка-бивня вниз торчат. Морж!

Опустился зверюга на дно и давай клыками ил ковырять. Гребков десять сделал – грядку вскопал. Назад плывёт – мордой в перепаханный ил тычет.

Э-э! Да это же он из борозды раковины выбирает! Жители их – моллюски – народ хитрый, от врагов всегда в ил закапываются.

Здорово придумали, а морж – не хуже. Плыёт, губами толстыми шевелит, раковину за раковиной раскусывает.

Чем не морской пахарь?

КАК ЛАСКИРЬ УЧИЛСЯ ХВОСТОМ ВПЕРЁД ПЛАВАТЬ

Сказка

У ласкиря, морского карася, врагов в море – не сосчитать. Вечно он носится взад-вперёд, от чьих-нибудь зубов спасается.

И вот вздумалось ласкирю научиться хвостом вперёд плавать.

«Научусь, – думает, – и тогда дудки – никому меня не поймать!

Поворачивать не нужно – от любого удеру. Только где такую рыбу найти, которая бы научила?»

Прослышал ласкирь, что неподалёку живёт морской конёк и что плавает не как все рыбы. Кинулся его искать.

Видит – торчит из травы маленькая лошадиная голова. Грива лохматая, нос трубочкой.

– Эй, – кричит ласкирь, – выходи, лошадиная голова! Потолковать надо.

Качнулась трава, выплыла из неё рыбка. Плывёт стоймя, грудь вперёд, хвост колечком закручен.

– Зачем, – говорит, – звал?

Рассказал ласкирь.

– Нет, – говорит рыбка. – Я только головой вверх плавать умею. Поди-ка ты к камбале: она, говорят, тоже как-то по-своему плавает. Уж не хвостом ли вперёд?

Начал ласкирь камбалу искать.

Забрёл на песчаную отмель. Плывёт, на оранжевый песок смотрит. Перед самым его носом крабчонок-плавунец вертится.

Вдруг из песка какая-то рыбина как выскочит! Схватила плавунца и обратно на дно пошла.

Плывёт рыбина на боку, всем телом, как тряпка, колыхается.

Ласкирь за ней.

– Уж не ты ли камбала будешь? – спрашивает.

– Я, – отвечает. Легла на дно и давай закапываться, плавниками песок на себя набрасывать. Закопалась, одни глаза торчат.

– Ловко ты плаваешь! – говорит ласкирь. – А хвостом вперёд умеешь?

– Нет, – отвечает, – не умею. Но слышала я: далеко на юге, в тёплых реках, рыба-лист и синодонт-рыба живут. Те, говорят, по-всякому умеют.

Делать нечего. Отправился ласкирь за тридевять морей искать реки с диковинными рыбами.

Долго искал.

Бредёт раз по тёплой реке, видит: плывёт навстречу лист. Бурый, с тёмными жилками, лопаточкой кверху, черенком вниз.

А ласкирь-то голодный.

«Дай, – думает, – отщипну кусочек».

Только к листу сунулся, а тот в сторону как метнётся!

Ба! Да это же рыба! Висит в воде головой вниз, на подбородке лоскут, как черенок.

– Ну, – говорит ласкирь, – и дела! Вот ты где, рыба-лист! Ну-ка покажи, как хвостом вперёд плавать!

– Эко выдумал! – отвечает рыба. – Я только так – головой вниз – умею. Не мешай! Видишь, вон к той малявке подкрадываюсь!

И поплыла дальше.

Пришлось ласкирю синодонта искать. Выбился из сил, отощал, еле хвостом ворочает.

«В последнюю реку, – думает, – загляну – и домой!».

Зашёл в реку, глядит – плывёт странная рыба. У всех рыб спина тёмная, брюшко светлое, а у этой – наоборот.

Ласкирь к ней.

– Не видала ли, – спрашивает, – синодонта?

– Как не видеть? – отвечает. – Я сама синодонт и есть!

Ласкирь от радости даже подпрыгнул.

– Научи поскорей, – молит, – хвостом вперёд плавать!

Усмехнулся синодонт, перевернулся брюхом кверху и говорит:

– Вот так плавать – спиной вниз – могу научить. Только у тебя для этого цвет неподходящий. Сам знаешь: плавать тёмным кверху нужно, чтобы птицам нас не так заметно было... А насчёт того, чтобы хвостом вперёд... сколько лет живу на свете, не слыхала, чтобы так плавали. Нет таких рыб!

Опечалился ласкирь, повернулся и пустился в обратный путь.

Плывёт между коралловых веток, а ему навстречу медленно-медленно хвостом вперёд рыба выплывает!

У ласкиря аж дух перехватило.

А рыба плывёт себе как ни в чём не бывало. Сама широкая, в жёлтых и бурых узорах, зубы как щетинки.

Через всю голову тёмная полоса идёт, глаз на ней и не видно. Зато с каждой стороны хвоста по чёрному пятну: ни дать ни взять – глаза!

Плывёт рыба этими пятнами-глазищами вперёд – ни за что не скажешь, что это она задом пятится.

Стал ласкирь с рыбой знакомиться, а это оказался щетинозуб, морскому окуню родня.

– Так и быть, – говорит, – выучу тебя хвостом вперёд плавать. Смотри!

Поставил щетинозуб хвост прямо, толкнулся плавниками от себя и подался назад. Потом ещё и ещё.

Только ласкирь хотел попробовать, откуда-то сбоку акулёнок выскочил. Целил щетинозуба схватить, да не разобрал, где у того голова, и пролетел!

Ласкирь наутёк.

Мчится, от куста к кусту бросается.

Оглянулся – за ним щетинозуб головой вперёд летит, хвостом воду сверлит.

Заскочили оба за камень, отдышались, ласкирь и спрашивает:

– Чего же ты не хвостом вперёд плыл?

А щетинозуб отвечает:

– Ишь ты какой! Попробуй удери хвостом вперёд! Я ещё жить хочу... Ну, так как, учить тебя дальше?

– Не нужно, – говорит ласкирь. – Удирать головой вперёд я и сам умею. Счастливо оставаться!

И поплыл к себе домой...

Так и не научился ласкирь плавать хвостом вперёд. Но до сих пор цел. Хоть и головой вперёд, а от всех удирает!

ОСЬМИНОГ НА СКАЛЕ

Я

часто видел на дне маленьких, как паучата, осьминожков, а вот настоящего, с копну сена, про каких рассказывают бывалые рыбаки, долго не встречал.

И наконец повезло.

Был вечер. Солнце пробилось через узенькую щель между облаками, облило море неярким светом, начало опускаться за горизонт.

Гасло небо. Гасло, голубело морское дно.

Я плавал с ластами и маской около восточной оконечности острова Попова. Берег отвесной стеной опускался в воду и заканчивался внизу галечной ссыпкой.

Сумеречная тень лежала на воде. Каменная стена была неразличима.

Я плыл прямо на неё.

Вокруг – темнота, густая и холодная. Только подо мной на глубине белым пятном – галька.

И вдруг из полумрака выплыло что-то серое. Выплыли и уставились прямо на меня два чёрных настороженных глаза.

Глаза были плоские, полуприкрытые белыми шторками век.

Я не сразу понял, что уже нахожусь у стены и что это смотрит на меня осьминог. Он сидел в расселине.

Я даже вздрогнул – таким большим показался он мне сначала.

Мы смотрели друг на друга.

Глаза привыкли к сумраку, и я стал лучше видеть его.

Осьминог был весь в мелких белых складках, словно обсыпанный чешуйками пепла. Тело его то раздувалось, то опадало. Он дышал.

Слабое течение несло меня мимо скалы. Я шевельнул руками, чтобы удержаться на месте. Осьминога это испугало. Щупальца его, распластанные по скале, пришли в движение. Они начали скользить и собираться все сразу, как по команде. Осьминог горбился, надувался. Белые кольца присосок двигались вместе со щупальцами, мерцали, гасли – животное подбирало их под себя.

Наконец осьминог перестал расти вверх, осел, расплылся, повернулся спиной вниз и легко выскользнул из расселины. Он плыл задом наперёд, выталкивая из себя воду, как медуза раздувая и сокращая тело.

Я оторпело подался назад. Раскинув щупальца в стороны, осьминог, как на парашюте, сел на дно, потом покатился вбок и, сойдя с белого галечного пятна, пропал из виду.

И тогда меня охватил страх. Непонятный, необъяснимый страх. Я заболтал ногами изо всех сил и бросился плыть к берегу. Скользя и спотыкаясь о камни, выбрался из воды, сел на горбатый холодный валун и стал соображать: что случилось?

А не случилось ничего – осьминоги ведь на людей не нападают.

Мало-помалу я успокоился и даже развеселился.

Теперь я знаю: осьминог по-своему красивое и ловкое животное. Он хороший пловец и подводный альпинист.

И ещё. Когда животное проплывало мимо меня, я увидел его глаза, окружённые морщинками. Они были печальные и спокойные.

Мудрые, стариковские глаза.

ПИРАТСКИЙ ОСТРОВ

Как-то стоял наш пароход на якоре в море около Владивостока. А там много островов. Взял я шлюпку и ушёл на остров.

Приплыл, вылез. Посреди острова – скала. Высокая – голову задирать надо. Кольцом вокруг скалы галечный бережок. На бережке грудями какие-то скорлупки лежат.

Подошёл я, поднял одну, а это скелет морского ежа. Известковая скорлупка, белая, промытая дождём, иссушенная солнцем. Без игол, без кожи, без ничего.

Очень похожая на маленький человеческий череп.

Весь берег усеян этими скорлупками. Как поле боя или как город после нашествия пиратов.

Уселся я на берегу и стал думать: а что, если этот остров и впрямь пиратский?

Сижу под скалой. Над островом – чайки.

Кружатся, кого-то высматривают. Должно быть, рыбу.

В море небольшая зыбь. Подойдёт вода к острову, затопит прибрежные камни и схлынет. Обнажится донная зелень, каменные бока валунов все в ракушках.

Вдруг одна чайка отделилась от стаи – и камнем вниз. Как раз в тот момент, когда вода схлынула, когда обнажился бок валуна. А на валуне морские ежи. Чёрные, колючие. Метнулась чайка над самой водой, ухватила ежа клювом за иголку – и вверх.

Летит, снова вниз смотрит. Над берегом пролетала, разжала клюв, ёж – шлёп на гальку! – и покатился.

Опустилась чайка рядом. Лапой перевернула и давай в брюхо клевать. Ёж в иголках, а со стороны брюха – мягкая кожица. Клюёт её чайка, головой вертит. То ли ей этот ёж не нравится, то ли у неё привычка такая.

А над ней подружки. Реют над островом, как чёрные флаги.

И впрямь пиратский остров!

Эта фотография попала сюда из-за костюма. Из-за водолазного костюма, в котором мы с Виктором по очереди опускались под воду. Виктор Шапулин был одним из лучших водолазов, которых я знал. Он первый выполнил мою просьбу поймать большого осьминога и вытащить его на поверхность. Труд водолаза опасен, нужно не только богатырское здоровье, нужно уметь справляться на дне с любой работой и иметь везение. Виктору не повезло: катер, с которого его спустили под воду, не послушался руля и винтом перерубил шланг, по которому подают водолазу воздух.

Он был отличным парнем, этот добытчик трепангов с острова Попова.

РАК-МОШЕННИК

Сказка

авным-давно это было. Собрались на совет раки – решать, кому где жить.

Кто побольше – в море пошёл. Кто поменьше – в реки.

Остался самый маленький рачишка. Зелёного цвета, одна клешня больше, другая – меньше. Хвост и брюшко мягкие, слабые.

Ростом маленький, а хитрый-хитрый.

– Куда большие пошли, уж там, верно, лучше, – рассудил он.

И пошёл жить в море. Прошло немного времени. Видит рачишка: не-сдобровать ему!

В море хищников разных, рыб зубастых видимо-невидимо. Того и гляди, бычок-страшило съест или краб клешней перешибёт. Где уж тут до хорошей жизни!

Залез рак под камень. Высунется оттуда, схватит травинку или червяка – и обратно.

Видит однажды: ползёт мимо улитка-береговушка. Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что – спряталась в неё. Свой дом!

«Вот бы мне такой!» – думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать – умишка недостаёт, а обмануть – хватит.

– Здравствуй, соседка! – говорит. – Вылезай из домика, потолкуем.

– Некогда, – отвечает улитка. – Не видишь разве – тороплюсь. Сёстры ждут. Да и не оторваться мне, пожалуй, от домика: с ним расту!

И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

– Ах ты, слизняк безмозглый! – рассердился рачишка. – Ну погоди, выманю я тебя из раковины!

Прошёл год. Опять встретился у своего камня рачишка с улиткой.

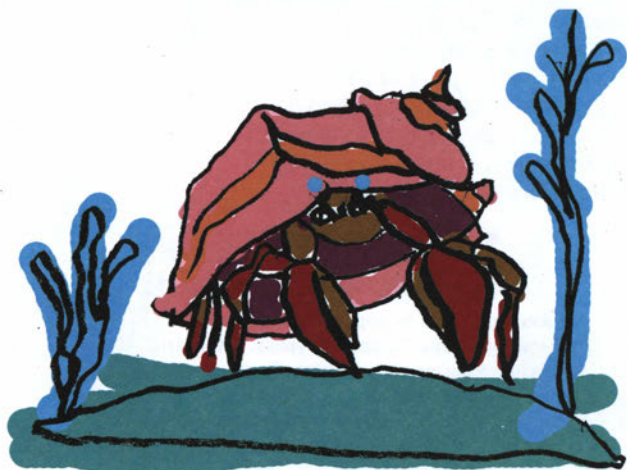
– Где это ты пропадала? Отдохни. Поди, устала дом на себе таскать? У меня для тебя что-то есть. Вылезай – покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных, и те не отдаст.

– А мне ничего не нужно, – отвечает береговушка. – Вот разве клешню бы, как у тебя. Худо без рук!

– Есть, есть у меня под камнем клешня! – обрадовался рачишка. – Полежай за мной!

Не поверила улитка: виданное ли это дело, чтобы клешня одна без рака под камнем лежала!

Тут, откуда ни возьмись, налетел на них морской ёрш – скорпена. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промаяхнулся, хватъ зубами за клешню. И обломил.

Рачишка под камень – шашть! Еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

Прошёл ещё год. Новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретился рачишка с береговушкой. Видит улитка – новая клешня.

– Откуда она у тебя? – спрашивает.

«Ну, – думает рачишка, – теперь-то я тебя из домика выманю!»

– Как откуда? Говорил я тебе: под камнем была. У меня там ещё одна припасена.

– Дай мне! – просит береговушка.

– Самому нужна... Ну, да так и быть, уступлю. Ползи за мной.

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним, – не пускает раковина. Еле-еле отодрала её от спины, вылезла, с непривычки поёжилась – и под камень.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом – и к раковине. Хвост и брюшко в неё засунул, клешни и усы – наружу.

Поискала, поискала улитка под камнем – нет ничего!

Выбралась, смотрит, а рачишка спиной приподнял её раковину и бежит по дну прочь.

Осталась улитка без дома.

В тот же день ёрш её съел.

Рачишка с тех пор на себе раковину таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его называют раком-отшельником.

А ребята, когда случится его из воды вытащить, кричат:

– Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

МОРЕ ПОД ОБЛАКАМИ

Один мой приятель был в экспедиции с учёными на берегу Чёрного моря.

Разбили они лагерь. Погода пасмурная. Только что отгрохотал шторм. Скалы мокрые. Из расщелин ручейки. Низкие облака цепляются за верхушки скал. Облака невысоко – метров сорок.

«Дай, – думает мой приятель, – рукой потрогаю облако!»

Подумал так и полез на скалу. Лезет, по сторонам смотрит. Запоминает обратный путь. Вверх не страшно, а вот вниз! Куда ногу ставить – не видно. Лез, лез и долез до широкого уступа. Посмотрел вверх. До облаков ещё метров десять. Посмотрел вокруг – в камнях на уступе лужицы.

Видит – в одной лужице что-то шевелится. Присел над ней на корточки. В красноватой воде – крабишка. Увидел человека и под камень – шашь!

Посидел под камнем, любопытство одолело, высунул нос. Клешонками шевелит – ждёт, что человек делать будет?

А в луже он не один. По дну две витые ракушки ползут, чёрные моллюски их на себе тащат. Маленькие серые рачки шныряют: то в стайку собьются, то во все стороны – порск! И что самое удивительное – рыбка! Бычок, с мизинец толщиной. Глазастый, губы бантиком.

Очень удивился мой приятель. Как эта живность в дождевую лужу на верхушку скалы попала? Ну ладно, краб, моллюски, рачки по стенке могли залезть. А рыбка? Странная компания! Не по воздуху ведь они сюда прилетели? Захотелось приятелю пить. Макнул палец – и в рот. А вода-то в луже солёная, морская! Тут он и сообразил. Никакая это не дождевая лужа. В шторм, когда волны о скалу разбивались, брызги вверх летели. Получались на уступе лужи. И морские животные с брызгами сюда попали – вон на какую высоту их забросило! Ну, а что с ними дальше будет? Выглянет солнце, лужи высушит – и конец?

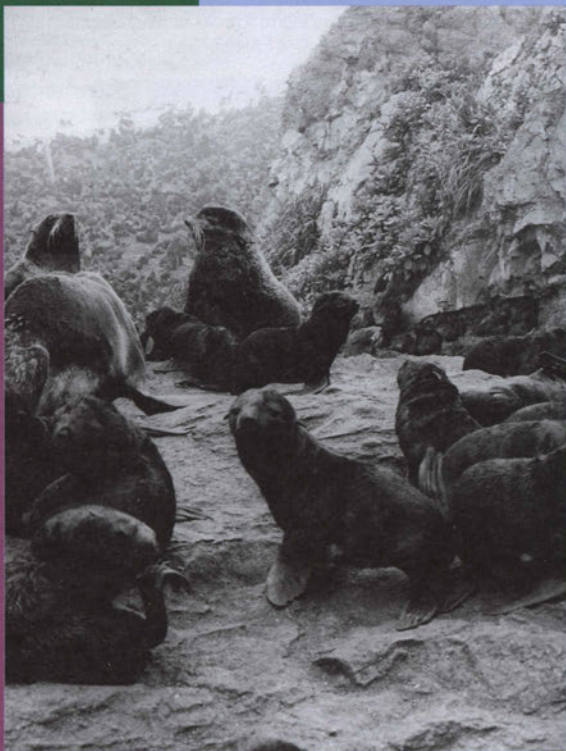
Опустил приятель в лужу руку, загнал бычка под камень, вытащил за хвост и швырнул в море.

Больше он никого не спасал. Краб и моллюски захотят – своим ходом уйдут, а рачков не поймает – маленькие они да вёрткие. А может, солнца скоро и не будет? А будет опять шторм? Снова полетят вверх солёные брызги. Переполнятся лужи водой и потекут ручейками вниз. Вместе с водой потекут их обитатели. Домой – в море.

Посмотрел мой приятель ещё раз на крабишку, попрощался с ним и хотел было лезть дальше. А дальше – никак. Выше отвесная стена, ни одной ступеньки.

Так и не долез он до облаков. Метров десять. Чуть-чуть.

На острове Беринга, в самой северной части Тихого океана, я побывал дважды. Идёшь по тундре, мох, кочки, и вдруг впереди возникает неясный гул, он усиливается, к нему добавляется стойкий запах хлева. Ещё сотня шагов, и ты на обрыве, а внизу два моря. Одно настоящее – вода, океан до самого горизонта. Второе – живое, сотни тысяч котиков. Берег живёт, движется, хрипло режут седые самцы-секачи, блеют коричневые самочки, жалобно вскрикивают их дети-малыши чёрненькие. Восторг!

ЭТО СТУЧИТ СЕРДЦЕ КИТА

Как-то в полярные воды зашёл военный корабль. Он должен был снять с китобойца заболевшего матроса и отвезти его в ближайший порт.

Корабли встретились и остановились борт о борт. Больного стали готовить к передаче. В это время матрос-гидроакустик военного корабля включил свою станцию и стал слушать, как звучит антарктическое море.

Шумы... шорохи... Скрипнуло что-то и замолчало. Засверлило, запело – это не-вдалеке проплыл косяк рыб. И вдруг – стук-стук!

Что такое?

Прислушался акустик. Опять – стук-стук!

Постучит и пропадёт. Будто кто-то за дверью работает. Пока дверь открыта, стук слышен. Захлопнули дверь – и стук пропал.

Вышел матрос на палубу.

Зелёное море до горизонта. Стоят их корабль и китобоец, привязанные друг к другу. Моторы заглушены, не работают. Неподальку кит-одиночка бродит: вынырнет, пустит фонтан и опять скроется. Всё тихо. Некому и нечем стучать.

Непонятно!

Махнул матрос рукой и пошёл помогать переносить больного.

Через неделю, когда корабль пришёл в порт, акустик разговаривал на берегу с одним человеком и рассказывал ему про звуки, которые слышал в море.

Этот человек был учёный. Он изучал жизнь морских животных.

– Очень интересно! – сказал учёный. – А ну пойдёмте ко мне.

Он привёл матроса к себе

в кабинет, поставил на стол магнитофон и включил запись.

В магнитофоне зашуршало, а потом послышалось знакомое: стук-стук!.. Стук-стук!

– Это стучит сердце кита, – сказал учёный. – Вы знаете: звук хорошо распространяется в воде. Когда кит открывает рот, чтобы проглотить добычу, стук его сердца разносится далеко-далеко. Потом он захлопывает рот, и стук не слышен.

Матрос расстроился и ушёл. Ему было жалко, что он сам не записал услышанное в море. Стук-стук-стук! – это стучит сердце кита.

«Пишите каждый день, каждую неделю...»

Случилось так, что я попал в Ленинград на штурманские классы учиться, а один опытный человек послал мои рассказы знаменитому писателю-натуралисту Виталию Бианки. И вдруг получаю я от Бианки письмо: «Приходите, принесите что-нибудь новенькое». Вот я на Васильевском острове, звоню, меня встречает пожилой, грузный мужчина в домашнем халате (он болел) и говорит: «Ну, что принесли? Показывайте». Берёт рукопись (а это была сказка о морском карасе-ласкире, как тот учился хвостом вперёд плавать) и уходит в соседнюю комнату. Я наблюдаю через полуоткрытую дверь. Он читает, потом удивлённо поднял брови, хмурится и, наконец, радостно улыбается. «Ну, — думаю, — всё в порядке!» Он выходит и говорит: «Плохо, ах, как плохо!» Я чуть не упал со стула. «Сколько будете в Питере? Ещё год? Так вот, пишите каждый день, всю неделю, а в субботу приходите и читайте, что вы написали. Будем учиться, к концу года должны быть «Морские сказки»».

И я приходил к нему как на службу. Исписал 250 листов!

Была его школа жёсткой. Однажды в письмо он даже накричал на меня: «...Чёрт побери! Когда Вы научитесь писать по-человечески? Когда забудете, что Вы начальник штаба, командир корабля и прочее?..»

Но чаще всего Виталий Валентинович просто учил: «Пишите кратко, ясно, прозрачным языком».

Тогда же я услышал: «Главное — всё видеть своими глазами. Идешь по лесу: «А это что такое?» — затаился, ждешь, ах вот оно что!... Рассказ — это всегда приключение, тайна и её разгадка».

А вот отрывки из воспоминаний писателя Николая Сладкова о первой встрече его со Святославом Сахарновым.

«Я зашёл к Виталию Валентиновичу Бианки и встретил у него незнакомого моряка. Виталий Валентинович, хитро на него поглядывая, говорит мне: «Очередной мой мучитель! Первый рассказ свой принёс. И как это люди ухитряются так плохо писать свои первые рассказы?»

Мне стало неловко: моряк всё-таки, мундир, орденские планки... Но моряк не смущается. Это хорошо. Значит, он не думает поразить мир первым же своим рассказом. Понимает и к кому пришёл, и зачем: Виталий Валентинович – писатель старый и опытный. К советам его многие прислушиваются.

Мы познакомились. Моряк – Святослав Владимирович Сахарнов – приехал с Тихого океана. Заговорили, конечно, о море. Это было время, когда люди особенно серьёзно занялись изучением морских глубин. Говорили мы о подводных домах, об аквалангистах, об обитателях морского дна. Мы оба опускались под воду, и нам было о чём поговорить.

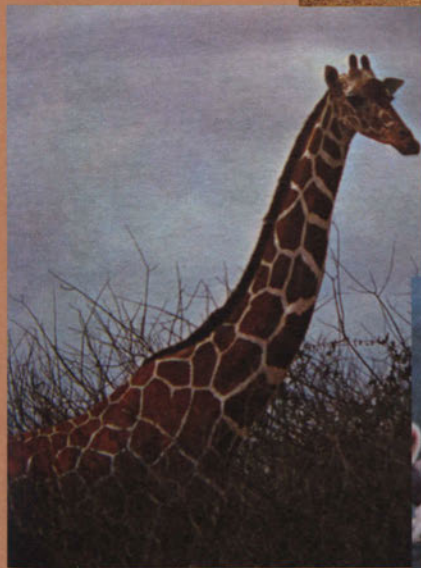
...Через год мы встретились снова. И опять у В.В. Бианки.

На этот раз Сахарнов вернулся с Чёрного моря. Читал нам повесть о том, как с маской и лапами опускался на дно. Называлась повесть «Разноцветное море». Очень она нам понравилась.

– Первая морская подводная книжка для детей! – сказал Виталий Валентинович, когда автор кончил читать, – будем ждать, когда её напечатают».

Но книжки этой новой Виталий Бианки не дождался, она вышла уже после его смерти.

Продолжение на стр. 121

Зелёная дорога

Рассказы и сказки Африки

КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

Как-то из поездки в жаркую Африку я привёз кокосовый орех. Привёз и положил на книжную полку.

Как только я положил его на полку, в комнате сразу запахло африканской сухой травой, сырым лесом и ещё каким-то слабым звериным запахом. Однажды орех упал и разбился. Я не стал выбрасывать осколки, а бережно подобрал их и положил снова на полку. И слабый запах кокоса остался. Я часто подносил скорлупки к лицу, втягивал полузабытый аромат. Я вспоминал. Мало-помалу вернулось всё, что я видел и о чём раздумывал во время путешествия.

Виталий Бианки меня чему учил? «Идёшь, заметил что-то загадочное – замри. Присмотрелся: „Ах, вон оно что!“ и обдумай подмеченное».

Так что же я подметил в Африке?

Прежде всего, я влюбился в неё с первых же часов.

Скажем, летим из Москвы и Дар-эс-Салам. Пролетели гору Килиманджаро – снежная шапка на экваторе! Дальше, вижу под нами розовое озеро, неправдоподобно яркого цвета. И вдруг это озеро поднялось, рассыпалось на тысячи розовых точек. Фламинго! Десятки тысяч птиц, вспугнутые самолётом. Покружилась стая и начала садиться. Пройдёт десяток минут и блёкая серая вода снова запылает. Ну, как тут не восхититься?

И, конечно, заповедники!

Если во всём мире больше говорят о защите природы, чем это делают, то африканские страны выделили своим слонам, антилопам и бабуинам огромные участки земли. Звери живут там прежней естественной жизнью. Человек им не мешает. Едешь в автомобиле, а рядом папа-страус сидит на кладке яиц. Чуть подальше гепард преследует и валит антилопу. Оба знают – человек не враг, а автомобиль – это безбидный железный зверь. Учёные со всего мира в этих заповедниках изучают жизнь горилл, носорогов, птиц... Особенно тех, кому гро зит исчезновение. Ведь ежегодно с лица Земли исчезают десятки видов зверей, рыб и птиц.

Нас, людей, на планете всё больше и больше, мы вырубаем леса, распахиваем степи, перегораживаем реки. И остаются без приюта, без мест охоты и пропитания бывшие

жители леса – медведи и лисы, бывшие жители саванны – львы и антилопы; гибнут оставшиеся в перегороженной реке осётры и сазаны. Даже из бескрайнего Океана мы ухитрились едва не выбить и выловить всех китов и селёдку.

Спихватились!

Вот почему надо разгадывать загадки, которые на каждом шагу подкидывают нам четвероногие, крылатые и плавающие. Станешь взрослым – тысячу раз прикинь: где строить плотину, где можно и где нельзя пахать целину, как сберечь многовековые сосны и кедры.

...А ещё запах осколков кокоса напомнил мне, что, бродя по Африке, я собирал, записывал и переводил народные сказки. Уверен, что сказки о животных, сочинённые разными народами, лучше всего говорят о том, что наша планета – один огромный космический корабль. Что радость и горе, где бы они ни случились, похожи, они – общее дело. Природа – тоже.

ДОМ НА ПРОДАЖУ

О том, что Самуэль, водитель моей автомашины, чем-то глубоко озабочен, догадаться было не трудно. Уже с утра, когда он подгонял машину к гостинице, а я, перебравшись через борт, усаживался рядом с ним, он выглядел обеспокоенным. Чёрный лоб пересекали две глубокие морщины. А когда в саванне машина останавливалась и я принимался фотографировать животных или просто наблюдать за ними, молодой африканец откидывался на сиденье, жевал губами и что-то про себя бормотал. Наконец молчание стало для него невыносимым, и Сэм решил:

– Дядя хочет продать дом, – сообщил он и горестно закачал головой.

– Это тебя беспокоит? – откликнулся я. – Ах да, ведь ты живёшь у него. Тебе негде будет жить?

– Почему? Когда дядя продаст дом, он даст мне денег, и я смогу снять комнату. Снова вздох.

– Значит всё в порядке. Что же ты грустишь? Нет покупателей?

– Есть.

Опять молчание.

Я был готов расхохотаться.

Случилось так, что вскоре мы поехали через деревню, где жил Сэм. Около одного из домов – стены плетёные, обмазанные глиной, крыша из вязок пальмовых листьев – машина остановилась.

– Вот наш дом, – сообщил мой шофёр.

– А-а, ты хочешь познакомиться меня с дядей?

– Очень хочу.

Было утро, но солнце уже начало обжигать лица. Оставив машину, мы подошли к дому.

Около двери, загораживая вход, лежала блестящая автомобильная шина. При нашем приближении она зашевелилась, поднялась плоская с коричневыми глазами голова, шина сдвинулась с места, стала двоиться и оказалась большой чёрно-зелёной змеей. На коже её блестели редкие, похожие на буквы узоры.

– Сэм, – воскликнул я, – да ведь тут змея! Крикни дядю, давай прогоним её.

Питон развернулся, но вместо того, чтобы уползти прочь и уйти в зеленевшие за домом огороды, снова свернулся в кольцо.

Привлечённый нашими голосами, в дверях показался старый африканец. Он радостно закивал нам. На змею дядя не обратил никакого внимания.

Пока Сэм рассказывал ему, кто я такой, я всё время поглядывал на чёрно-зелёные блестящие бока питона.

— Он живёт у нас в доме уже десять лет, — сообщил Сэм. — Дядя принёс его из леса, когда я был ещё мальчишкой и ещё не видел в глаза ни одного автомобиля. Он ловит крыс, бродячих собак и пугает воров. Дядя всем говорит, что продаст дом только со змеей. У неё в подполе есть своя нора. Только так продам, говорит дядя.

— Так вот почему не идёт продажа, да?

Сэм кивнул.

— Люди боятся. Они дают за дом хорошие деньги, но требуют, чтобы змея ушла. А дядя говорит: нет, она должна остаться, это её дом.

— И что же делать?

Вмешался дядя и начал многословно и длинно что-то объяснять.

— Он говорит, — перевёл Сэм, — что надо найти покупателя из Бурунди или Заира. Там есть племена, у которых питон считается священным. Такой человек с радостью купит дом вместе со змеей. И всем будет хорошо... Хотите, дядя расскажет вам, что значат узоры на коже змеи?

— Конечно!

И тогда старый африканец, присев на корточки, стал объяснять мне значение змеиных иероглифов:

— «Великолепие», «терпение», «верность» — говорил он, водя пальцем по блестящей змеиной коже!

Питон, подрагивая боками, терпеливо это сносил.

«Всем будет хорошо», — повторил я про себя, поблагодарил старика, и, поминутно оглядываясь, мы с Сэмом пошли к машине, чтобы ехать домой, в гостиницу, в заповедник.

МОЛОТОК МУСАО

Первое, что я услышал, сойдя с трапа самолёта в танзанийском городе Аруша, было:

– О-о, вам повезло, у нас живут самые занятные звери в Африке! Нигде нет ничего подобного, – сказал встречавший меня на аэродроме сотрудник национального парка Маркович. – Скажем, наши львы. Не поверите, до чего они додумались... А впрочем, что толковать, увидите сами.

Удивительными оказались не только львы...

Раннее утро. Над озером Маньяра, которое дало название парку, висит лёгкий туман. Мы с моим спутником уже в конторе парка. Его директор, пообещав сегодня же дать нам машину, затеял с Марковичем разговор, который озадачил меня:

– Вы Мусао не видели, он уже ушёл в лес? Надо же, растяпа потерял вчера в лесу свой молоток. Что он в лесу без молотка, а? – сердито выговаривал директор.

– Мусао уже ушёл и новый молоток взял со склада, – уверял его собеседник. – Так что всё в порядке.

«Зачем человеку в лесу молоток? Там ведь полно хищных зверей. Уж если что брать туда, так ружьё. Странно, очень странно!»

Так я ничего и не понял.

В полдень за нами пришёл автомобиль. Он оказался старым, но очень удобным – с высоко поднятыми бортами и без крыши. В таком хорошо стоять и наблюдать, смотреть по сторонам.

Мы двинулись в путь.

Дорога сначала шла по берегу озера, затем свернула в лес. Озеро осталось слева, справа поднялся горный кряж, на который взбегали густые, напоённые дождями и утренними озёрными туманами зелёные заросли.

– А вот и первые наши обитатели. Вон они, среди акаций! – сказал Маркович.

Среди желтокорых стволов мелькали чёрные пятна. Небольшое стадо слонов бродило среди деревьев. Толстокожий гигант подходил к дереву, отламывал ветку и, сунув её хоботом в рот и двигая нижней челюстью, объедал. Его сосед, не желая тянуться за веткой, упирал бивень в ствол, отваливал от дерева лоскут жёлтой коры и жевал его. Третий великан не делал даже этого. Наклонившись, он вонзал бивни в землю, поддев, как ковшом, поднимал глыбу дёрна с перепутанными тонкими корнями и, оббив землю, принимался за корни.

Половина деревьев по обе стороны тропы, по которой мы приехали, была объедена слонами и мертва. На засохших, лишённых коры и ветвей стволах висели коричневые косы погибших листьев.

Слоны заметили нас. Они, как по команде, повернули головы, а огромная, ближе всех стоящая к нам слониха – предводительница стада, угрожающе распустила уши. Маркович скомандовал шофёру, машина задним ходом поползла назад к озеру.

Львы нам не попадались. И только когда мы, объехав весь парк – а это небольшой кусок земли, зажатый между озером и горным кряжем, – уже возвращались домой, Маркович воскликнул:

– Стоп! Смотрите, вот вам и наши львы.

Я осмотрелся вокруг. Никого. Никаких львов.

Невдалеке от дороги стоит могучая акация. Ствол её почему-то закутан в зелёную проволочную сетку. В тени под деревом – тоже никого.

– Да вы не туда смотрите. Поднимите голову!

Ствол акации троился и давал начало крепким толстым развилкам. Я поднял голову, взглянул... и ахнул. В развилках, среди ветвей, свесив лапы и хвосты, лежали три гри-
вастых могучих льва. Звери словно повисли в воздухе. Сонно прищурив глаза, они смотрели на машину и на нас.

Ведь надо же – взгромозились на дерево! Я засуетился, защёлкал фотоаппаратом. Кто и когда научил их этому? Послеполуденный сон хищников!

Одному из львов надоело смотреть на нас, он зевнул, показав розовую пасть и острые жёлтые клыки. Я невольно вздрогнул. Да, вот это зрелище!

Только получив от Марковича заверения, что мы ещё не раз увидим подобное, я согласился покинуть это поразительное место.

Когда мы вернулись в посёлок, около конторы директор разговаривал с пожилым африканцем. В руке тот держал новенький молоток с красной ручкой. Я понял, что это и есть тот самый Мусао. Говорили они на непонятном мне местном языке.

– Директор приказывает ему завтра закончить работу, а Мусао отвечает, что осталась ещё дюжина деревьев, – переводил Маркович. – Он просит дать ему в помощь человека. Директор говорит, что людей у него нет. А работа очень важная – скоро приедет много туристов.

Разговор продолжался. Маркович, закончив переводить, спросил:

– Вы помните тех трёх львов? И дерево, на котором была надета сетка? Так вот, мы, служащие заповедника, называем это – надеть на дерево юбку. Она защищает дерево от слонов. Слоны почему-то боятся её и не трогают такое дерево. Дерево не гибнет, и значит, львы могут отдыхать на нём. Приходится беречь все облюбанные львами деревья. На что не пойдёшь ради этих великолепных кошек!..

Вечером я спустился к озеру. Закат угасал. В воде заглялись огромные африканские звёзды. Мой первый день в Маньяре заканчивался, в парке, где я познакомился со слонами, которые ведут войну с акациями, со знаменитыми маньярскими львами и темнокожим африканцем Мусао, труд которого, защищая львов, обходится с молотком лес и прибавить к самым большим деревьям проволочную защиту – юбку.

КИБОКО ХУГО – БЕГЕМОТ

Сказка

(по Дж. П. Мбонде, Танзания)

Кто такой бегемот Хуго

В Африке на берегу океана, в мелкой и тёплой лагуне Куросани, живёт бегемот по имени Хуго. Он живёт один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы акулы. Это были добрые и гостеприимные животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там. Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не всё, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как его все родственники умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуни и большой город Дар-эс-Салам, спрашивал:

– А где этот бегемот-кибоко, который живёт один?

* Первая сказка, написанная для детей на языке суахили в Танзании после завоевания страной независимости в 1961 году.

На что люди, знающие лагуну, обыкновенно отвечали:

– Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени насига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

Как люди обиделись на бегемота Хуго

Всё шло бы хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался рыбой, подобно акулам, или жуками и бабочками, подобно чёрным сорокам, которые имеют обыкновение разъезжать верхом на слонах.

Но увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками, а выходил каждую ночь из лагуны и поедал молодые побеги риса и вытапывал своими короткими толстыми ногами грядки. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы посадить и поднять рисовые стебли. Однако незнание – не оправдание, как говорит мудрый марабу, тот самый марабу, у которого лысая голова и у которого на каждый случай в жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и, когда люди из Мзимуну или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

– Хуго вытапывает не ваш рис. Мы убьём Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда обеспокоенный Хуго, который кое-что заметил и кое-что услышал, решил посоветоваться с рыбой.

Как бегемот Хуго говорил с Рыбой

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаей. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где солёные воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошёл между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, её нет.

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась, как утверждают, давным-давно, ещё до того, как появился человек, его лодки и дома. Ты можешь верить, можешь – нет, но когда-то у бегемотов была густая красивая шерсть. И жили они не в воде,

как теперь, а на суше. Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, даже совсем незаметна, завидовал бегемотам. Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным лживым языком, добавлю я. Так вот. Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и толкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь вода должна была когда-нибудь остыть!

ХУГО. Так и случилось – вода остыла. Но шерсть у моих предков к тому времени вся вылезла, и они от стыда решили никогда больше не покидать воды. И тогда же у них появилась привычка выходить пастись только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь! Тогда помоги мне советом: люди хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в солёной воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

Дети приходят в Куросани

Только он вернулся в лагуну, как заметил, что на её берегах мелькают тут и там белые рубахи и белые блузки, зелёные юбки и синие брюки школьников. Поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали на отдых и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

– Бегемоту Хуго грозит опасность!

Он рассказал про рис... И тогда один мальчик предложил:

– Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

– Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь и по пути пели песню:

Звери саванны в стране Танзании –

Это большое богатство для всего мира.

Мы должны сохранить зверей в Танзании.

Друзья животных – пример для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него. Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошёл забор, и наелся сладкого-сладкого риса, и от удовольствия – рис был действительно так сладок! – даже потанцевал на грядках.

Микуми

Утром – а это случилось именно утром, дети, – одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле, посмотреть, как там дела. Прибежав назад, она закричала всем:

– Как вы спали? Шикамоо!

– Мы спали хорошо, – ответили ей все. – Марахаба!

– Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

– Я знаю, что надо делать, – сказала девочка. – Надо выкопать яму, поймать в неё бегемота и отвезти его в Микуми!

И все поняли, что она права. Она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И ещё права потому, что в заповеднике хорошо живётся не только им, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене...

Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта и все дети и все рыбаки и крестьяне Куросани ждут, когда попадётся в неё Хуго.

Неизвестно, когда он в неё попадётся, но, говорят, что бегемоты обязательно попадают в ловушку в один из первых пятидесяти дней после того, как её вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что, хотя он и топтал их рисовые поля, во всём остальном он был добродушным животным и не делал другого вреда. А жители Мзимун и большого города Дар-эс-Салама выйдут на дорогу, чтобы тоже проститься с бегемотом Хуго. Они будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затают песню. Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?

Хуго! Хуго! Хуго!

Но и старые слова хороши, если они к месту. Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Ещё одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только большими победами своего народа в войнах, но и его маленькими добрыми делами.

* Слова «шикамоо» и «марахаба» употребляются как выражение вежливости.

У подножья горы Килиманджаро – пыльное облако. Племя масаев гонит стадо коров. Они идут по заповедным землям. Заповедники – гордость Африки, последние убежища слонов, зебр, антилоп. Весь мир с тревогой подсчитывает этих животных – они сокровище всего человечества, последние остатки некогда многообразной Дикой Природы Земли.

ЧЁРНАЯ МАМБА

— Когда-то моя работа была – ловить змей, – сказал Генри, пожилой англичанин, с которым я познакомился в заповеднике Мката, где мне посчастливилось прожить больше месяца. – Мы с женой с юга, из-под Претории*, она там доучивалась, а я был профессиональным ловцом. Змей я сдавал в Центр, где их доили, добывали яд. Мне хорошо за это платили!

Генри и его жену я видел часто: она работала в заповеднике врачом, а он целыми днями слонялся по посёлку.

– Когда-то равно-го мне не было во всём Трансваале**. Если пове-зёт, я покажу вам, как надо обращаться со змеями, – закончил он.

Мне повезло. Однаж-ды утром я был разбу-жен тревожным стуком в дверь.

– Собирайтесь, идём-те. Божичи говорят, что видели кого-то в своём сарае, – послышался голос Генри.

Ферма Божичей, сер-бов, сбежавших из Бос-нии*** и поселившихся здесь, чтобы держать ко-ров и продавать молоко заповеднику, была на са-

мом краю посёлка. Хозяева, муж и жена, встретили нас на дороге.

– Ты что видел? – спросил Генри хозяина. – Можешь описать?

Серб покачал головой.

– Я видел один хвост. Чёрный хвост, который скрылся, как только я вошёл в сарай. Там у нас сложены листы – фанера и жёсть, которые остались от коровника. Впрочем, в сарае темно, хвост мог быть и коричневым. Я мог ошибиться.

– Скорее всего ошибся. Может быть, там вообще никого нет.

Сказав это, Генри сбросил с себя аккуратный чехол, наподобие тех, в которых лю-бители рыбной ловли носят свои спиннинги, вытряхнул из него две двухметровых палки с зажимами на концах и, сунув руку в карман, достал из него ещё и маску с очками.

– Это если змея окажется черношейной коброй, – объяснил он мне. – Слышали про такую?

* Претория – город в Южной Африке.

** Трансвааль – район в Южной Африке.

*** Босния – часть европейского государс-тва Босния и Герцеговина.

Я кивнул. Ещё бы! О кобре, плюющей ядом прямо в глаза человеку, знает каждый, кто хотя бы раз заглянул в книги об африканском зверье.

– Открывай!

В сарае был свободен пол, а стена напротив входа закрыта стеллажом. Генри приказал нам держать дверь распахнутой, а сам, не выпуская из одной руки свои палки, начал другой рукой стаскивать с полок листы. Он тащил их очень медленно, а вытащив, отдавал нам.

Наконец, мне показалось, что на полке что-то мелькнуло.

– Стоп, она здесь! – сказал Генри и сдёрнул с лица маску с очками. – Эта не плюнет. Не заслоняйте мне свет.

Момент, когда показалось всё туловище, я не видел. Я видел только, как Генри, переложив одну из палок в свободную руку, быстрым движением воткнул её во что-то блестящее. Щёлкнул зажим. Генри начал медленно вытаскивать змею, держа наготове вторую палку. Щёлк! Ещё один зажим сошёлся, на этот раз – на змеиной шее. Грохоча, обрушивая листы, ловец поволок змею к выходу.

– Мамба, – довольно проговорил он. – Чёрная мамба. Два метра, не правда ли? Даже два с половиной, – гордо добавил он. – Божич, иди вызывай джип. Повезём выпускать её. А вы, мадам, принесите из дома мешок. Только без дырок!

Когда Божич пригнал из штаба заповедника автомашину, у ног Генри уже шевелился коричневый джутовый мешок.

Грунтовой дорогой мы повезли нашу добычу вглубь заповедника.

Заехав в редколесье, мы остановились, и Генри вынес мешок на дорогу.

– Отойдите! – он развязал узел и, отскочив, ловко высыпал змею на дорогу. Ошеломлённая солнцем мамба свернулась чёрными кольцами и настороженно подняла голову. И тогда Генри вдруг крикнул нам:

– Скорее назад, в джип!

Но опасность грозила нам не со стороны змеи. Из-за поворота дороги показался слон. Он медленно шёл, поводя ушами. Мы впрыгнули в машину и, очутившись в безопасности, стали наблюдать, что произойдёт. Слон двигался прямо на змею.

Мамба скоро поняла, что перед ней новый враг. Но она не испугалась и не поползла прочь. Она вытянулась во всю длину, приподняла голову и широко раскрыла пасть. Моё зрение стало необычно острым, мне даже показалось, что я вижу свисающие с верхней челюсти два длинных кривых зуба и капли яда на них.

Змея была великолепна. Она ничего не могла сделать слону, не могла прокусить толстую кожу его ног, не могла дотянуться до хобота или рта, но она не уходила. Змея зашипела.

И тогда слон остановился и, потоптавшись на месте, нехотя повернул. Он отступал, брёл, помахивая из стороны в сторону хоботом. И только тогда, когда он скрылся за деревьями, мамба чёрными петлями скатилась с дороги в траву.

– Не ожидал! – сказал Генри про змею. А я подумал: как неравноценны силы человека и зверя и как всякое наше вторжение в жизнь дикой природы искажает настоящий облик и характер животного.

ПТИЧИЙ ОСТРОВ

Чтобы наблюдать за птицами, прилетающими из наших краёв зимой сюда, на юг, в Африку, присмотрел я островок. Дело было на озере Виктория, недалеко от большого острова под названием Майсоне. А мой островок был маленький, и никакого имени у него не было. Поставил я на нём белую палаточку-засидку и стал наблюдать. А почему белую? Да потому что сам остров был весь белый. Слетелись на него из наших холодных северных краёв гуси, цапли, крачки, аисты, пеликаны, кто из Подмоскovie, кто с Каспия, кто из далёкой Кандалакши, кто даже из заполярного Канина.

Кипит жизнь на маленьком пятячке. Кто на месте сидит, кто по берегу бродит, кто с бережка в воду сошёл, ловит в озере рыбу. Благо она тут ходит тучей, лови – не хочу!

Очень мне хотелось какие-то особенности этой птичьей семьи подсмотреть. Ну, одна особенность сразу видна – все заняты общим делом: всем нужно подкормиться, набрать сил для обратного перелёта.

Ещё – в драки здесь никто не вступает. Так, разве что поссорятся двое, накричат друг на друга, обругают и разойдутся в разные стороны. А вот что ещё?

Сию я в палаточке, краешек белой брезентины пальцем отвёл, глаз фотоаппарата в щель выставил, жду.

И вдруг вижу – забеспокоилась моя пернатая армия. Завозились, запрыгали белокрылые. Головы в одну сторону повернули. Повернулся туда и я, приподнял брезентину... Скандал! Никак на островок десант высаживается. Подходит к берегу моторный катер, на нём десятка два туристов с фотоаппаратами, сумками и зонтиками. Видно, кто-то

подсказал им, что тут можно сразу увидеть тысячу разных птиц.

Что делать? Не знаю.

Не успел катер ткнуться в берег, как с его носа на песок выскакивает маленькая коротколапая собака. Такса! И сразу остров взорвался. Тысяча его обитателей с оглушительным криком поднялась в воздух. Сотни и сотни птиц взмыли в небо, белая метель закружилась над островом. Словно вулкан выбросил тучу белого пепла.

Тогда я не выдержал, выскочил из своей ухоронки, подбежал к катеру и начал кричать на непрошенных гостей. Я проклинал их. Поднимал руки, показывая на испуганные стаи, и требовал, чтобы они убрались.

Таксу поймали, катер уплыл.

Однако на этом мои приключения не закончились. Сижу, прихожу в себя. И птицы успокоились. Опустилось белое облако, все расселись, заняли свои места. Но тут, чтобы посмотреть, куда поплыл катер, я ещё раз обернулся в сторону воды. Вижу – новый гость. Двигается к берегу большое красное пятно, торчат круглые уши, блестят два глаза. Бегемот.

«Ну вот, – думаю, – час от часу не легче. Этот тут такой гвалт, такую панику поднимет, только держись! Пропало дело».

И что бы вы думали? Многопудовый зверь не стал задерживаться в воде, сразу же ступил на берег, а птицы на него – ноль внимания. Бредёт среди них краснокожее чудовище, а птицы чуть в сторонку отойдут и снова на старое место. Расступаются, пропускают, не волнуются.

Тут я понял, почему колония испугалась крошечную таксу. Да потому, что она – чужак. Неизвестно, что от неё можно ожидать. А бегемот – свой зверь. Местный, тутошний. Не первый раз приходит. Его бояться не надо.

Посмеялся я, посмеялся, поднял фотоаппарат, поймал в объектив красный гиппопотамовый бок и щёлкнул затвором.

Будет память, как подсмотрел я ещё одну особенность крылатой стаи, – птицы в ней хотя и залётные, «нашенские», а в африканском зверье разбираться научились отлично!

БЕДНЯК И ВОДЯНАЯ ЖЕНЩИНА

Сказка

(по Г. Каллоуэй, Южная Африка)

Жил в деревне на краю леса бедняк. Он жил один в своей хижине, и хотя ходил на охоту, рыбачил и собирал корни и плоды в лесу, как это делали все люди племени, – то ли он был неловок и плохо видел, то ли ему просто не везло, – но ему всегда было нечего есть.

Однажды он сидел в своей хижине и смотрел на пустые горшки. «Пойду-ка я на реку, попробую ещё раз попытать счастья!» – решил и, взяв сеть, сплетённую из травы, отправился ловить рыбу.

«Поймаю и тут же съем», – сказал он себе, размахнулся и бросил сеть в воду.

Но как только он стал её тащить, почувствовал, что в сеть попало что-то тяжёлое. Он вытащил сеть на берег и увидел в ней женщину. Она была молода и красива, у неё были сильные руки и аккуратно заплетённые и намазанные глиной волосы. Увидев её, бедняк испугался и хотел было толкнуть сеть назад в воду, но женщина вылезла из сети и сказала:

– Вот кто поймал меня! Раз так – води меня к себе в деревню.

– Что ты, что ты! – вовсе струсил рыбак. – Если я приведу тебя в свою хижину, мои родичи выгонят нас из деревни: ведь я такой бедный, что не могу прокормить даже себя самого. Им придётся кормить теперь двоих!

– Ладно, – сказала водяная женщина. – Не води меня в деревню, давай найдём в лесу брошенную хижину и будем жить в ней.

Бедняк согласился. Они пошли в лес, нашли там заброшенную хижину, поправили стены и крышу и расположились на ночлег. Но едва настала ночь и в лесу запели ночные птицы, женщина потихоньку встала, убедилась, что мужчина спит, и начала колдовать. Она рассыпала пепел от костра вокруг хижины и полила его водой, которую принесла в калёбасе из реки. Ещё она разбросала повсюду клочки коровьей и козьей шерсти, щепочки и кусочки глины, поднятые с тропинки, по которой проходили днём люди ламба. И к утру клочки шерсти превратились в коров и коз, щепочки – в большие новые хижины и ограду вокруг них, а кусочки глины – в людей.

Утром бедняк проснулся и не поверил своим глазам.

– Откуда это всё?! – воскликнул он.

– Это всё принадлежит тебе, – ответила женщина. – Отныне ты мой муж, а я – твоя жена, а эти люди – твои новые родичи. Мы будем жить здесь долго, счастливо и сытно. Но для этого ты должен дать мне слово, что никогда больше не пойдёшь ловить рыбу на то место, где поймал меня.

– Хорошо, – сказал бедняк, – пусть будет так. Зачем мне идти туда, ведь у меня теперь всё есть!

И они стали жить. Мужчины пасли скот, а женщины копали землю и сеяли просо и бобы. Так они прожили много дней, и муж стал думать:

«Если я приобрёл такое богатство, забросив сеть всего один раз, кто знает, что я могу приобрести, забросив сеть снова?»

И вот однажды, взяв потихоньку от жены сеть, он крадучись вышел из хижины и отправился на реку. Там он забросил на том же месте сеть в воду и, потянув, опять почувствовал, что она тяжела. Вытащив её на берег, он увидел в сети новую женщину, ещё прекраснее и сильнее, чем первая.

– Вот ты и попалась, скорее идём в мой дом! – крикнул он.

Но женщина, выйдя из сети, покачала головой и сказала:

– У тебя в хижине уже есть жена. Пойди убей её и только тогда приходи за мной.

Трясаясь от жадности, муж бросился домой. Он прибежал в хижину, выбрал самое острое копьё и хотел было пустить его в ход, но подумал: «Зачем мне терять хорошую жену? Нет, надо поступить не так – пусть у меня будет две жены!» – пошёл в лес, нашёл дерево муломбе, сок которого красен, как кровь, и вонзил копьё в дерево. Потом он вернулся на берег реки и показал копьё водяной женщине.

– Видишь, я убил жену, – сказал он. – Идём!

– Нет, это не кровь. Ты пронзил копьём дерево муломбе, – ответила женщина. – Я не пойду с тобой.

Тогда человек побежал снова к хижине, поймал козу, вонзил копьё ей в живот, вернулся на берег реки и стал снова звать с собой водяную женщину.

– Это кровь козы, твоя жена по-прежнему жива, – ответила та.

Человек понял, что обман раскрыт, бросился со всех ног в лес, добежал до хижины, ворвался в неё и, подняв копьё, ударил им жену в грудь. Но не успел наконечник копья коснуться её тела, как женщина исчезла. Вместе с ней исчезли все постройки, коровы, козы и родичи.

Испуганный, он прибежал на берег реки, но и там никого не было – вторая водяная женщина исчезла, как и первая. И только тогда понял бедняк, что он беден по-прежнему – так же, как и был.

ДАЛЕКО И БЛИЗКО

Сказка

(по Б. Левандовской, Нигерия)

Жила-была семья обезьян бабуинов: папа-бабуин, мама-бабуиниха и их маленький сын. Однажды в полдень (а надо сказать, что в полдень почти все животные Африки отдыхают) они забрались в тень под большое дерево – баобаб. И когда они хорошенько устроились и даже с часок подремали, маленький бабуин вдруг спросил:

– Папа и мама, что такое «близко» и что такое «далеко»?

– Мм-мм-мм-м? – недовольно переспросил его сквозь сон папа.

– Далеко – это... – начала было ласковым голосом мама, но положила сыну на плечо свою большую волосатую руку и тоже заснула.

«Им неинтересно объяснять мне это, потому что я маленький, взрослым и большим совсем неинтересно с нами», – подумал малыш.

Он сказал это себе и вдруг увидел, что на краю саванны (а саванной называется африканская степь с редкими деревьями), тоже под деревом, но не под большим, а под маленьким, стоит крохотный слоник.

«Вот и отлично! Уж он-то не прогонит меня и не заснёт, если я стану его расспрашивать. Мы, может быть, даже подружмся!» – решил он, выбрался из-под маминой руки, обошёл папу и отправился в путь. Каково же было его удивление, когда по мере того, как он шёл, деревце и слоник всё росли и росли и наконец превратились в большое развесистое дерево и огромного слона.

– Я... я... я видел здесь недавно маленького слоника, – начал юный бабуин.

– Ну и что из того? – ответил слон. – Что тебе надо?

– Я хотел спросить у него, что такое «далеко» и «близко».

– Какая чепуха, – фыркнул слон. – Я стою здесь с утра, никакого слоника тут не было. Тебе всё это померещилось. А ты – хорош! Нашёл время задавать вопросы в такую жару. Уф!

Он тяжело вздохнул. Но юный бабуин уже увидел в другой стороне саванны ещё одно маленькое дерево и под ним маленького жирафа. И тотчас отправился туда. Каково же было его изумление, когда за то время, что он шёл, и дерево и жираф тоже выросли.

«Э-э, тут что-то неладно! Наверное, если бы я стоял на месте, они не становились бы большими, – догадался маленький бабуин. – Попробуем-ка ещё раз».

Он отправился к маленькому страусу, который бродил в тени акаций у самого горизонта, и не удивился, когда страус тоже превратился в большую птицу. Подойдя к ней, он вежливо поздоровался.

– Откуда ты, малыш? – ласково спросил страус. – Тебе ещё рано бродить одному по саванне. Садись на меня верхом, я недавно видел твоих родителей, они сидели вон под тем баобабом. Видишь, каким он кажется отсюда маленьким? Это оттого, что он далеко... Держись крепче!

И страус с обезьянкой на спине побежал твёрдым широким шагом. Он бежал так быстро, что не успел его седок опомниться, как они уже стояли около баобаба, в ветвях которого беспокойно метались, высматривая сына, отец и мать.

– Я не хочу подходить ближе, у твоего отца слишком большие зубы, – сказал страус. – Будь счастлив, малыш!

И он таким же твёрдым шагом пустился в обратный путь.

– Где ты был? Я так беспокоилась! – сказала, слезая с дерева, мать. – Ты, наверное, голоден, я сейчас накормлю тебя вкусными корешками, которые выкопала из земли.

– Сперва он получит от меня взбучку! – сказал папа-бабуин. – Ты что, забыл – малыши не должны уходить далеко от взрослых! Вот тебе первый подзатыльник... Ты что улыбаешься?

– Я улыбаюсь потому, что знаю теперь, что такое «далеко» и что такое «близко», – ответил их сын.

СТАРЫЙ АВТОБУС

Впервые я увидел этих обезьян, когда они возвращались после набега на огород-шамбу. Они шли строем: впереди крупный гривастый самец, по бокам, прикрывая отряд и сзади, самцы поменьше, в середине – самки, на спинах которых устроились малыши. Бабуины шли не торопясь – набег сложился удачно – об этом говорили зажатые в зубах обезьян кукурузные початки. Кто-то на ходу жевал, у одного малыша изо рта торчал зелёный капустный листок.

Наши дороги совпали, и я пошёл следом за рыжей ватагой. Обезьяны шли, не сворачивая, вдоль дороги, пока не очутились перед вытасненным на обочину кузовом ржавого разбитого автобуса. Эта дорога вела когда-то в соседнюю деревню. Когда там пере-
сохли колодцы, жители оставили дома, дорога заросла и покрылась ямами. Видимо, с тех пор и стоял здесь автобус. Дойдя до него, шайка остановилась. Первыми в двери и окна залезли самки с детёнышами, за ними последовала мо-
лодёжь, последним, приподнявшись и осмотрев всё кругом, забрался в старый рыдван вожак. Меня как опасность он не воспринял.

– А что вы удивляетесь? – сказал мне Том, хозяин, у которого я остановился в деревне. Вернувшись вечером, я сообщил ему о виденном. – Они пришли сюда из-за озера, там скалы, они привыкли жить в пещерах. Автобус показался им родным домом.

И он рассказал, что сначала местное зверьё атаковало пришельцев, но от шакалов собако-
головые легко отбились, струсилась сунуться внутрь кузова и гиена, а что было с забредшей в окрестности деревни из соседнего заповед-
ника старой львицей, Том видел сам.

– Она была очень стара и хромала. Раненые и старые львы не могут охотиться за антилопами, они ищут добычу полегче. Так вот, эта львица пришла к автобусу, следуя запаху обезьян, и попробовала просунуть голову внутрь. Бабуи-
ны подняли дикий гвалт, я думаю, они ещё и щёлкали зубами, а зубы у них, как ножи. Кроме того, львы охотятся только на открытой местности. Львица отошла и легла рядом. Мы, крестьяне, всё видели. Сначала обезьяны сидели в автобусе молча. Потом решили, что надо защищаться. Они начали высовываться из окон и подбирать камни и палки. Или выскочат с обратной стороны, схватят булыжину и назад. А потом на львицу посы-
пался настоящий град снарядов. Она терпела, затем встала и зарычала. Камни и палки полетели ещё сильнее. Один булыжник попал львице в большую лапу. Она рывкнула,

ны подняли дикий гвалт, я думаю, они ещё и щёлкали зубами, а зубы у них, как ножи. Кроме того, львы охотятся только на открытой местности. Львица отошла и легла рядом. Мы, крестьяне, всё видели. Сначала обезьяны сидели в автобусе молча. Потом решили, что надо защищаться. Они начали высовываться из окон и подбирать камни и палки. Или выскочат с обратной стороны, схватят булыжину и назад. А потом на львицу посы-
пался настоящий град снарядов. Она терпела, затем встала и зарычала. Камни и палки полетели ещё сильнее. Один булыжник попал львице в большую лапу. Она рывкнула,

повернулась и, прихрамывая, побрела прочь. Банда разразилась радостным воем. Ведь львица сдалась!.. Вот видите, какие они, эти автобусные, – закончил свой рассказ Том. – Мы хотели прогнать их, они поедают наш урожай, но потом решили не связываться. Против них ничего не придумаешь...

Получилось так, что мне довелось ещё раз встретиться с обезьяньим народцем. Мы с инспектором заповедника Джеком Оуэном снова проезжали мимо этой деревни. На окраине я увидел трактор, который тащил на буксире старый автобус. За ним следом в том же порядке маршировал взвод бабуинов. Обезьяны шли молча, встревоженно поглядывая на трактор. Я рассказал Джеку о первой встрече.

– Кому нужна эта рухлядь? Её даже нельзя сдать в металлолом. Зачем его тащат? – закончил я.

Джек расхохотался:

– А такое вам в голову не приходило? – спросил он. – Я уверен, что это крестьяне наняли трактор. Они оттащат автобус так далеко, чтобы этой банде не захотелось пощипать их огороды-шамбы. Крестьяне-таки придумали, что делать!

Тогда расхохотался я. Обезьяны упрямо шли за трактором. Они решили до конца быть верными этому странному, приютившему их железному чудовищу. Решили ни за что не оставлять его.

ПОД БАОБАБОМ

Эту удивительную сценку я подсмотрел, сидя у окна в домике Джека Оуэна, смотрителя национального парка Мката. Джек ушёл за машиной – мы должны были ехать на опознание слона, убитого браконьерами. Джек полагал, что это чужой слон, из стада, недавно перекочевавшего в парк с юга от границ Мозамбика.

Итак, я сидел у окна, а за окном под старым бутылкообразным баобабом затеяли драку собакоголовые обезьяны – бабуины. Вниманию стаи привлекла свежая рана на стволе баобаба. Утром на моих глазах слон, которому было лень идти на водопой, отвалил бивнем от ствола большую, величиной с доску щепу. Обнажилась влажная, белая, древесная мякоть. Слон тогда зачерпнул хоботом несколько кусков, положил в рот и принялся сосать.

Бабуинам, видно, был знаком этот секрет. Но прежде, чем заняться деревом, они устроили потасовку. Каждый хотел быть первым. Молодой самец сунулся было впереди громадного гривастого вожака, но тотчас получил затрепину и покатился. Вожак поймал его за ногу и укусил. Избитый с визгом вскочил на ноги и, хромя, побежал прочь.

А надо сказать, что недалеко от нашего с Джеком дома стояла старая, полуразвалившаяся туземная хижина. В своё время её построил для себя один из сторожей. Типичная туземная хижина – стены из составленных в круг, нарубленных в лесу шестов, крыша – из вязок соломы. Никаких окон. Дверь – из двух половинок, разрезана пополам

на высоте человеческой груди, для того чтобы можно было, закрыв нижнюю половинку, верхнюю держать открытой.

И вот, изгнанный из стаи бабуин, содрогаясь от обиды и скуля, добрёл до хижины и уселся под дверью. Посидев и успокоившись, он решил исследовать, что это за штука – дверь. Замок был сломан, верхняя половинка давно упала и лежала на земле, нижняя ещё держалась на петлях. Обезьяна, ухватившись за ручку, потянула. Дверь скрипнула. Это что такое? Молодой бабуин повёл дверь от себя. Снова скрип! Стая под баобабом насторожилась. Как занятно! Даже вожак повернул голову в сторону певучего звука.

Под завистливыми взглядами стаи и настороженным взором предводителя изгнанник начал качать дверь. Скрип, скрип!.. Получилась отличная песня!

Один из молодых самцов поднялся и, заинтересованный, сделал несколько шагов в сторону музыканта. Рычание вожака пригвоздило его к месту. Но песня продолжалась, и вся стая слушала её.

Вернулся, не достав машины, Джек. Я рассказал ему то, чему был свидетелем.

– Видите ли, в стае бабуинов очень строгий порядок, – объяснил он. – Каждый знает своё место: кто старше, кто младше, кого надо слушать, с кем можно не считаться. Даже в походе каждому определено, где идти. Первым или в центре, например, идёт вожак. Нужно совершить очень важный поступок, чтобы что-то изменилось. Что ж, у вашего бабуина, может быть, сегодня был великий день. Ну-ка, покажите мне его!

Мы прильнули к окну. Обезьяны уже покидали нас. Выстроившись треугольником, собачоголовые солдаты шли прочь от баобаба. Вторым после вожака шёл музыкант. Это было его новое место в стае.

СЛОНЁНОК САБА

Последними на водопой, как это и положено великанам, приходили слоны. Антилопы и жирафы, уступая им место на берегу, отходили в сторону, и тембо – так африканцы называют слонов – входили по брюхо в реку, чтобы обливать себя, заливая заодно и берег.

В тот день к реке подошло стадо из пяти животных. Его возглавляла старая слониха, следом за ней шли две её дочери и два слонёнка-подростка. Старая мать первой вошла в воду, и, пока её семейство принимало ванны, зорко наблюдала за ним.

– Как её зовут? – спросил я у своего спутника, африканца – зрителя заповедника.

– Никак, – подумав, ответил он. – У нас живёт больше двухсот слонов, если каждому давать имя, не хватит никакой памяти. Имя надо заслужить. Может быть, слышали – в Кении в заповеднике Марсабит жил слон, у которого были самые большие и тяжёлые бивни во всей Африке? Слона звали Ахмед. А в заповеднике Маньяра жила, пока её не пристрелили, слониха, свирепее которой не помнит никто. Её звали Торон. Да, да, имя надо заслужить... Смотрите-ка, стадо стало больше!

Действительно, к реке неторопливо шла, гоня перед собой крошечного слонёнка, ещё одна молодая слониха. Судя по тому, как охотно приняли её остальные, она была третьей дочерью предводительницы. Теперь слонов стало больше. Оставив на берегу сына, – слонёнку было от роду не больше недели, прибывшая вошла в воду и, шумно

вздохнув, улеглась, болтая ногами. Малышу очень хотелось присоединиться к матери, он несколько раз подходил к берегу, но каждый раз, боясь воды, отступал.

Наконец, мать встала и, обвив малыша хоботом, попыталась затащить его в воду. Он вырвался и бросился вверх по откосу.

Повторяю: обливая друг друга, слоны не жалели воды, и поэтому откос был весь покрыт жидкой грязью. Слонёнок неосторожно наступил на скользкую красную глину и стремительно покатился вниз. Он с размаху въехал в воду и замер там, стоя по колено в воде, вздрагивая и пытаясь понять, что случилось.

Заметив, что слоны не обращают на него внимания, малыш набрался храбрости и снова полез на гору. Он взобрался на неё, снова встал на край откоса и... снова покатился вниз!

Пара обезьян-бабуинов, сидевших внизу, с визгом бросилась прочь.

Вероятно, малыш ещё не раз проделал бы этот фокус, но тут семья вышла на берег. Старая слониха подошла к новичку, стала над ним и, отдуваясь, начала внимательно разглядывать, словно прикидывая: что ещё можно ожидать от него? Отойдя от реки, стадо скрылось в зарослях зонтичных акаций.

Когда на следующий день я вместе с тем же зрителем прослеживал путь слонов по редколесью, африканец сказал:

– Помните вчерашнего маленького тембо? Я рассказал про него своим друзьям, и они решили назвать его Саба, что значит «седьмой». Ни один ещё слон не додумался съезжать на ногах в реку. Пусть у него будет своё имя.

ЗЕЛЁНЫЙ СЛОН

Я

попал в Восточную Африку в год, когда оттуда уезжали европейцы. Их оранжевые чемоданы выстраивались в затылок у таможенных стоек. Самолёты уносили вещи и судьбы.

Зелёный слон стоял под деревом. Был полдень, дерево светило отражённым светом. Слон стоял облитый зелёными лучами, как тенор. Стоял и жевал листья.

У меня был неправильно оформлен счёт на право пользования автомашиной: в путевом листе была вписана чужая фамилия с окончанием «сон» – парк посещает много шведов.

Влажный воздух саванны гулял по канцелярии национального парка Мката. Ртуть термометра остановилась у отметки «сорок». Мои спутники, африканцы, служащие парка, стеснялись. Они входили в соседнюю комнату (через приоткрытую дверь был виден угол незастеленной кровати) и выходили, бормоча «сорри» – простите.

Слон отошёл от дерева и направился к нам. Он шёл и становился коричневым. Во рту его, похожем на клюв попугая, торчала ветка.

Из спальни в канцелярию вышел полуголый человек. С бёдер его свисало полотенце. Полуголый пересёк комнату и остановился передо мной. «Сорри», – сказал он и ушёл обратно.

– Мистер Джон исправит вам лист, – конфузясь, объяснили мои спутники. – Мистер Джон имеет такое право.

Странный Джон появился снова. На этот раз на нём были джинсы и майка с головой быка. Сонно посмотрев на меня, он спросил, что желает турист из Швеции.

– Я прилетел из Москвы.

– Вот как?

Не присев на стул, он стал исправлять в листе фамилию. Толстое золотое перо резало бумагу.

Слон за окном опустил хобот и начал беспокожно искать что-то у самой земли. Хобот наткнулся на слонёнка – серое, пятнистое, повизгивающее существо. Задрал тонкий, как верёвочка, хоботок, сын шарил у матери под брюхом. Не находя сосков, он жалобно стонал.

– В Швеции у меня есть друг, профессор Бергсон, – сказал Джон, – вы всегда живёте в Стокгольме?

– Я живу в России.

Вместе со светом в комнату вливалась жара. Насыщенный влагой воздух можно было мять в ладнях, как тесто. Маленький слон безуспешно сновал под животом у матери, тёрся о её задние ноги и всхлипывал.

– Значит, вы не швед – сказал Джон и скрипнул зубами. – Я прожил здесь десять лет, а теперь меня увольняют. Наши места займут танзанийцы.

Слонёнок за окном продолжал скулить. Слониха беспокожно перебирала ногами. Джон вышел из комнаты и появился около слонов. Обхватив малыша, он поставил его между передними ногами матери. Встревоженная слониха развернула уши и издала предостерегающий рёв.

Мои спутники тревожно заговорили между собой.

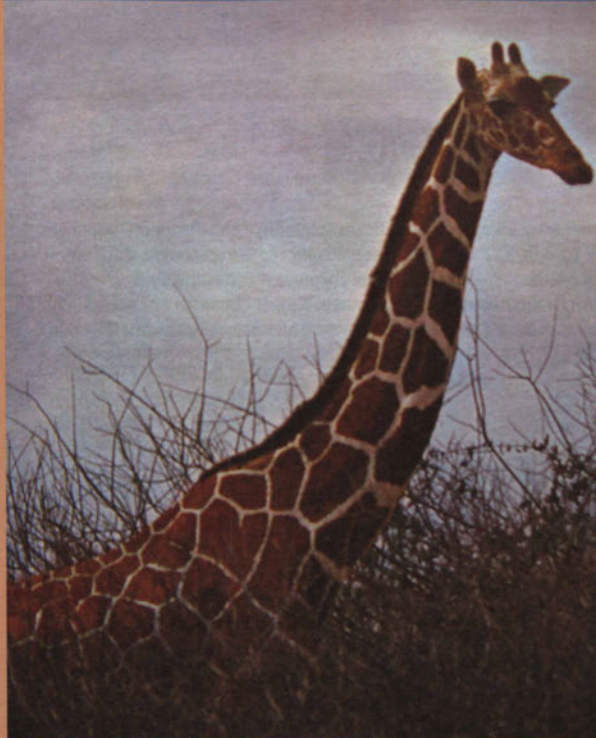
Слонёнок задрал хоботок и коснулся им одного из сосков. Он уцепился за него, и сосок послушно вывалился из жёсткой кожной складки. Слонёнок присел на задние ноги и, завернув хоботок на лоб, впился в сосок ртом. Он сидел, задрав голову, урчал и чавкал. Жёлтые молочные капли, плотные как воск, падали в сухую траву.

Человек отошёл. Слониха опустила уши и, переминаясь с ноги на ногу, стала ждать, когда слонёнок насытится.

– Вы долго пробудете у нас? – спросил Джон, вернувшись в комнату. – В прежние времена мы могли бы поехать по парку... Десять лет. Они были лучшими годами в моей жизни. Прощай, саванна!

В этот момент скрипнули петли, порыв ветра распахнул настежь дверь в спальню. Я увидел кровать, а на ней – собранный к отъезду открытый чемодан. В нём лежало скомканное бельё, бритвенный прибор и книги. С обложки одной из них скалила зубы горилла.

Когда полтора столетия тому назад построили от озера Виктория до океана железную дорогу, её считали чудом, а опоздания поездов порой объясняли так: «К вам по рельсам идёт стадо слонов», или «На платформе спит носорог. Пассажиров высадите, не доезжая до станции». Сейчас небо над Африкой бороздят сотни самолётов, по дорогам мчатся тысячи

автомобилей. Над столицами поднимаются небоскрёбы. И только попав в заповедник и увидев стада – десятки слонов, сотни зебр, тысячи антилоп, радуешься: Африка ещё живёт, она сохраняет для всего мира одно из главных своих богатств – дикую Природу.

СТРАУС ДИК

Я познакомился с ним, когда жил в танзанийском селении в доме у крестьянина по имени Джошуа. У того было своё маленькое хозяйство – куры, козы и... Дик.

– Вы Дика уже видели? – спросил меня Джошуа в первый же день. – Смотрите, будьте с этим разбойником поосторожнее. Может сорвать с головы шапку или утащить ботинок. И ещё – не оставляйте на видном месте блестящие предметы – ключи или монеты. Поняли?

Я понял и стал жить. Живу, присматриваюсь. Скоро я заметил, что за страусом водятся и другие странности. Так, например, ему было скучно одному разгуливать по деревне, и он повадился ходить вместе со стадом коз. Утром козы – со двора, и он с ними. В полдень они домой – и он. Катится жёлтое косматое козье облачко, а над ним, как мачта, возвышается длинная птичья шея. Умора!

Как-то я сидел у окна и что-то писал. Устал, решил размять ноги, встал и отошёл в глубину комнаты. А очки оставил на подоконнике. Возвращаюсь – что такое? – нет очков. Куда они делись? Вижу – перед окном стоит Дик и хитро, как бы ухмыляясь, смотрит на меня. Что делать?

Мы с Джошуа бежали во двор.

– Не иначе, как он стащил, – говорит хозяин. – Ай, ай, ай! Вдруг он их проглотил? Бегу за врачом.

Приводит врача, мы с Джошуа ловим и держим птицу, врач щупает у неё горло.

– Тут они, ваши очки, – говорит, – тут. Птица может погибнуть. Надо их доставать.

А надо сказать, что, пока он осматривал Дика, тот отчаянно вырывался и бил его ногой.

– Ну и характер, – жалуется доктор, – не птица, а боксёр. Тут надо придумать что-то особенное... У вас жена есть?

– Есть, – удивляется Джошуа. – При чём тут жена? Она сейчас в городе у матери.

– А чулки она носит?

– Очень редко, раз в год.

– Тащите их сюда!

Мы продолжаем удивляться, Джошуа приносит чулки, доктор командует:

– Держите птицу крепче!

И ловко, как фокусник, – раз, два! – натягивает на голову Дикю женский чулок.

И надо же! Сильная, сердитая птица тотчас перестала биться. Она застыла на месте и стояла так спокойно, что мы с Джошуа даже отпустили её. А доктор, достав из чемоданчика острый нож и бутылочку с йодом, оттянув чулок и прощупав горло, быстро сделал разрез. Потом двумя пальцами что-то достал. Блеснули стёкла.

– Вот вам ваши очки, – говорит доктор. – Ты очень хорошо стоял, милый! Спокойно, осталось чуть-чуть.

Стянул зажимами-скрепками разрез, забинтовал горло и снова ловким движением снял чулок.

Ошеломлённый Дик, увидев свет, завертел головой, посмотрел на доктора, на меня, на Джошуа, клюнул, проглотил пробку от бутылочки с йодом и вдруг со всех ног принялся бежать.

Со двора через жиденькие, связанные из жердей воротца, выходило козье стадо. Дик догнал его, пристроился сзади и зашагал вместе с козами. Стадо, повторяю, текло, как жёлтое облачко, и над ним снова качалась, как мачта, длинная шея птицы. На шее белела повязка. Козы шли, поглядывали на Дика и удивлялись тряпочке, а он нёс её важно, как флаг.

Больше очки в доме я нигде не оставлял.

ОРАНЖЕВАЯ ЗЕБРА

Это удивительное животное я увидел, когда, получив на целый день в своё распоряжение машину, заехал в самый отдалённый северо-западный угол заповедника. Здесь, в саванне, разделившись на маленькие отрядики, паслись, пощипывая полусохшую траву (приближался сухой сезон), бело-чёрные лошадки. Машина подъехала к нам поближе, одна из таких групп рассыпалась, и моим глазам представилась, закрытая до того времени товарками, яркая, как вспышка огня, оранжевая зебра.

Это было настолько неожиданно, что я даже ущипнул себя за руку. Не почудилось ли это мне? Нет, огненная лошадка постояла, а затем бросилась вслед за подругами. Пламенной стрелой промелькнула на фоне невысокого холма и скрылась в низине. Обмана зрения быть не могло – животное промчалось невадалеке от машины, какая уж тут ошибка! Но ведь оранжевые зебры не рождаются, откуда могла появиться такая?

Всю ночь я раздумывал над этой загадкой. Спросить было не у кого – мой друг, инспектор заповедника Джек Оуэн, улетел в Арушу на какое-то совещание. Ничего не

придумав, на следующее утро я распорядился ехать опять на старое место. Мы вновь прокатились по ухабистой грунтовке, съехали на целину и, наконец, очутились там, где накануне видели оранжевую. Живой огонёк был на месте. Необычная лошадка паслась отдельно от других. Мы осторожно подъехали. Зебра на этот раз подпустила нас близко. Чудеса, да и только!

Мой шофёр, темнокожий паренёк из племени ньямвензи, как и я, с недоумением рассматривал животное и даже что-то бормотал по-своему...

В последующие дни чудеса в саванне продолжались. В степи что-то готовилось. Копытные были чем-то встревожены. Чёрные гну, полосатые зебры, коричневые импала то собирались большими группами, то снова разбредались. Предчувствие каких-то перемен повисло над равниной.

Наконец наступил день, когда животные, словно по команде, сбились в стада и двинулись с места. Многотысячное войско замаршировало на запад. Высокое пылевое облако поднялось над саванной.

И тут над облаком появилась чёрная точка. Она приблизилась, превратилась в серебристую стрекоту. Белокрылый самолётник сделал круг над штабом заповедника, резко снизился и, подпрыгивая, побежал по посадочной полосе. Дверь кабины распахнулась, появился Джек. Я поспешил

к нему. Несколько ничего не значащих вопросов: как прошло совещание, что привёз?

— Неловко говорить, — признался я наконец, — ты будешь смеяться тому, что я видел, — и я рассказал про оранжевую зебру, — но ведь таких зебр в природе не бывает?

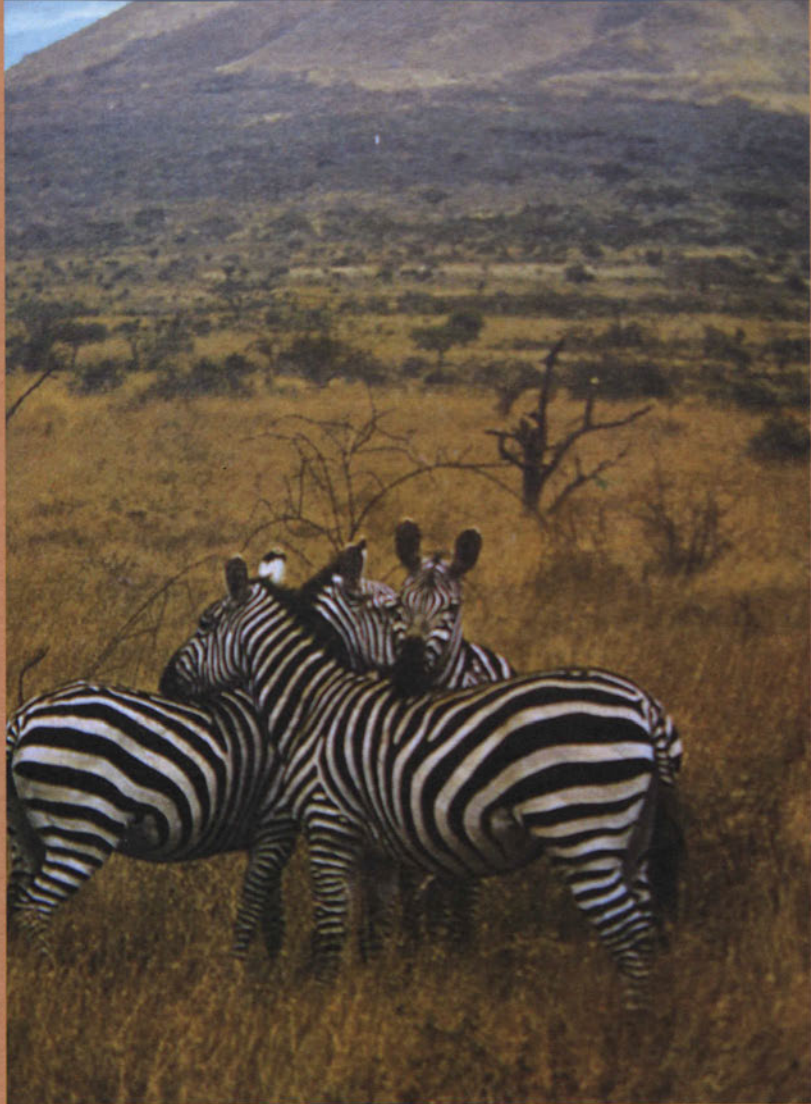
— Не бывает, — согласился он.

— Как же она появилась?

— Её покрасили мы.

— Как вы? Зачем? В шутку?

— Конечно, нет. Видишь пыльное облако, — он показал рукой на небо, — знаешь, что это такое? Антилопы уходят на время засухи. Они бросают саванну и уходят к устьям пересыхающих рек Нгуаби и Мбаланкета. Там они будут пастись до начала сезона дождей. А выкрашенная зебра нужна нам для того, чтобы с воздуха — вот с этого самолёта — наблюдать за движением стада. Именно нашего стада, и не путать его с другими.

Когда зебры вернутся, в штабе будет лежать карта – движение наших зебр. Что ты стучишь себя по лбу?

– Русская манера! Я дурак. Как я не смог догадаться, что зебра покрашена? Она ведь теперь, как флаг корабля, сигнал – это идём мы!

ПОЧЕМУ У КИТА БОЛЬШОЙ РОТ

Сказка
(Восточная Африка)

Жил-был кит. Он никогда ничему не удивлялся, плавал себе в тёплой воде океана и лениво пофыркивал.

Рот в те времена был у него маленький.

Подплыл однажды кит к берегу и увидел обезьяну, которая собирала орехи кешью, сорванные с дерева ветром.

Они поговорили между собой о том о сём, и обезьяна спросила:

– А знаешь ли ты, могучий кит, что южный ветер, который сорвал эти орехи, был однажды причиной очень больших неприятностей, из-за которых могли пострадать человек, ветер, змея и ещё кое-кто?

– Нет, – ответил кит, лениво шевеля хвостом.

– Тогда я осмелюсь задать тебе ещё один вопрос. Кто сильнее – ты, самый большой из зверей, странствующих по тропе жизни, или вон тот серый паучок, упавший на землю вместе с орехом?

– Конечно, я, – равнодушно ответил кит. – Ну конечно, я, тут даже раздумывать нечего.

И снова фыркнул, чуть приоткрыв свой маленький рот.

– Нет, далеко не так... Слушай.

И обезьяна начала свой рассказ.

...Давным-давно в стране, что лежит между берегом океана и озёрами, в самой середине Африки, откуда вытекают самые большие в мире реки, жил вождь. Это был могущественный человек, и его боялись не только люди его племени, но и все звери, звёзды и ветер.

Но этот могущественный человек был слеп от рождения, а поскольку он был любознателен, то часто задумывался. «Я хотел бы знать, на что похож мир, окружающий меня, – говорил он себе. – Что только бы не отдал, чтобы увидеть его хотя бы на мгновение!»

И случилось так, что однажды во время сезона дождей, когда на страну надвинулись синие и тяжёлые от влаги тучи, блеснула молния и слепой на мгновение увидел мир. А поскольку он стоял в это время перед огромным деревом баобабом, то увидел именно его. Увидел – и всё для него снова погрузилось в темноту.

– Какое счастье! – воскликнул слепой вождь. – Я знаю теперь, что мир – это дерево, похожее на бутылку, что он серого цвета, у него короткие толстые ветви, зелёные листья и много плодов. Теперь я спокоен!

И он продолжал жить и править своим племенем, наводя ужас на злые и воинственные соседние племена и делая добро тем, которые он считал мирными. Но, оставаясь наедине с самим собой, он часто подходил к баобабу, трогал его рукой и, убедившись, что зрение и осязание сказали ему правду, облегчённо вздыхал. Но вот случилась беда. Как-то подул очень сильный южный ветер, в саду раздался грохот и треск ветвей.

– Что это затрещало и рухнуло? – спросил встревоженный вождь.

– Не гневайся, это южный ветер повалил твоё дерево! – ответили испуганные слуги.

Тогда вождь окропил землю кровью только что зарезанного петуха, сделал несколько магических движений, известных только ему, и, когда колдовство стало действовать, приказал южному ветру явиться.

И ветер, прошумев листьями смоковниц, которые в изобилии росли там, предстал перед вождём.

– Как посмел ты сломать моё любимое дерево? – с горечью воскликнул тот.

– О повелитель, – ответил ветер, – я никогда не смог бы проникнуть в твой сад и сломать дерево, если бы меня остановила стена. Но она не сделала этого. Вождь приказал явиться стене.

– Я, конечно, остановила бы ветер, – ответила стена, – но толстая и тяжёлая змея удав, которая живёт в саду, часто лазила по мне и вконец разрушила меня.

Вождь велел предстать перед ним удаву.

– Я не лазил бы по стенам и не ловил певчих птиц, если бы в своё время огонь, который бушевал в саванне (а я родился там), сжёг яйцо, отложенное моей матерью! Из него я родился на свет и охочусь так, как положено змеям, – объяснил удав.

– А я сжёг бы яйцо, но мне помешал дождь, который потушил меня. В то лето дождь начался раньше времени. Если бы не так – всё было бы в порядке, – сказал огонь.

– О мудрый! – начал дождь свои объяснения. – Ты, конечно, знаешь, что сезон дождей начинается тогда, когда серый паучок, живущий на дереве кешью, перестаёт ткать свою паутину и прячется под кору. Но в то лето паучок поторопился, кончил работу и спрятался. Раньше времени пролился на землю и я...

– Теперь ты знаешь, кто сильнее? – закончила обезьяна свой рассказ.

Поражённый кит так разинул рот от изумления, что он стал у него широким-прешироким. С тех пор у китов большой рот, а маленькие серые паучки, которые ткут свои паутины на ореховых деревьях кешью, никогда не торопят приход сезона дождей.

СТАРИНА-БОЛЬШЕНОГ

— Странно, очень странно, — сказал Мходжа, хозяин, у которого я поселился на время своего пребывания в Мката. — Из курятника стали пропадать яйца. Такого ещё никогда не было.

Он замолчал, ожидая, когда я спрошу, что он сам думает по этому поводу.

— У нас в России главные воры — лисы, — осторожно сказал я. — Лисиц у вас нет. Не кажется ли тебе, что в сарай просто залезли крысы?

Мходжа покачал головой. Он очень гордился своим курятником. Он построил для него прочный сарай с толстым деревянным полом и привёз петуха и несущек из города. Курятник был большим событием в жизни.

— Это всё большая хохлатая птица, — убеждённо сказал он. — С тех пор, как появились куры, она всё время бродит около дома. Я думаю, она высматривает, как бы ей утащить яйца или цыплёнка.

— Хохлатая? Это птица-секретарь, — я уже и сам заметил странного, похожего на журавля пришельца с большими тяжёлыми ногами и пучком перьев на голове. — Он не питается яйцами, он ловит ящериц и насекомых.

Я сказал это и схитрил: мне нравился большеногий гость, который, тяжело ступая, то и дело опуская голову к самой земле, бродил около дома. Я знал, что птицы-секретари питаются также и теплокровными животными, а значит, незванный сосед мог польститься и на цыплёнка.

— Я буду смотреть за ним, и если увижу, что он нападает на кур, я убью его, — убеждённо закончил мой хозяин.

Вечером, когда я вернулся домой, Мходжа сидел на перевёрнутом ведре около дома и мрачно наблюдал, как то появляется в высокой траве, то исчезает голова с пучком чёрных и белых перьев на затылке. Старик-секретарь был тут как тут.

Прошмыгнув через дыру в заборе, на поле вышла куриная стая.

— Ага! Как он заволновался, — встав с ведра, выкрикнул хозяин кур. — Сейчас я возьму палку... — Он замолчал, птица-секретарь, выйдя на свободный от травы участок земли, неожиданно остановилась и как-то странно, высоко поднимая ноги, замаршировала по кругу.

— Идём лучше посмотрим, что он там делает, — миролюбиво предложил я.

Мы подошли поближе. В центре круга, описываемого птицей, свернувшись кольцом, лежала, часто поднимая голову и шипя, песочно-го цвета с пятнами на боках змея.

Птица-секретарь описала ещё один круг возле неё и с неожиданным проворством подскочила и ударила змею ногой. Голова змеи стремительно метнулась навстречу – промах! Птица даже не пыталась пустить в ход свой массивный клюв. Она подскакивала к змее, наносила удар тяжёлой ногой и отбегала. Решив удрать, змея развернулась и помчалась к зарослям травы. И тогда хохлатый воин с разбега вспрыгнул на неё. Высоко поднимая ноги, он начал быстро её топтать. Один из ударов пришёлся по голове, змея забилась, свернулась в петлю и замерла. Заметив нас, птица-секретарь ухватила поверженного врага клювом поперёк тела и потащила прочь. Скоро она скрылась с добычей в зелёном разливе.

– Видел? Ты видел, Мходжа? Это была яичная змея! – радостно воскликнул я. – Ну, как же мы с тобой не сообразили – это яичная змея повадилась залезать в твой курятник. Старина-большеног убил её. Теперь тебе нечего бояться за кур.

– Яичная? Мне это не пришло в голову, – согласился хозяин. – Я знал, что эти змеи грабят птичьи гнёзда, но чтобы залезть в запертый на ночь курятник...

– Он будет защищать тебя и от крыс, – поторопился добавить я. – С тех пор как ты завёл кур, обязательно жди нашествия крыс. Пусть большеног живёт поблизости и питается ими.

Вот что сказал я в тот вечер своему чернокожему хозяину. И Мходжа, владелец самого лучшего в деревне курятника, кивнул. Он был согласен: если около дома поселилось существо, способное убивать змей и крыс, это совсем не так плохо.

ЗЕЛЁНАЯ ДОРОГА

Джошуа Мбонде – инженер на строительстве автомобильной дороги Мороро – Иринга – стоял на обочине только что законченного участка трассы и сокрушённо качал головой. Было раннее утро, но на чёрных щеках и лбу инженера блеснули чёрные капли пота.

– Вам что-то не нравится? – спросил я его.

Вместо ответа он хмыкнул и показал на дорогу. Только что, прошлым вечером, уложенный асфальт был весь завален зелёными ветками. По обеим сторонам дороги, где росли низкие зонтичные акации и тамаринды, кто-то оттуда принёс и аккуратно закрыл полотно асфальта их листьями.

Я не понял недовольство инженера: завалить дорогу могли только сами строители, раз закрыли, значит, так и надо. Но тут послышалось урчание мотора, со стороны города подкатил открытый грузовик, из его кузова высыпала добрая полусотня темнокожих рабочих. Не дожидаясь приказа, они споро убрали ветки и, притавив из грузовика лопаты и ломы,

начали расчищать новый участок трассы. Подъехали ещё машины, заревели моторы стоящих в отдалении бульдозеров и асфальтоукладчиков, работа закипела.

Эту, не очень понятную мне и мало интересную сценку, я бы, вероятно, вскоре забыл, если бы не случилось так, что на следующее утро, следуя в саванну, не очутился снова на этом месте. Солнце только что встало, рабочих ещё не было. Мой шофёр резко затормозил: там, где стояли брошенные на ночь дорожные машины, двигались коричневые и серые горбатые тени. Десяток слонов неторопливо расхаживал взад-вперёд, то и дело сходя с дороги, направляясь в заросли и возвращаясь обратно.

Я ахнул: возвращаясь, каждый великан нёс охапку свеженаломанных веток. Взойдя на трассу, слон бережно укладывал их и отправлялся за новыми. Весь асфальт, тщательно уложенный накануне Мбонде и его рабочими, был завален зеленью.

Зачем это делают слоны? Что они хотят этим сказать?

Когда вечером, встретив Мбонде у гостиницы, я рассказал ему про то, что видел утром, инженер усмехнулся:

– Разве вы не понимаете? Это протест. Протест против вторжения в их жизнь, – сказал он. – Слоны говорят: оставьте нас в покое. Ничего не меняйте в саванне. Должен признаться, – добавил он, – подобное я наблюдал не раз. Слоны выдёргивают только что врытые телеграфные столбы. Однажды на моих глазах они разобрали по брёвнышку только что построенный мост. Те, кто строили его, считали, что им будут пользоваться и люди, и звери, но слоны рассудили по-своему. Они хотят переходить речку вброд. Они знают, что всякие перемены ведут к худшему... Впрочем, кто знает, что они думают?

Я кивнул. Что думают слоны, я тоже не знал.

КИБОКО

Моё знакомство с африканскими бегемотами началось с беды. Передвигаясь по Танзании, наша маленькая группа остановилась на отдых в селении Мзваду на берегу озера Виктория. Жители селения, темнокожие африканцы из племени джолу, объединившись, засеяли здесь свои поля кукурузой. В день, когда мы приехали, все они собрались у единственного магазинчика, который заменял им клуб. Но они спорили не об урожае, а горячо обсуждали какое-то происшествие.

– Она не уступила ему дорогу. Но он сам должен был остановиться, – начал пересказывать мне содержание разговоров наш переводчик Ахмад. – Вчера вечером через кукурузное поле шла молодая женщина. Позади неё шли ещё люди. Они пели и громко разговаривали. А надо сказать, что бегемоты-кибоко очень любят кукурузные початки. Как раз в этом месте они проложили тропинку в глубь поля. Женщина шла по этой тропинке, она торопилась домой к ребёнку. Бегемот услышал голоса людей, испугался и бросился к воде. Она не догадалась отскочить, не уступила ему дорогу, а он не остановился, сбил её и помчался дальше. Крестьяне говорят, что она в больнице и ей очень плохо. Она может погибнуть. Так бывает всегда, – закончил Ахмад, – когда нам, людям, и бегемотам-кибоко становится тесно жить рядом.

– И что теперь делать? – спросил я. – Ведь надо что-то предпринять. Это может повториться. Может быть, перенести поле подальше от воды?

Переводчик покачал головой:

– Крестьяне не захотят. Хотя кибoko и жили в озере задолго до того, как люди пришли сюда. Теперь люди не уступят. Они застрелят несколько кибoko, чтобы остальные поняли – нельзя нападать на человека. Народ очень обозлён, такого давно не было. Весь берег уже знает, что едва не погибла женщина. И знаете, что будет, когда в кибoko начнут стрелять? Они покинут поля и войдут в озеро. И, тогда вода в озере поднимется. Всегда, когда вода в озере поднимается, мы, джолуо, говорим: «Это бегемоты-кибoko вошли в воду». Так будет ...

На следующее утро мы уехали из деревни.

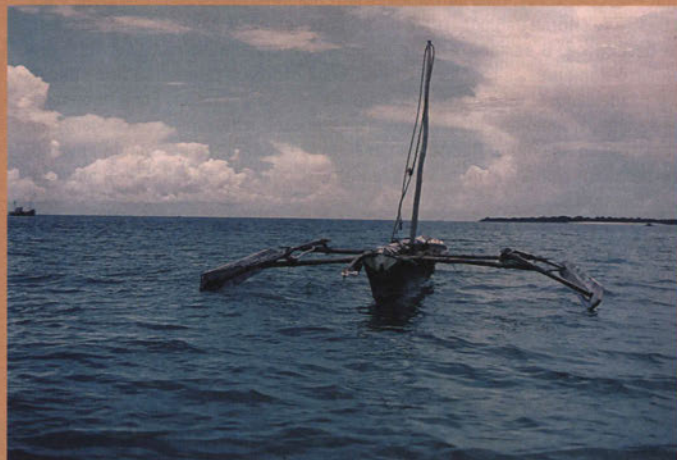
Та осень в Танзании была на редкость дождливой. Сезон дождей запоздал, а затем с Индийского океана пришли особенно плотные тучи, и они тянулись нескончаемой синей чередой. В это время я уже жил в заповеднике Микуми. Там мне снова довелось встретиться с бегемотами. Здесь не было ни реки, ни озера, и кибoko жили в больших лужах. В каждой – по семейству. Наш автомобиль неторопливо переезжал от одной лужи к другой, и мы без помех могли наблюдать жизнь водных лошадей, как называли когда-то древние греки бегемотов. В каждой луже с родителями сидело по малышу. Из воды торчали красновато-коричневые головы и спины. Если отпрыск семейства был совсем маленький, ему разрешалось проводить дни, сидя на голове у матери. Если побольше и потяжелее – на шее. И наконец, если сынок был большой и тяжёлый, располагаться ему разрешалось только на спине. Пастись в саванну все семейства выходили дружно, ночью, а люди по заповеднику ездили на машинах, и поэтому никаких конфликтов с бегемотами не возникало...

Последний раз я вспомнил о кибoko, когда мы уже покинули страну и летели над берегом великого озера Виктория.

– Смотрите, как поднялась в озере вода! – сказал мой сосед, указывая на коричневые заливы, глубоко врезавшиеся в зелёную саванну. – Что значит сезон. Говорят, таких дождей давно не было.

Он замолчал, а я подумал, что он не знает настоящей причины, почему поднялась вода. Это гонимые людьми кибoko все разом вошли в озеро. И так будет до тех пор, пока люди и бегемоты не научатся жить вместе.

Моя попытка погрузиться в африканских водах оказалась неудачной. Трудно было приспособиться к японскому водолазному костюму (нет шлема), а вода оказалась непрозрачной, белой от взбаламученного кварцевого песка. Зато на коралловый риф мы сходили на диговинной лодке – с парусом и двумя балансирами. Такую не перевернёшь! Это было у берегов Багамойо. Город до сих пор помнит своё прошлое: он был центром работорговли. У воды – дерево с ввинченными в него кольцами. К этим кольцам приковывали рабов. Впереди у них был долгий путь по океану.

ПОЕДИНОК

Некоторое время я жил в университетском городке танзанийского города Дар-эс-Салама. Жил в домике на окраине парка, в котором студентами было поселено немало причудливых существ, которыми так богат африканский лес.

В дупле дерева, как раз напротив моего окна, жил зелёный хамелеон, странное существо, голову которого украшали два острых рога. Каждое утро он выбирался на ветку перед дуплом и, сидя на ней, наблюдал за всем, что происходило вокруг. Наблюдать ему было очень удобно: каждый его глаз, шариком пристроенный сбоку головы и закрытый, как колпачком, кожистым веком, двигался сам по себе. Так, например, он мог одним глазом наблюдать за мной, а вторым – смотреть вверх, где порхали красно-жёлтые бабочки.

Каждый раз, когда я садился за письменный стол, хамелеон (я прозвал его ндугу, что значит «друг») поворачивал один глаз в мою сторону. Ему нравилось смотреть, как мелькают вставляемые в пишущую машинку белые листы бумаги.

Но на ветке мой сосед сидел не зря. Он охотился. Дождавшись, когда рядом сядет муха или бабочка, ндугу неторопливо открывал рот – все движения его всегда были плавные, как в замедленном кино, – и вдруг выбрасывал в сторону жертвы длинный тонкий язык. Щёлк! Муха приклеена к кончику языка, язык втянут, маленькое страшилище ждёт очередную жертву.

Но однажды на дереве появился ещё один хамелеон. Он, видно, знал законы охоты и знал, что для того чтобы остаться на дереве, надо изгнать с него хозяина. Пришелец был светло-коричневого цвета, раза в полтора больше моего ндугу. Вот он поднялся по стволу, вот ступил на ветку, вот начал по ней ползти. Шаг, второй. Глаза ндугу повернулись в сторону чужака. Оба рогатых воина замерли друг против друга.

Я представил себе, что сейчас увижу, как столкнутся их похожие на рыцарские шлемы головы, как острый рог вопьётся в бок соперника, как сплетутся хвосты и пойдут в ход когти.

Но то, что я увидел, поразило меня. Враги застыли нос к носу, глаз к глазу и... начали менять свой цвет. Ндугу первым перестал быть зелёным, травяные пятна на его коже распались, возникли жёлтые и чёрные полосы. Хозяин ветки стал полосатым, как маленькая зебра. Пришелец не задержался с ответом: коричневая кожа его сперва налилась розовым, а затем стала темнеть. Он весь пошёл бурыми пятнами. Не шевелясь, соперники в упор рассматривали друг друга. И тогда ндугу ещё раз изменил цвет: полосы на его боках поблекли, исчезли, вместо них заалели крупные красные кольца. Враг не нашёл ответа. Посрамлённый, он сделался чёрным и слез с ветки. Он повис под ней вниз головой, освобождая дорогу победителю. Но ндугу остался на месте. Он отвернулся от врага и продолжил охоту на мух. А побеждённый отправился в обратный путь, добрёл до ствола, спустился по нему и пропал.

Солнце набирало высоту. Ндугу, заметив пролетающую стрекозу, ловким плевком поймал её на лету и проглотил. Стало жарко, маленький шлемоносец побрёл по ветке к своему дуплу. Он мог гордиться: он отстоял свой охотничий участок, свою ветку, своё дерево. Он лучше менял цвет, значит, он лучше сражался. Победа его была заслуженна.

БРАТЬЯ РИККИ

Кто не помнит историю отважного Рикки-Тикки-Тави! Историю о том, как смелый мангуст убил змею и спас семью человека, приютившего его в своём доме.

С африканскими мангустами я познакомился во время своего путешествия по Танзании.

Однажды, проснувшись утром, я заметил из окна, что около трактора, который стоял на краю поля, собралась стайка каких-то рыжих полосатых зверьков, похожих то ли на кошек, то ли на вытянутых в длину собак. Став столбиками, они вертели головами и что-то высматривали. Трактор стоял холодный и неподвижный – тракторист повредил себе руку и уехал в соседний город, в больницу. Зверьки (а это были африканские полосатые мангусти) сидели на бугорке, и поэтому отовсюду были хорошо видны. Это привело к беде. Зашуршали крылья, и с неба камнем упала большая белохвостая птица с загнутым, как крючок, клювом. Орёл! Хищник закогтил самого большого мангуста и, неторопливо махая крыльями, понёс его к расположенным неподалёку холмам, где у него, очевидно, было гнездо.

Я думал, что мангусти бросятся врассыпную, но вместо этого они поднялись, как один, и кинулись в погоню. Орёл с добычей летел, медленно двигая крыльями, и поэтому рыжая стая не отставала. Устав, птица, не выпуская добычу из когтей, села на вершину сухого, разбитого грозой дерева. Полосатые преследователи окружили его. Мангусти

верещали, подпрыгивали и вили от гнева. Не было никакого сомнения: они ругали и проклинали хищника, похитившего их собрата.

Не знаю, испугался ли орёл, или ему просто надоели шумные преследователи, но он выпустил добычу из когтей. Спасённый мангуст упал прямо на головы своих собратьев, а орёл высоко поднял крылья, загрёб ими воздух, взмыл вверх, и, набрав высоту, двинулся к родным холмам. Стая, как по команде, прекратила визг и, окружив спасённого, тоже повернула назад.

Что делали остаток этого дня мангусти, я не знаю – я ушёл и вернулся поздно вечером.

Проснувшись на следующее утро, я с удивлением увидел, что они снова сидят около трактора. Упорство, с которым зверьки чего-то ждали, заинтересовало меня, я расположился у окна и стал наблюдать.

Вскоре я заметил, что от домов идёт человек с белой повязкой на руке. Это был тракторист, который вернулся из больницы и теперь решил отработать пропущенный день. Человек забрался на машину, включил мотор – рыжая стая поднялась и начала строиться. Мангусты строились, как солдаты, в шеренгу, строились молча и деловито, то и дело поглядывая на рычащего железного зверя. Трактор двинулся с места. К нему был прицеплен плуг, и блестящие стальные лемехи вонзились в землю. Шеренга мангустов в полном молчании заняла места позади.

Это было удивительное зрелище: тяжёлая колёсная машина, фырча, выплёвывая синие куски дыма и выворачивая комья земли, двигалась по полю, а следом шла компания рыжих зверьков, то и дело наклоняя головы и разгребая лапками землю. Я понял, что делает эта шайка: полосатые хитрецы шли за трактором, выбирая из перевороченной земли червей и личинки жуков. Вот чего они ждали терпеливо целых два дня!

Затурчал ещё один мотор – это приехала за мной крытая машина из заповедника, но полосатые старатели не обратили на неё никакого внимания.

Уезжая, я посмотрел назад. Рыжая компания продолжала следовать за плугом. Высоко сидевший тракторист то и дело оглядывался и смотрел на мангустов. Мне показалось, что я разглядел на его чёрном лице весёлую добрую улыбку.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Над равниной висел зной. Каждое слабое движение воздуха поднимало жёлтые тучи пыли. Они вытягивались по ветру и, медленно оседая, исчезали, гасли. Неподвижный розовый воздух лежал над выгоревшей саванной. Он лежал тяжёлой раскалённой плитой. Травы пожухли и полегли. Дно пересохших небольших рек покрылось, как паутиной, сетью трещин.

Одинокие чёрные грифы кляксами висели в побелевшем небе. Они парили над равниной, высматривая трупы павших животных.

На пыльных глинистых дорогах, которые в разных направлениях пересекают равнину, стоят автомобили с туристами. Осоловевшие от зноя, люди, до пояса раздетые, с зелёными от защитных козырьков лицами, обвешанные фотоаппаратами и видеокамерами, ждут.

И вот, наконец, на востоке поднимается медленное коричневое облако. Слышится неясный, похожий на рокот прибоя, шум. Люди в автомашинах сразу зашевелились. Затурчали моторы. Автомашины выкатываются вперёд, занимая места на вершинах холмов и над обрываами.

Показались первые стада антилоп. За ними новые – всё более плотные и протяжённые. Стада смыкаются, накатываются друг на друга. Живой вал катится по равнине. Ручейками текут огненно-рыжие импала. Плотно, без промежутков, касаясь друг друга боками, плывут иссиня-чёрные гну. Полосатые запылённые зебры маршируют рядами, как кавалерия. Остро пахнущий живой поток стремится на запад. Первые ряды давно уже скрылись за горизонтом, а конца движению всё не видно.

Поражённые невиданным зрелищем, люди в автомашинах притихли, они перестали щёлкать фотоаппаратами и стрекотать камерами. Они стоят в автомобилях навтыжку и молчат.

Засуха гонит обитателей саванны на запад, к воде, к устьям непересыхающих рек Нгуаби и Мбаланкета.

Время медленно движется. Оно тянется, как слюна. Наконец проходит несколько часов, и ток животных начинает иссякать. Сквозь коричневое облако, висящее над равниной, пробивается радужное солнце. Оно висит, окружённое зелёными и оранжевыми кольцами, над выбитой, перемешанной с соломой и испражнениями землёй.

И тогда люди приходят в себя. Но они уже увидели что-то новое и заволновались. Снова жужжат видеокамеры, все объективы направлены вниз. В долине показались хищники. Львы, шакалы, гиены бредут следом за ушедшими стадами. Они идут, с трудом неся отвисшие, полные пищи животы.

Первые хищники смешались с большими и отставшими антилопами. Звери сыты

и не торопятся. Они знают: несколько дней еды будет в избытке.

В нашей машине, кроме меня и моего друга, зрителя заповедника Джека Оуэна, сидят ещё немцы, две семьи. Обессиленная, хромая зебра, подломив ноги, рухнула в пыль. Около неё прилегло семейство львов.

— Они её разорвут, надо что-то делать. Ну сделай что-нибудь! — говорит немка, обращаясь к мужу. У мужа — лицензия на право охоты и двуствольный винчестер с оптическим прицелом. Женщина не перестаёт умолять. Мужчина нехотя поднимает ружьё. Джек отводит его ствол в сторону.

— Не вмешивайтесь, — говорит он. — Не пытайтесь в один миг изменить то, чему звери научились за сотню тысяч лет. Законы саванны нельзя сделать лучше или хуже. Они такие, какие есть.

Начинает дуть слабый восточный ветер. Он поднимает

над равниной оранжевые столбы смерчей. Кренясь и падая, они движутся следом за ушедшими стадами. Туда, где антилоп ждут спасительные воды двух рек.

«В далёкой Индии, стране чуда...»

Я был в Индии несколько раз, мне особенно запомнилась самая первая поездка, когда я был там вместе с Николаем Сладковым. Летели самолётом. Будучи искренними поклонниками детгизовского писателя Бориса Житкова, припомнили один из его рассказов: тот в Индию приплыл на пароходе и в порту, прежде всего, увидел слона. Слон помогал смуглым рабочим таскать тяжёлые брёвна.

И надо же – совпадение! Дня через два еду на такси и вижу – навстречу нам идёт слон. Остановил автомобиль, вышел, спрашиваю погонщика, он ехал верхом на слоне: «Куда, мол, идёте, зачем?» Тот отвечает: «Раньше этот слон работал на лесопилке, подтаскивал к механической пиле брёвна. Кооператив купил трактор, и слон оказался ненужным. Везу его в заповедник. Будем доживать там свой век».

Безработный слон! Удивительно. Или неувидительно, а естественно?

Когда мы подлетали к столице Индии Дели, то обратили внимание: внизу вся земля распаханна, всюду квадратики полей, деревушки и города. Сразу видно – спасение зверей не самое важное для людей дело. Индия, в отличие от Африки, перенаселена. В ней проживает уже миллиард человек! Для сохранения своей замечательной природы страна смогла выделить лишь небольшие куски земли.

В индийском заповеднике Перияр смотритель пообещал показать нам тигра. Коля Сладков честно просидел ночь в будке-засидке. Просидел, а потом смотрителя спрашивает: «А где же тигр?» Смотритель показывает ему лист бумаги с отпечатком лапы. «Это след последнего тигра. Он у нас один. Где сейчас он – не знаю». Такие дела.

Поскольку природа в Индии стеснена человеком, многое, что о ней рассказывают, – мифы.

Рассказы про диких детей-маугли – миф. Ни один ребёнок никогда не был выкормлен хищниками, а все заблудившиеся в джунглях и безоружные – съедены. Снятые досужими фоторепортёрами, грязные, не умеющие ходить дети – просто больные. Придумана и драка мангуста с коброй.

В Дели неожиданно прозвучало имя Виталия Бианки.

Меня познакомили с индийской писательницей Ритой Гангули, и она прочитала рассказ о том, как потерялась в реке рыбка, не могла найти дороги домой в море. Ей помогают разные встречные животные: «Плыви направо, плыви налево». Я говорю ей, что у Бианки есть очень похожий рассказ про то, как муравьишка домой спешил. Пересказываю. Рита говорит: «Я поняла, в чём моя ошибка. У меня все встречные животные ограничиваются только словами, а у русского писателя они помогают муравьишке каждый своим характерным умением – прыгают, летают и т.д. Буду учиться!»

Так у Бианки стало одной ученицей больше.

Эту фотографию Сахарнов привёз из Индии, он называл её «мой канонический портрет». Фотография присутствует во многих его изданиях.

«Мальчишкой в деревне под Старой Руссой я когда-то ловил палкой гадюк. Ловил и выпускал. Как же, побывать в специальном «змеином магазине» и не потрогать индийских змей. Я набрал полные руки зелёных, древесных.

Так и стал бы этот поступок бессмысленным, если бы одна змея не удрала. Так родился рассказ

«Зелёные змеи».

Рассказом «Зелёные змеи» открывается глава про Индию.

Волшебное заклинание

Рассказы и сказки Индии

ЗЕЛЁНЫЕ ЗМЕИ

Хотите посмотреть, как держат змей, предназначенных для продажи? – спросили меня в маленьком индийском городке Маха-балипурам.

– Конечно, хочу!

И меня отвели во двор, где расположился змеиный магазин. Во дворе было врыто в землю большое бетонное кольцо, а в нём, ожидая, когда её купят, сидела крупная блестящая кобра. Ей было непонятно, зачем её поймали, зачем привезли из леса и посадили в эту огороженную белой каменной стенкой тюрьму. Высоко подняв голову, она то устало смотрела на людей, как они подходят к кольцу, как размахивают руками и шевелят губами, то ползала вокруг воткнутого внутри загородки, сухого, с опилёнными ветвями дерева.

Хозяин магазина Фахта-сингх, молодой человек, только начинал торговать таким странным товаром – это он приказал поставить дерево.

– Пусть забираются на него, пусть ползают. Им будет веселее. Ловко это я придумал! – говорил он.

В тот день на моих глазах кобру продали. Её поймали петлёй, положили в мешок и унесли, а в загородку пустили десяток только что отловленных зелёных древесных змей.

Мне разрешили спуститься к ним.

– Не бойтесь, они неядовитые, можете даже брать их в руки...

Посмотрев, как качаются на сучках новые пленники, я покинул сонный двор.

Но когда на следующее утро я снова пришёл в магазин, там царила паника: ни одной зелёной змеи в загородке не было. Все исчезли!

– Как они могли сбежать? Как это получилось? – выкрикивал Фахта-сингх. – Кобра и та не смогла вылезти, а эти... Кто-то ночью их украл. Куда ты смотрел? Ты спал!

При этих словах сторож, который стоял тут же, закатывал глаза, прижимал руки к груди и бормотал:

– Я не спал. Клянусь демонами, никого тут не было. Я и не закрывал глаз!

Такая загадочная история... Она так и осталась бы для меня загадкой, если бы через день я не отправился бродить по лесу, которым был окружён городок.

Иду – лес редкий, на каждом шагу поляна, на деревьях сидят серые с зелёными пятнами и жёлтые с синей полоской на боку ящерицы. Они бегали по стволам, ловко цепляясь коготками за кору и вертя головами, высматривали насекомых. Заметив муху, ящерица замирала. Муха ближе, ближе... Бросок – и мухи нет. И снова вертит головой хвостатая пёстрая добычица.

Едва я перешёл одну из полян, как моё внимание привлекла зелёная, свешивающаяся с дерева ветка. Ветка шевелилась! Она качалась, вытягивалась, словно пыталась удержаться на дереве. Ба, да это же старая знакомая – древесная змея! Я подошёл поближе. Змея не обратила на меня никакого внимания: она смотрела куда-то в сторону, внимательно за кем-то наблюдая. И вдруг тело её уплощилось, стало как лист, острая голова метнулась вперёд. Как брошенная из лука, зелёная стрела полетела через поляну. Змея летела, поддерживаемая ветром, планируя, словно на крыльях, а перелетев, мягко приземлилась около дерева, на котором низко, у самой земли, сидела большая ящерица. Зелёная охотница тут же снова свернулась для броска, но... то ли добыча показалась ей слишком крупной, то ли змея наконец увидела меня... и испугалась. Опустив голову в траву, она изогнулась, потекла и исчезла. Перепуганная ящерица тоже скатилась по стволу и пропала.

Я рассмеялся. Так вот как удрали из бетонной тюрьмы зелёные пленники! Они улетели, улетели по воздуху. Оказывается, есть и такие змеи, которые умеют перепархивать с дерева на дерево и даже охотиться самым удивительным образом.

Посажённые в каменную клетку пленницы вернулись в свой настоящий дом – в зелёный, полный воздуха и света лес.

БАБУР

Я познакомился с ним в рыбацкой деревушке, что приютилась около одного из самых южных городов Индии Кочина. Здесь вправо и влево от причала стояли, уткнувшись носами в берег, длинные лодки. Рыбаки уходили на лов затемно, и, когда я утром появлялся, лодок ещё не было. Их всегда поджидала вместе со мной громоздкая, белая, с огромным клювом птица. Пеликан или плавал у берега, то и дело погружая в воду клюв – охотясь за рыбой (пеликаны не ныряют), или стоял

на причале, нетерпеливо всматриваясь вдаль, не показались ли нагруженные добычей суда?

Пеликана звали Бабур.

– Так звали когда-то нашего правителя, – объяснил мне Манну, рыбак, у которого временно не было лодки – он копил деньги на приобретение новой. В ожидании этого Манну работал на складе и до работы тоже приходил сюда каждое утро. – Вон какой у него важный вид! Но Бабур жулик. Мало того, что он ворует у нас рыбу, однажды он украл у меня кошелек. В нём было десять рупий и пятьдесят пайса. Я отнял его, – Манну погрозил пеликану.

В тот день солнце ещё не поднялось над грядой низких зелёных гор, но море уже расцветилось голубыми и белыми полосами. Положив фотоаппарат на лежавший на причале ящик из-под рыбы, я продолжил разговор.

– Рыба ловится всё хуже и хуже, – пожаловался мне Манну. – Её распугали пароходы. Раньше мы выходили в море часа на два и возвращались с полной лодкой, а теперь, чтобы выручить на базаре немного денег, нужно вставать в полночь... Ага, они уже идут!

На горизонте показалось несколько серых зубчиков.

Их заметил и Бабур. Птица заволновалась, начала нетерпеливо раскачиваться взад-вперёд и даже приподниматься на своих коротких перепончатых лапах, высоко поднимая голову. Она что-то высматривала.

Зубчики превратились в паруса.

Лодки приблизились, стали видны усталые лица рыбаков и отливающие серебром и зеленой бока и спины сваленных на дно лодок рыб.

– Надо сфотографировать их приход, – сказал я, повернулся к ящику и ахнул – фотоаппарата на нём не было.

Манну заметил это. Не говоря ни слова, он подошёл к Бабуру, раскрыл у него клюв и, засунув руку по локоть в пасть пеликану, вытащил из подклювного мешка мой «Зенит».

Аппарат был в полном порядке, проверив, я поднял его и сделал первый снимок – «Рыбаки Кочина».

– Жаль, что у тебя нет лодки, – начал было я и замолчал, привлечённый поведением птицы. Бабур спрыгнул с причала и ковыляя побежал к одному из подплывших судёнышек. Лодка ткнулась носом в песок и уронила парус. Помогая себе крыльями, птица прыгнула в неё.

Я с интересом смотрел. Рыбак, не обращая внимания на пернатого гостя, перекладывал рыбу в рогожные кули. Рядом топтался пеликан. Стоило человеку отвернуться, как Бабур ловко подцеплял клювом рыбку, закидывал голову и отправлял добычу в свой мешок. Рыбак, шевеля губами, что-то выговаривал ему.

– Он говорит, что воровать плохо, – объяснил мне Манну. – Но он сегодня поймал больше всех – ему не жаль рыбы. И поэтому он не очень сердится. А Бабур всегда знает, какую лодку надо встречать. Он всё видит, никогда не даёт промашки.

Когда я уходил, рыбаки уже несли улов по домам. Около берега лениво плавал Бабур. Пеликан был сыт. Сегодня у него был хороший день, единственное, что ему не удалось, – это стащить у меня фотоаппарат.

ВОЛШЕБНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Сказка
(Южная Индия)

Так вот, на Малабарском берегу, около города Коджикода, в одной деревенской семье жил мальчик, которого звали Рам. Его родители были очень бедные люди, и, чтобы помочь им, Рам решил сделаться заклинателем – научиться исцелять от укусов змей.

Надо сказать, что в Индии есть всего четыре вида ядовитых змей, из которых самые страшные – кобра и маленькая змейка по имени крайт. Змеи никогда не нападают на человека, но люди в Индии в деревнях ходят босиком, а змеям никогда не известны истинные намерения людей. Вот почему змея, на которую наступили, кусает, и в этом трудно её винить.

Люди народа малиали, когда их укусит змея, знают, что нужно немедленно отсосать кровь и прижечь ранку угольком пальмового дерева. Но людям каждый раз очень хочется остаться живыми и здоровыми, и поэтому они охотно обращаются и к заклинателям. Заклинатели произносят над ранкой волшебные слова, причём у каждого из них эти слова свои.

Так вот, Рам решил сделаться заклинателем, а один приятель, которого он встретил на деревенской улице, посоветовал ему:

– Знаешь что, собери корзину подарков и отправляйся к вайдвану – заклинателю, который живёт в соседней деревне. Вайдван знает волшебное заклинание, он скажет тебе его, ты повторишь его пятьдесят тысяч раз, и оно войдёт в твоё тело, станет твоим собственным...

Рам очень обрадовался, узнав, что стать заклинателем не так уж и сложно. Но какие подарки мог собрать он, мальчик из бедной семьи? Долго размышлял Рам, потом взял корзину, набрал в неё огурцов из собственного огорода, поставил корзину на голову и отправился в соседнюю деревню.

Можете себе представить, как удивился вайдван, когда увидел около двери своего дома мальчика с корзиной огурцов на голове!

– Что случилось? – недружелюбно буркнул он.

– Я хочу стать твоим учеником, – смиренно ответил Рам. – Я хочу услышать от тебя волшебное заклинание, чтобы лечить в моей деревне людей. Я пришёл не с пустыми руками – видишь, вот подарок. – И он снял с головы корзину.

А надо сказать, что заклинатель был очень богат: в благодарность за исцеления люди приносили ему золотые и серебряные вещи и много других драгоценностей.

– Мне... в подарок... огурцы? – завопил злой вайдван. – Глупец!

Рам так испугался его крика, что не понял, о чём тот говорит. А вайдван топал ногами и кричал:

– Глупец!.. Огурцы?!

Испуганный Рам бросился бежать. Он мчался по деревенской улице со всех ног, а вслед ему несло:

– Глупец! Огурцы!

А надо вам сказать, что на языке малайалам, на котором говорит народ малиали, «глупец» произносится «витти», а «огурцы» – «кусмандам», и убегающий Рам, слыша позади себя «виттикусмандам», решил, что это и есть волшебное заклинание.

Он прибежал домой и стал день за днём повторять его, а когда повторил пятьдесят тысяч раз, то почувствовал, что оно вошло в его тело, стало его словом. Так Рам сделался врачом. Надо сказать, что дела его сразу же пошли хорошо, потому что он не надеялся только на одну силу волшебных слов, но добросовестно отсасывал из ранок кровь и прижигал их угольком пальмового дерева и советовал хорошенько кормить укушенных, чтобы у них было больше сил справиться с болезнью.

И ещё люди заметили, что он никогда не берёт от исцелённых дорогие подарки, всегда только еду – рис и мясо – и ещё изредка дрова, чтобы было на чём приготовить обед отцу и матери.

Владыкой Малабарского берега в те годы был король Коджикода. Этот король не отличался какими-либо особыми достоинствами, разве что имел очень тонкий слух, и, как рассказывают, мог на расстоянии сорока шагов слышать слово, произнесённое шёпотом.

Однажды король, гуляя у себя в саду, наступил на маленькую змейку крайт и был ею тотчас укушен.

Во дворце поднялась страшная паника. Были вызваны все лучшие врачи и заклинатели города. Однако напрасно они возносили к небу молитвы, курили благовония и выкрикивали заклинания – королю становилось всё хуже, и, когда настала третья ночь, все поняли – спасения нет. Король лежал на постели, закрыв глаза, еле дышал, у него уже начали холодеть кончики пальцев.

– Только чудо может его спасти, – покачал головой самый старый и мудрый из врачей. – Королю надо сделать усилие, от которого огонь жизни вновь вспыхнул бы в его груди. Но – увы! – как это сделать?

И тогда кто-то вспомнил, что в деревне, неподалёку от города, живёт мальчик, о котором идёт слава как об искусном врачевателе. Отряд гонцов с носилками ворвался ночью в деревню. Рама усадили на носилки, и слуги бегом, меняясь каждые четверть часа, доставили его во дворец.

Рам посмотрел короля и остался очень недоволен.

– Отсасывали кровь из ранки? – спросил он у первого министра.

Первый министр испугался. Он тут же сообразил, что может повредить себе, сказав «нет», оказаться в какой-то степени виновным в смерти властителя.

– Отсасывали кровь из ранки? – спросил он, в свою очередь, у второго министра. Но тот был тоже себе на уме.

– Отсасывали кровь? – спросил он у старшего королевского писца.

Так они спрашивали друг друга, пока не добрались до самого младшего конюха, и только тот осмелился сказать «нет».

– Очень плохо! – сказал Рам. – А делали прижигание?

Первый министр снова побоялся ответить, и снова вопрос дошёл до младшего конюха, который сказал, что рану не прижигали.

– Совсем плохо! – сказал Рам. – Осталось последнее средство – волшебное заклинание.

И он, наклонясь над умирающим, прошептал:

– Виттикусмандам!

И умирающий (а у него, как вы помните, был очень тонкий слух) услышал его. Мало того, король очень удивился, что кто-то бормочет над ним «глупец» и «огурцы». Он так удивился, что приподнялся на своём ложе и спросил:

– Какие огурцы?

Оттого что он сделал такое усилие, кровь в его жилах побежала быстрее, сердце забилось лучше, и через час он уже мог сидеть, облокотясь на подушку, и через день улыбаться и пить холодный апельсиновый сок манго.

Когда настал час отправляться Раму домой, король сказал ему:

– Ты спас меня от смерти. Проси всё, что хочешь. Что бы ты ни назвал, всё будет доставлено сегодня же тебе.

Он имел в виду золото и драгоценные камни, изделия из слоновой кости и дорогие ткани.

– Прикажи послать моим родителям немного фруктов и вязанку дров, – сказал Рам. – Это обычная плата за исцеление, и никакой другой мне не надо.

Король снова очень удивился и спросил: может быть, у Рама был помощник? Он хочет одарить и его.

– Да, при твоём дворе есть человек, который помог мне, – сказал Рам. – Он ответил на мои вопросы, и из его ответов я узнал правду. Вот он!

С этими словами он указал на самого младшего королевского конюха.

Сказка не сохранила память о том, был ли награждён конюх, но что после этой истории Рам вернулся домой и долгие годы жил, врачуя людей и оберегая своих родителей, – это известно.

Известно также, что он ещё много раз успешно прибегал к волшебному заклинанию:

– Виттикусмандам!

РАНИ

Расколотое надвое облачной полосой багровое солнце опускалось за лес. Чёрные скворцы майны крича устраивались на ночлег в ветвях хлебного дерева. За окном директорского кабинета, затянутым марлевой противомоскитной сеткой, наступала ночь.

– С Рани всё в порядке? – спросил директор заповедника.

Стоявший перед ним егерь, по-индийски – шикари, поклонился.

– Амар говорит, что Рани, как всегда, готова.

– Проверь и скажи ему, что он отвечает за Рани головой. Коза – это наш успех.

Решив свои дела, я вышел из директорского кабинета вместе с егерем. Я не спросил, почему директор так беспокоится о какой-то козе и почему от неё зависит успех какого-то дела. Шикари должен был проводить меня в гостиницу. Идти пришлось через всю деревню.

– Минуточку, мистер, я только загляну к Амару, – предупредил меня егерь.

Около сложенной из бамбуковых стволов и крытой пальмовыми листьями хижины мы остановились. В загородке у двери щипала траву тощая, со свалывшейся шерстью коза. У неё были печальные карие глаза и застарелый след верёвки на шее.

Из хижины вышел хозяин.

– Завтра пойдёшь в лес с Рани, – сказал мой провожатый.

– Не могу, я должен идти на станцию, – ответил хозяин хижины. – Жена говорит, там сейчас много дешёвой муки. Привезли перекупщики из Калькутты.

– Ни на какую станцию ты не пойдёшь. Директор приказал. Утром собирайся. Директор сердится.

Амар, сложив руки у груди, смиренно поклонился.

– А мне можно с вами? – спросил я, поняв, что затевается что-то интересное.

– Вам надо получить разрешение.

Утром около директорского домика я застал уже готовую к походу в лес группу – трёх охотников с ружьями и Амара, который держал на верёвке козу. Стоя на крыльце, директор давал егерям последние наставления. Выслушав мою просьбу, он недовольно повертел головой.

– Вообще-то я не должен разрешать – есть риск. Они идут, чтобы убить леопарда. Если бы это был тигр, я бы вам не разрешил. Ну да ладно, только учтите, можете просидеть полдня и ничего не увидеть... Приманку взяли?

– Как вы сказали – половину свиньи.

– Ступайте.

Через час, зайдя глубоко в лес, мы забрались на махан – устроенную на дереве и замаскированную ветками площадку, положили приманку на траву и приготовились

к охоте. Внизу возился Амар. Стоило ему привязать козу к дереву, как Рани принялась громко кричать.

– Хорошо кричит, – сказал мне шикари, – и начала кричать, как только её привязали. Очень хорошо... Ещё немножко и можешь идти, Амар!

Скоро, отвязав Рани и часто дёргая за верёвку, крестьянин потащил козу прочь от махана.

– Что он так сердится на неё? – спросил я. – И зачем подгоняет, будто она в чём-нибудь виновата?

– Ни в чём. Он говорит ей: «Ты, лентяйка, должна торопиться, иначе я не застану муки...»

Увы! Надежды мои стать в тот день свидетелем охоты на хищника не оправдались. Просидев до вечера и не дождавшись леопарда, мы покинули махан.

– Придётся привести Рани ещё завтра, – сказал мне на прощание шикари. – Утром зайти за вами?

Но следующие дни у меня уже были заняты, была заказана машина для поездки на озёра, отстать от группы я не мог.

Вернувшись через два дня, я решил попрощаться с директором. Подойдя к его домику, я увидел лежащего на ступенях крыльца убитого пятнистого зверя. Одна из лап леопарда – след увечья – была вывернута и лишена когтей. Я понял, почему его надо было убить: инвалид на трёх лапах, он уже не мог преследовать лесных зверей и перебрался жить поближе к деревне, чтобы охотиться на коз и крестьянскую птицу. Его жертвой мог в любое время стать и ребёнок... Так вот какой зверь пришёл к махану, привлечённый голосом Рани, старой козы, работа которой защищать крестьян, живущих у самой границы заповедного леса!

ХРОМОЙ ТИГР

Под нашим укрытием-засидкой внизу тяжело дышало какое-то большое животное. Неужели он пришёл? Я осторожно подобрался к окошку-бойнице и выглянул из неё. В темноте подо мной смутно желтело длинное живое пятно. Никакого сомнения – это был тигр! Явился, как и обещал мне егеря.

– Заман, а почему ты так уверен, что он придёт? – спросил я днём молодого индийца, чья работа на ближайшие три дня была показывать мне всё, чем знаменит заповедник.

Тот пожал плечами:

– Он каждую ночь приходит туда.

– А не очень опасно следить за ним?

– Мы будем сидеть в махане.

О маханах-засидках я много слышал. Их в прежние годы устанавливали в лесах для знатных и богатых людей, чтобы те могли, не рискуя, охотиться на грозных хищников индийских лесов – львов и тигров. Махан устраивали в развилке крепкого дерева или на специально врытых в землю сваях. Зверей – это могли быть также и олени и кабаны – загонщики выгоняли на поляну перед маханом и, удобно расположившись наверху, магараджа или купивший лицензию богатый иностранец без помех убивал столько, на сколько у него хватало патронов и скорости.

Несколько дней я провёл, не отходя далеко от хижины егеря, разыскивая и фотографируя игуан. Большие – до метра в длину – ящерицы, молчаливые и ко всему безразличные, позволяли приблизиться к себе почти вплотную. Заметив тебя, ящерица только поднимала высокий колючий гребень и, не моргая, ждала, когда ты уйдёшь.

Махан, в который привёл меня вечером егерь, был поставлен у самого берега реки. Прямо под бойницами, из которых когда-то стреляли знатные гости, катился водный поток.

Засидка была сооружена уже в нашем столетии, и поэтому вместо деревянных столбов её помост стоял на четырёх железных сваях. Мы поднялись на него, убрали за собой лестницу и, завернувшись в одеяла, стали коротать ночь. Я лежал, забросив руки за голову, и представлял, что за сцены разыграются утром перед моими глазами.

Во-первых, к реке может прийти олень. Он только наклонит голову к воде, как из кустов выскочит полосатая кошка. Вскинув увенчанную короткими рогами голову, олень метнётся назад в чащу, но тигр в два прыжка настигнет его и...

Нет, лучше, чтобы у воды оказался буйвол. Чёрный буйвол с загнутыми массивными рогами и лбом, способным выдержать удар любой когтистой лапы. Вот тигр набрасывается на огромное неуклюжее животное, но то неожиданно ловким движением громадной туши сбрасывает его. Полосатый хищник поднимается, но буйвол уже...

Я проснулся оттого, что Заман толкал меня:

– Он пришёл, – прошептал егерь.

Отбросив одеяло, я подполз к бойнице.

Небо быстро светлело. На востоке зажглась огненная полоса, стало хорошо видно, что делал внизу, под нами, зверь. Он пил воду. Но пил как-то странно, не лакая её, как все кошки, языком, а черпая лапой. Я присмотрелся. Наклонившись над водой, зверь в очередной раз опустил лапу, что-то зачерпнул, поднял. В когтях у него кто-то шевелился. Пойманное существо вырвалось, упало на песок и боком, вскидывая суставчатые ноги, побежало к воде. Беглец был снова пойман и съеден.

Так вот что за охоту мне удалось увидеть! Удивительно! Тигр ловил и поедал речных крабов.

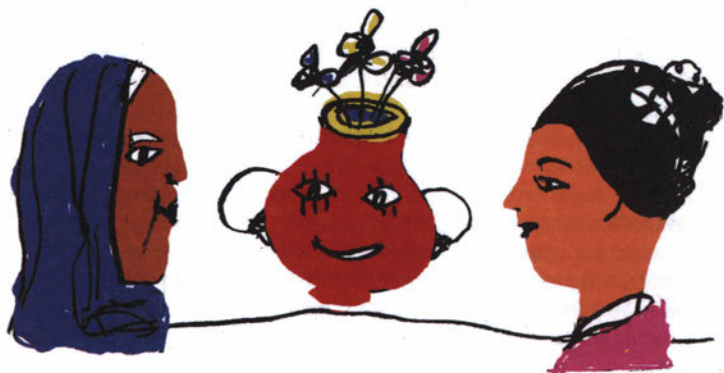
Я посмотрел на отпечатки его лап. Три ноги оставили в мокрой глине чёткие глубокие следы. Четвёртая лапа едва касалась земли, след от неё был еле виден. Тигр был хромым! Хромым, а значит, ему больше не было дано состязаться в скорости с оленем или сражаться с могучим буйволом, и поэтому он выбрал себе охоту по силам.

Почуввав присутствие человека, полосатый хромец поднял морду, и я увидел его глаза. Это были глаза смертельно уставшего животного. Бока тигра впали, шерсть на них свалилась. Мне стало жаль этого потерявшего былую мощь и красоту зверя.

Я захотел сказать об этом проводнику и повернулся к нему. Но Заман не смотрел на тигра, он разложил на полу учебники и, шевеля губами, старательно читал. Он готовился к экзамену в школе, был занят своим делом – индийский юноша, чья работа – показывать городским жителям и иностранцам удивительный мир джунглей.

ГОРШОК И ЕГО БРАТЯ

Сказка
(Центральная Индия)

В одной деревне жила старая женщина. Муж её умер, дети умерли, и хотя она с утра до ночи гнула спину, стараясь управиться на поле и дома, жить ей было очень трудно.

Как-то случился сильный ветер. Он ворвался в хижину старухи через открытые окна и дверь, покачнул полку над очагом и разбил все горшки.

Делать нечего, собрала старая женщина последние гроши, отправилась на базар и купила там три новых горшка: два одинаковых, а один – поменьше. Положила горшки в мешок и понесла домой.

Идёт и слышит – горшки перестукиваются, словно между собой переговариваются.

«Нет, нет, это мне чудится!» – решила женщина, пришла домой, поставила горшки на полку и отправилась за водой.

Принесла она воды, стала месить из кукурузной муки тесто. Месит, а сама думает о своей горькой доле.

– Был бы у меня сынок, пошёл бы он сейчас в поле вместе с другими мужчинами жать пшеницу, – забывшись, сказала она вслух. Сказала и тяжело вздохнула.

Вдруг слышит, застучали горшки. Дрожат, покачиваются, словно говорят что-то друг другу.

– Ой, что это? – спрашивает старуха. А один горшок, тот, который поменьше, спрыгнул с полки и говорит:

– Матушка, матушка, я пойду в поле.

Первый раз за много лет рассмеялась старуха:

– Куда тебе! Ладно, стой уж на полке. Да кто вы такие, удивительные горшки?

– Мы братья. Когда нас горшечник делал, сказал: быть вам сыновьями той женщины, которая вас купит. Пока вы вместе, всё и у вас и у неё будет ладно.

Братья говорят:

– Мы с тобой, брат, будем пшеницу жать!

– Пока вы не нужны. Стойте.

Сказал и выкатился на дорогу. Скок, скок, добежал до дома, где жил деревенский староста, и кричит:

– Староста, а староста! Возьми меня в работники.

Староста вышел из дома – дом богатый – посмотрел маленькими, заплывшими жиром глазками на горшок и говорит:

– У меня пятьдесят бигхов земли, где тебе управиться! Что за работу возьмёшь?

– Час буду жать – сто горшков зерна, день – три горшка, два дня – ни одного, всё тебе останется.

«Да он, видно, глуп! – подумал староста. – Там для одного работы на неделю!»

Дал он горшку кривой нож, которым жнут, тот и поскакал в поле. Часа не прошло – скачет обратно.

– Всё готово! – кричит.

Пошёл посмотрел староста – вся пшеница сжата, снопы связаны, под навес уложены. Другие работники их уже молотят. Ну и чудеса!

Возвратился горшок домой, говорит братьям:

– Теперь и вы нужны. Идёмте зерно, которое я заработал, в дом носить!

Стали они дальше жить. Слышит старуха: снова горшки стучат.

– Матушка, а матушка, – говорит меньший. – Столько лет ты прожила, а своей буйволицы у тебя нет, некому тебе молоко по утрам давать.

Соскочил с полки. Братья ему говорят:

– И мы с тобой!

А он им:

– Пока вы не нужны.

Выкатился на улицу, заковылял к крайнему дому, где жил богатый крестьянин, у которого было несколько буйволиц. Хозяин на камне около ворот сидит. Подкатился к нему горшок и говорит:

– Видишь вон ту рощу, где дикая яблоня-би́льва растёт? Так эта роща волшебная. Сейчас пойду туда за горшками – моей хозяйке новые горшки нужны.

Засмеялся крестьянин: откуда в роще горшки?!

А горшок домой сбегал, говорит братьям:

– Идите в рощу, ждите меня там! Вернулся к крестьянину.

– Мне сегодня, – говорит, – двух новых хватит. Смотри, как это делается: входит в рощу один горшок, а выходят – три! Только при этом надо сказать: иди и не возвращайся!

Так и получилось: отправился туда один брат, а назад вышли все трое. Ахнул крестьянин. А был он ох как жаден! Дай, думает, я вместо одной буйволицы три получу!

Выгнал из хлева самую лучшую, стегнул её изо всех сил, кричит:

– Иди и не возвращайся!

Та – в рощу. Поймал её там горшок и потихоньку отвёл к старухе на двор.

Живут дальше. Видит горшок: совсем их матушка руками слаба стала.

Поговорил с братьями – прыг с полки.

– И мы с тобой! – говорят братья.

– Пока вы не нужны.

Катится по дороге, подпрыгивает, навстречу – свадьба. Невеста молодая, красивая, крепкая, а жених старый, некрасивый и, сразу видно, глупый. Остановилась свадьба около четырёх колодцев. Два сухих, а в двух вода есть. Сбегал горшок за братьями, велел им в сухие колодцы лезть. Вернулся, подскочил к родственникам невесты и говорит:

– Беда! Дочь ваша не за одного, а за троих сразу замуж вышла.

Испугались родственники, а жених спрашивает:

– Как так? Я на свете такой один. У меня даже братьев нет.

– А вот посмотри. В этом колодце кто? Ты. А в этом? Тоже ты. А в этом? Горшок. И в последнем – горшок. Все, кто в колодцах, вылезайте!

Смотрят – из одного колодца горшок вылез, из второго... «Сейчас, – думает жених, – и те двое, что на меня так похожи, выскочат! Что нам троим на свадьбе делать?»

Не выдержал жених, как бросится бежать! И убежал.

Отдали родственники невесту горшку. Привёл он её в дом к своей матушке.

Пшеница есть, молоко есть, крепкие молодые руки в доме есть – что ещё старой крестьянке надо?

СЕТЬ ДЛЯ БОЛЬШОГО ЛЬВА

Я жил в деревушке на самом краю Гирского леса – абхаяраньяма, то есть «леса, не ведающего страха». Так назвал лес когда-то местный махараджа*, объявивший лес заповедным и разрешивший охоту в нём только самому себе. Если не считать того, что охотился махараджа каждый месяц, то название было правильным.

Моим хозяином в деревушке был сидди, чёрный как смола, потомок негров, которых, по тому же преданию, завёз сюда из Африки этот царёк. В лесу водились львы, и хозяин леса, вероятно, посчитал, что следить за ними и помогать ему в охоте лучше всего будут негры.

– Много ли осталось в лесу львов? – спросил я в первый же день у своего хозяина Чанда.

– Двести, – убеждённо ответил тот. – Львов пересчитывают каждый год. В прошлом году их было ровно две сотни.

– Проводишь меня завтра в лес?

Он покачал головой:

– Я найду вам проводника – мальчика. У меня завтра большая работа. Завтра привезут бетон. Приедет машина, на которой всё время крутится барабан.

По тому, как он точно описал бетономешалку, стало ясно, что она тут не редкость.

– Зачем тебе бетон?

– Все мужчины деревни завтра пойдут в лес копать землю и строить водопой.

– Ах, вот оно что!

Из дальнейшего разговора я узнал, что главная беда леса – засухи. Половину года тут не идут дожди, несколько небольших ручьёв пересыхают, и единственным спасением для гирских львов, оленей и диких кабанов становятся бетонные чаши, сделанные людьми, и колодцы, откуда берут для чаш воду.

Вечером, отдыхая на скамеечке перед хижиной, я заметил висящую на ограде сеть, сплетённую из очень толстых, прочных верёвок. И ещё – у неё была очень крупная ячея.

– Ого, – удивился я. – Для чего она тебе, Чанд? Ведь никакой реки, никакого озера поблизости нет. Да и потом в сеть с такими крупными ячейками никакую рыбу не поймает. Разве что молодого кита.

Что такое молодой кит, Чанд не знал.

– Это сеть для большого льва, – объяснил он.

– Аа-аа...

Я легко представил себе, как мой сидди раскладывает в лесу сеть или как он, забравшись на дерево, набрасывает её на остановившегося под деревом зверя.

Следующие несколько дней каждое утро я отправлялся в лес с соседским мальчиком или даже с самим Чандом. Они показали мне, как собираются у бетонной, только что

* Махараджа – титул князей в Индии.

наполненной водой чаши олени-аксисы, как чутко пьют, то и дело вскидывая головы и напряжённо всматриваясь в лесную чащу. Как приходит к такому водопою леопард и, по-кошачьи пригнувшись, жадно лакает воду.

Увидел я и львов. В деревню заехала на сутки группа немецких туристов, и для них был зарезан старый буйвол. Прежде, чем резать, его отвели в лес. Полдня туристы – и я с ними – сидели в автобусе. Наконец, к туше буйвола вышла пара – огромный черно-гривый самец и молодая львица. Они разорвали и выели бок у скотины, а насытившись, легли тут же подремать.

Нам повезло увидеть продолжение. Из кустов вышел и зло посмотрел на львов леопард. Он сделал несколько нерешительных шагов к буйволу – громадный лев приоткрыл глаза, леопард отпрянул, попятился и растаял в пятнистой зелени...

В день, когда я уезжал и заказанная автомашина уже стояла у хижины, я увидел, что Чанд снимает с ограды сеть. Мало того – он торопился, он собирался куда-то с ней идти.

– Что случилось? – окликнул я его. – Идешь в лес?

Сидди кивнула

– В колодец упал лев, тот самый, черногривый, которого вы видели, – объяснил он. – Надо торопиться. Чтобы спасти его, надо эту сеть опустить в колодец, и тогда лев сам поднимется по ней наверх.

Так вот для чего предназначался этот ловчий снаряд! Жаль, ах как жаль, что мне надо ехать, задерживаться нельзя, сегодня у меня самолёт.

Так я и не увидел, как Чанд опускает сеть в колодец, как поднимается по ней, цепляясь когтями за толстые верёвки, гривастый зверь. Он выбирается наверх, а мой сидди стоит в сторонке, не прячась, и наблюдает за ним. Он не прячется, потому что здесь, в Гирском лесу, между людьми и львами давно уже установились совершенно особые отношения – абхаяраньяма.

ЭЙ-ФИ!

В том, что вилорогие олени-аксисы собрались тесной группой под деревом, было что-то загадочное. Они беспокойно расхаживали под могучей зелёностью сорей, то приближаясь к дереву, то отходя от него. Закидывали голову, почти касаясь рогами спины, и нетерпеливо во что-то всматривались.

В густой зелени листьев мелькали серые тени. Они мелькали, пропадая и возникая вновь, там же суетились, перелетали с ветки на ветку коричневые небольшие птицы. Что-то знакомое почудилось мне в их повадках, полёте, в том, как тяжело несли они за собой длинные хвосты.

Стоявший рядом лесник-индеец хотел было что-то сказать об этих птицах и серых тенях, даже поднял руку и указал на них, как вдруг с дерева посыпался зелёный град. Олени тотчас заволновались, столпились и начали, торопливо наклоняя головы, выбирать что-то упавшее из травы. Серые тени в кроне дерева припустились, стали ясно видны и превратились в обезьян-лангуров. Я присмотрелся и понял – на дереве идёт пир горой! Обезьяны рвут зелёные соцветия. Они рвали их жадно, обеими руками, наскоро обглаживали и швыряли остатки кистей вниз. Олени подбирали брошенное.

– Сейчас конец засушливого сезона, – сказал лесник. – Вся трава в лесу пожелтела и стала невкусной, жёсткой. А у сорейи как раз время цветения. Даже кукушки, видите, слетелись сюда. Еды хватит и им, и обезьянам, и оленям.

– Кукушки, так вот это кто! – обрадовался я. – Конечно, кукушки. Они совсем как наши. Вот и отлично, спрошу-ка, через сколько лет мне доведётся снова побывать здесь? Кукушка, а, кукушка?

И тут произошло маленькое чудо. Одна из коричневых птиц перепорхнула на ветку пониже, наклонила на бок голову и, глядя на меня, трижды прокричала:

– Эй-фи! Эй-фи! Эй-фи!

Три года! Птица утверждала именно так.

Прежде, чем уйти, мы с лесником ещё долго стояли около дерева...

Ошиблась индийская кукушка, которая вместо знакомого всем нам «ку-ку» говорит «эй-фи», – это была моя последняя поездка в Индию. Больше в лес, где обезьяны дружат с оленями, а птицы помогают им объедать цветы, вернуться мне не довелось.

БЕДНЯК И ФИОЛЕТОВЫЙ ЗМЕЙ

Сказка
(Индонезия)

На одном из островов, рассказывают, жил бедняк. Он жил со своей женой в хижине, такой старой и ветхой, что каждый раз, когда начинал дуть зимний муссон, хижина раскачивалась и вот-вот готова была упасть. Особенно плоха в ней была крыша, и если шёл дождь, то луж внутри хижины было ничуть не меньше, чем снаружи.

– Найти бы на дороге монету, купил бы пол-воза рисовой соломы, починил крышу, – часто говорил бедняк.

– Да, да, – отвечала ему жена. – Сухой пол! Чего ещё можно желать?

И она тоже, когда шла по дороге, смотрела себе под ноги. Но вот однажды крестьянин пошёл в лес, чтобы собрать хвороста для очага. Он забрёл в самую чащу, набрал сучьев и хотел было повернуть назад, как вдруг услышал, что под большим многоствольным деревом баньяном кто-то стонет. Он подошёл поближе и увидел Фиолетового змея, на которого упал сломанный ветром один ствол баньяна.

– Добрый человек, помоги мне, – взмолился змей, – подними этот ствол, чтобы я мог выбраться на свободу.

«Отчего не помочь?» – подумал крестьянин, сбросил с плеч вязанку хвороста, ухватился обеими руками за ствол и, крикнув, приподнял его. Фиолетовый змей облегчённо зашипел, расправил свои кольца и не торопясь выскользнул из-под дерева.

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказал змей. – Я – повелитель здешнего леса. Если тебе когда-нибудь понадобится что-то, приходи под это дерево, постой немного, и я появлюсь. Прощай!

И с этими словами он исчез.

Поражённый крестьянин (он никогда прежде не видел змей, которые бы разговаривали, как люди) взвалил на плечо вязанку и отправился домой.

Там он рассказал жене про удивительную встречу, а когда кончил рассказ, пошёл дождь и крестьянин снова увидел, как вода льётся на очаг, на их жалкую посуду и брошенное в углу тряпье, на котором они спали.

– А что, если мне снова пойти в лес и попросить у змея хорошую крышу? – сказал он.

– Не думаю, чтобы из этого что-нибудь получилось. Впрочем, как знаешь, – ответила жена.

И крестьянин отправился в лес. Там он нашёл баньян, стал около него, и, действительно, скоро из-под его корней выполз Фиолетовый змей. Не поднимая головы от земли, он ласково спросил:

– Что ты надумал?

– Наступил сезон дождей, и жить в моей хижине стало невозможно, – сказал крестьянин. – У нас очень плохая крыша. Если можешь, сделай так, чтобы она не очень протекала.

– Не беспокойся, всё будет в порядке, – сказал змей и исчез под корнями дерева.

Крестьянин отправился в обратный путь, а когда подошёл к хижине, то увидел, что её крыша уже вся выстлана толстыми, плотно связанными пучками рисовой соломы и дождь, который не переставал лить ни на минуту, теперь весь стекает на землю.

– Посмотри, как сухо у нас на полу и как хорошо горит огонь в очаге! – радостно встретила его жена. – Садись есть!

«Так-то так, да вот в горшке совсем мало риса, – подумал бедняк. – Не мешало бы попросить у змея и кое-чего из еды...»

Он подождал, когда дождь станет немного тише, и снова собрался в лес.

– Не нравится мне то, что ты опять идёшь просить, – сказала жена. – У нас уже сухо и тепло, разве этого мало?

Но мужчины на островах не привыкли советоваться с женщинами, и крестьянин ушёл в лес. Там он снова стал под деревом и принялся ждать. Но на этот раз Фиолетовый змей появился не сразу.

– У тебя есть ещё просьба? – спросил он.

– Вот какое дело, я давно уже не ел досыта. Горшки и корзины в моём доме пусты. Не наполнишь ли ты их? – сказал крестьянин.

– Что же, пусть будет так, – сказал змей и скрылся.

Когда крестьянин вернулся домой, он обнаружил, что весь дом его полон сытной, вкусной еды: в углу лежали спелые кокосовые орехи, горшки на столе были полны риса, а в корзинах на полу шевелились свежепойманные креветки и рыба.

– Он слишком добр к нам, – сказала жена, имея в виду змея. – Ты всего лишь помог ему один раз выбраться из-под дерева, разве это много?

– Не так уж и мало, – ответил крестьянин, лёг на циновку и стал думать, что бы ещё попросить у змея.

Думал, думал и решил попросить новое платье. Да не простое, а такое, какое он видел однажды на богатом человеке, который приезжал в деревню из города.

Переспав ночь, он снова отправился в лес.

– Напрасно ты это затеял, – печально сказала ему на прощание жена. – У нас тепло, сухо, есть что поесть. Что ещё нужно нам, которые всю жизнь трудились не разгибая спины и всегда довольствовались малым?

– Молчи, – ответил крестьянин. – В каком-то горшке должен быть мёд. Смотри, чтобы к моему возвращению был отварен сладкий рис!

Он дошёл до баньяна и нетерпеливо стал ждать. Но на этот раз змей и вовсе не спешил. Крестьянин устал стоять и продрог (по лесу катился сырой утренний туман). Наконец из-за дерева выполз змей.

– Это ты опять? – недовольно сказал он. – Что случилось? Произошло несчастье?

– Нет, нет, просто я подумал, что мне, у которого есть тёплый и сухой дом и чей стол ломится от еды, не пристало ходить в рваном плаще. Я хотел бы носить красивое платье из батика, башмаки, украшенные зелёными и красными камнями, как тот человек, что в прошлом году приезжал к нам из города.

– Зачем тебе башмаки с камнями? – удивился змей, он так высоко поднял голову, что смотрел теперь на крестьянина сверху вниз. – Не думаешь ли ты, что у меня нет других дел, как только исполнять твои нелепые просьбы? Впрочем, ладно. Ступай.

Он уполз, а крестьянин отправился домой. Не успел он переступить порог хижины, как увидел, что на стене висит красивое дорогое платье из красно-жёлтого батика, а на полу стоят башмаки из тонкой телячьей кожи, украшенные драгоценными камнями.

Он тотчас надел и платье, и башмаки и отправился в деревню, чтобы все видели, какой он теперь важный и богатый.

Когда он возвращался домой, снова пошёл дождь – платье и башмаки промокли.

– Нет, уж кому-кому, а мне следует разъезжать в повозке, запряжённой лошастью! – воскликнул с досадой крестьянин, крикнул жене, что идёт к змею, и направился снова в лес.

«Ох, не кончится всё это добром!» – сказала себе женщина, глядя печально вслед мужу, который, прыгая через лужи, удалялся от дома.

Так крестьянин снова очутился около большого дерева баньяна и стал ждать Фиолетового змея. Но этот раз ждать ему пришлось очень долго. На лес уже спустились сумерки, когда наконец зашуршала трава, и из-за дерева выполз змей. Голова его была высоко поднята, а глаза гневно горели.

– Ты всё-таки решил прийти снова?! – воскликнул он. – Что, ещё одна просьба?

– Конечно! – ответил крестьянин. – Мне нужна повозка, красивая повозка, запряжённая лошастью. Можешь не шипеть, не ходить же мне в таких красивых башмаках по грязи. Или ты забыл, как лежал придавленный деревом?

– Вот как ты заговорил теперь... – сказал змей. – Что ж, кому нет дороги вперёд, должен идти назад. Ты хочешь ещё один подарок? Хорошо, он ждёт тебя.

С этими словами он уполз, а крестьянин, сгорая от нетерпения, побежал по грязи назад.

Он добежал до своей хижины и увидел, что крыша на ней опять старая, заглянул внутрь – на полу и на полках стоят пустые горшки, а около них плачет его жена. В тот же миг башмаки с его ног исчезли, а на плечах вместо красивого батика оказался старый, изорванный плащ.

Так он стоял до тех пор, пока снова не пошёл дождь и не потушил огонь в очаге.

НА ОСТРОВЕ

Это случилось около небольшого индийского городка Тутикорин. Мы с моим смугло-кожим приятелем Бучем решили сплавать на островок, который синим пятнышком темнел на горизонте и давно уже манил нас.

— А вдруг там есть что-нибудь интересное, — убеждал Буч. — Колония морских птиц или животных, которых завёз и забыл там человек. «Необитаемый остров» звучит здорово. Я достану лодку, а?

Лодку, причём моторную, он достал, и мы отправились.

Мерно стучит дизелёк, невысокие пологие волны катятся нам навстречу, лодка кивает носом. Буч сидит на корме, я впереди, спиной к нему.

Мы прошли половину пути, как вдруг моё внимание привлёк какой-то тёмный предмет прямо по курсу. Он то показывался из воды, то скрывался. Нескольким раз над ним мелькнуло что-то изогнутое, похожее на выставленную из воды руку.

— Что это вон там, по носу? — обратился я к товарищу. — Похоже на перевернутую лодку...

Буч привстал.

— Ого! — сказал он и, переложив руль, направил наше судёнышко к обнаруженному мной предмету.

Расстояние быстро сокращалось. Вот над водой снова поднялось то, что я принял за руку, но тут Буч крикнул:

— Слон! Слон, — удивлённо повторил он. — Разве вы не видите, что это плывёт слон?

Я присвистнул от удивления. Действительно, то, что показалось мне рукой, было хоботом, а само тёмное пятно — спиной или головой животного.

Мы встретились.

Слон плыл, то и дело поднимая хобот, негромко отфыркиваясь, плыл толчками, часто перебирая ногами. Проплывая мимо нас, он недовольно скосил красноватый маленький глаз.

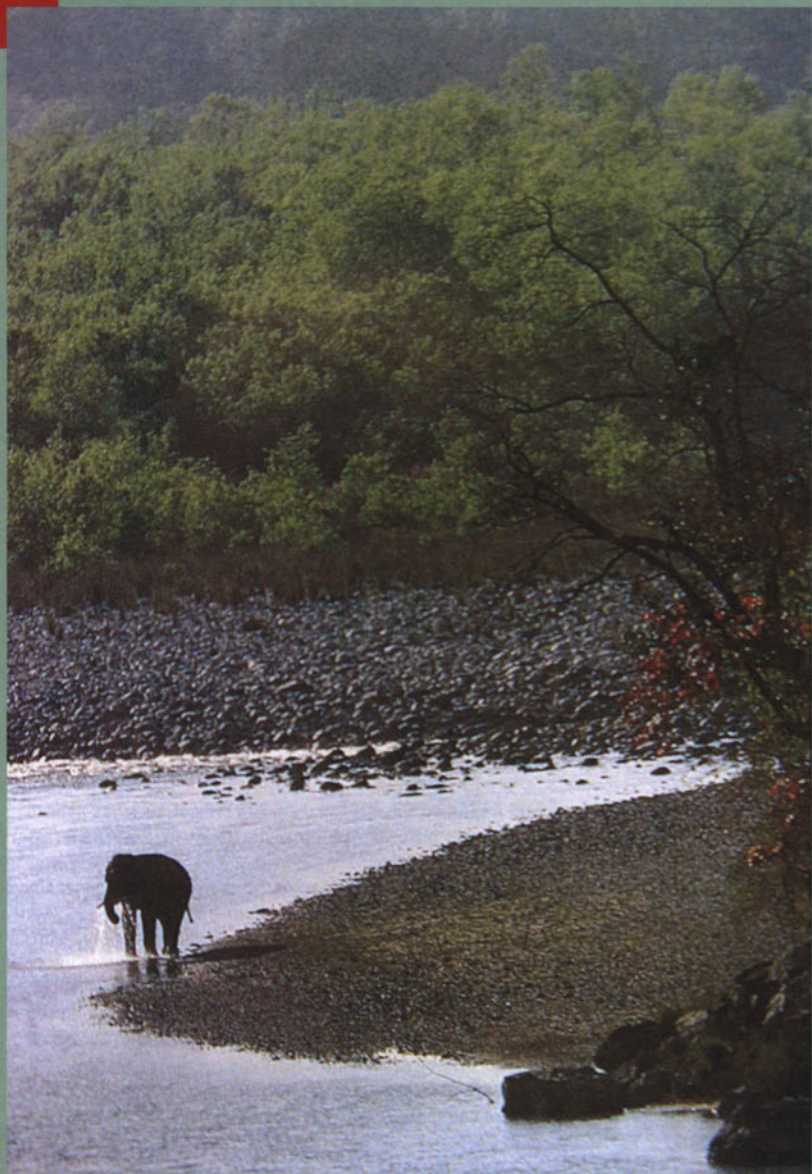
— Ничего себе, куда заплыл! — удивился я. — И как он попал сюда? Зачем так далеко отплыл от берега?

Буч только развёл руками.

Наша лодка от работы дизелька дрожала, голова животного уже едва различалась в волнах, впереди росло, раздавалось в ширину огромное пятно — остров.

Росло и превратилось наконец в низкий, опоясанный жёлтым песком, с зелёной шапкой кустов берег. Когда нос лодки ударился о песок, мы вытащили лодку на сухое место и отправились обследовать открытую нами землю. Она оказалась маленькой пустыней: жёсткая сухая трава, шапки колючих кустов, низкорослые, пригнутые ветром к самой земле, деревья. В воздухе олуши да крачки. На земле покинутые, с битой скорлупой гнёзда. Не было даже обычных для всякой земли крыс.

— Смотрите-ка, следы! Ах вот кто побывал здесь до нас, — вдруг воскликнул Буч. — Теперь вы понимаете, откуда плыл слон? Он плыл навстречу нам отсюда. Он тоже посетил остров.

На песке чётко отпечатались круглые, словно выдавленные кастрюлей следы. Цепочка их вела от воды в заросли.

– Здесь он лежал, – Буч показал на примятую, раздавленную тяжёлой тушей траву. – Здесь нагрёб кучу песка. Должно быть, обсыпал себя, защищаясь от солнца. Интересно, сколько часов или дней провёл он тут?

По слоновьим следам мы вышли на противоположный берег и там снова увидели водную пустыню.

– Хорошо, я согласен, он приплыл сюда оттуда же, откуда и мы, – сказал я. – Только зачем он это сделал?

Буч развёл руками – кто знает!

Побродив час по острову, мы вернулись к лодке, столкнули её в воду и двинулись в обратный путь. Он обошёлся без всяких приключений.

Зелёный берег Тутикорина был уже совсем близко, когда я снова задал Бучу тот же вопрос:

– Зачем туда плавал слон?

И он снова мне не ответил.

Так и осталось для меня загадкой удивительное решение великана пуститься в неблизкое плавание. Странная прихоть, подобная нашим человеческим прихотям, когда мы, всё бросив, срываемся с места и отправляемся навстречу опасностям ради одной цели – увидеть что-то новое, побывать там, где мы ещё не были.

СУД В КАЗИРАНГЕ

Про Джахана – чёрного носорога из Казиранги – я услышал во время суда. Судили двух браконьеров. Их поймали на месте преступления, когда, спустившись в ловчую яму, они отпиливали рог у зверя, упавшего в ловушку.

– Этих людей уже однажды ловили, но они тогда сказали, что рог, который нашли в их сумке, они отпилили у старого, умершего своей смертью животного, – объяснил мне Аруп Кумар, журналист, с которым я познакомился по приезде в Казирангу. – Порошок, который делают из рога, очень дорог, и бедняги считают, что риск оправдан. Они роют яму на дороге, по которой обычно ходит носорог, и закрывают её ветками. Носорог плохо видит, кроме того, он считает себя царём леса и не привык сходить с однажды выбранной тропы.

Вопросы, которые задавал судья, и односложные ответы, которые давали ему два низкорослых коричневых ассамца, сидевшие под охраной солдат, мне были не понятны – суд шёл на языке местного племени. Я продолжил разговор с журналистом:

– А что особенного в этом порошке?

– О-о, это долго объяснять. Ведь в носороге всё ценно. Мясо едят, из кожи делают амулеты. Кусочки костей защищают от порчи. Но главное, конечно, рог. Чаша, сделанная из него, расколется пополам, если кто-нибудь подсыплет в ваше питьё яду. И ещё: повсюду на Востоке слабеющие мужчины всегда были готовы платить за порошок из рога золотом, грамм за грамм. Так что рисковать этим беднякам стоило... Кстати, не забудьте мне напомнить, чтобы я показал вам место, где покоится обладатель самого большого рога в Индии.

Между тем судья и его помощники сначала удалились на совещание, а затем, вернувшись, огласили приговор.

– Два года тюрьмы каждому, – перевёл Аруп. – Их семьям придётся долго голодать. Жаль их ребятшек.

Мы вышли из здания суда, и Кумар повёл меня к воротам селения, откуда начиналась дорога в глубь заповедника. За шлагбаумом, под многостольным баньяном, на холмике, стоял деревянный шестигранный столбик. На лицевой стороне его была видна полустёртая надпись, в которой читалась только заглавная буква «Д».

– Здесь лежит Джахан – самый большой носорог, который когда-либо жил в Казиранге, – объяснил мой провожатый. – Это было огромное животное, чёрное как смоль, упакованное, как рыцарь, в кожаные доспехи, с огромным двадцатидюймовым рогом. Носороги живут поодиночке. Никто не смел заходить на участок Джахана. Знаете, как

дерутся носороги? Они наносят врагу удары головой...

– Рогом.

– Нет, это заблуждение.

Рог животного всего лишь своего рода кожаный вырост. Дерутся они, нанося раны острыми, выдающимися вперёд зубами. При этом животное делает головой движение снизу вверх. Поэтому кажется, что в ход пущен рог.. Так вот, шли годы, Джахан стал замечать, что слабеет, что ловкость изменяет ему, что молодые враги сопротивляются всё удачнее. И тогда, чтобы не проигрывать, он покинул свой участок и пришёл к воротам заповедника, под

защиту людей. Сначала мы шарахались от него, но потом мало-помалу привыкли. Было удивительно смотреть, как огромное животное смирно, никого не трогая, стоит у ворот.

Потом он стал подпускать к себе туристов и даже научился фотографироваться с ними. Но годы есть годы – однажды его нашли мёртвым, лежащим около этого дерева. Его похоронили с почестями. Но знаете, почему его могила не разграблена? Рог, ценнейший рог! Мы вовремя спохватились. Прежде, чем предать тело земле, на глазах у жителей всего селения знаменитый рог был отпилен. Его увезли, и теперь он в музее...

Мы вернулись к воротам как раз в тот момент, когда шлагбаум был поднят и под ним проезжал фургончик с зарешёченными окнами. Увозили двух бедолаг, двух осуждённых, чья судьба печально переплелась с судьбой носорогов Казиранги. А я теперь знаю: самым известным из носорогов был Джахан, необыкновенно сильный зверь, который, чтобы умереть непобеждённым, оставил лес и пришёл к людям.

«Пишите каждый день, каждую неделю...»

«С 1973 по 1986 год я был главным редактором журнала «Костёр», – рассказывал Сахарнов в одном интервью – За это время тираж его поднялся с 600 тысяч экземпляров до 1 миллиона 300 тысяч. Конечно, популярность его возростала и за счёт проводимых раз в два года семинаров молодых писателей».

Зачем Сахарнову понадобился семинар молодых при «Костре»?

Конечно, потому, что он помнил свою учёбу, свой «семинар» у Виталия Бианки. «Будучи в начале своего писательства учеником и кое-чего ко времени прихода в «Костёр» в 1973 году добившись, я остро почувствовал, что подобным опытом надо делиться, надо приобщать к азам писательства молодых одарённых, особенно тех, кто живёт в глубинке. Каково человеку начинать писать, если он живёт на острове Уруп или в посёлке Телички?»

И каков результат?

«В результате – восемь семинаров с промежутками в два года. И каждый раз – до ста участников, в том числе с Камчатки, из Таджикистана, Армении, Москвы, Калининграда... Руководители секций – опытные писатели и критики, гости – Фёдор Абрамов, Борис Стругацкий. Вот несколько фамилий из тех «семинаристов», кто стал настоящими писателями – Фёдор Камалов, Марина Москвина, Николай Фёдоров, Александр Дорофеев, Аркадий Мер...»

Как же он всё успевал? Руководить журналом, проводить семинары молодых, путешествовать, писать книги?

Оказывается, пригодилась ему так называемая «военная косточка».

В комнате, где он дома работал, всё на своих местах: и рукописи, и книги, и выписки из журналов, и фотоплёнки (многие книги иллюстрированы его фотографиями), и раковины, привезённые из тропических стран.

В его настольном календаре записи – что надо сделать за сегодняшний день, записей много, и везде пометки: «выполнено», «выполнено», «выполнено»...

Распорядок дня?

Всю жизнь, когда занимался творчеством, ложился спать в 9–10 часов вечера; вставал – в 5–6 часов утра. И – за пишущую машинку. Их у него было две. Долго не признавал компьютер, но когда получил его в подарок, усвоил быстро и никогда уже с ним не расставался.

Любимая шутка?

«Люблю занудных людей, день у которых расписан по минутам, – таким людям можно верить».

«Куба – зелёная ящерица»

В кабинете, где работал когда-то Святослав Сахарнов, на стене висит чудовище. Это омар. Гигантский морской рак. Он величиной с собаку, говорят, что клешней может перекусить руку человека.

Многие помнят рассказы Святослава Владимировича об этом необычном украшении на стене.

...Я добыл его вместе с рыбаками на Кубе. Достали ловушкой с глубины двадцати метров. Замечательный ли это остров? Да! Мой друг, поэт Николас Гильен, написал о нём «Куба – зелёная ящерица». Это справедливо.

Природа Кубы своеобразна. Звери давно уничтожены, вся земля занята людьми, но зато – море! Остров окружён коралловыми рифами – подводные разноцветные сады, полные пёстрых причудливых рыб. Рыба-лев, рыба-бабочка, рыба-ангел...

Коралловый риф, он – как наш русский лес, как тундра, как камчатские горы – целый отдельный мир. Со своими животными, растениями (правда, на рифе то, что кажется растением, на деле всегда живое существо), со своими нравами, радостями и трагедиями.

И ещё на Кубе сохранились удивительные города. Например, Тринидад – город, основанный испанцами в 1513 году. Улицы его вымощены камнями, которым пятьсот лет; на каждом углу врытые в землю пушки, захваченные с пиратских кораблей. Черепичные крыши, каждой черепице – пять веков. Храм, из которого, после богослужения, вышел с крошечным отрядом Кортес завоёвывать Мексику.

Поразил меня заповедник крокодилов Гуама. Несколько озёр, в каждом сотни чёрных, словно покрытых черепицей, спин. Я провёл там две недели. Даже книгу написал «В гостях у крокодилов». Оказывается, крокодилы совсем не молчаливы и не неподвижны, как в наших зоопарках, а шумны, голосисты, драчливы. У каждого свой характер. Крокодилихи – заботливые матери, а отцы бессовестны: каждый готов проглотить своих крошечных отпрысков. Такой уж они народ.

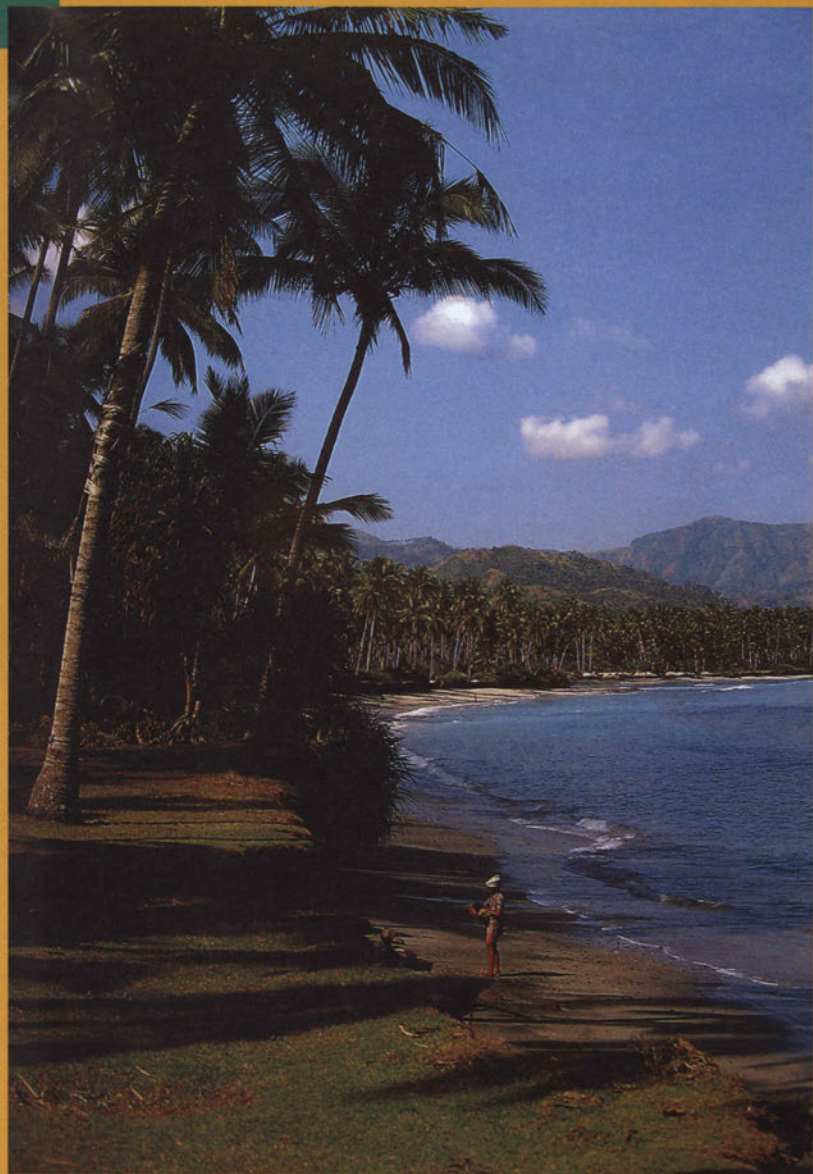
Сказок много, но почти в каждой чувствуется европейское происхождение. Но сказки – потом.

Ночные путешественники

Рассказы и сказки

КОРОЛЕВСКАЯ ПТИЦА АУРА

Мы с Томазо, моим провожатым и товарищем в поездке по Кубе, стояли в зоопарке Гаваны перед вольером, в котором сидела всего лишь одна птица. Большая, человеку по пояс, с тяжёлыми чёрными крыльями, красной голой шеей и такой же голой, но голубой головой. Она была как-то пугающе красива.

— Знаете, почему у неё такая шея и такая голова? — спросил Томазо. — Вы никогда не видели, как грифы и кондоры расправляются с падалью? Пробив клювом шкуру, они забираются внутрь добычи по самые плечи. Перья бы намокали... И знаете, как зовут этого красавца?

— Из того, что вы сказали, понятно — гриф.

— Да. Королевская птица аура — так называем его мы, кубинцы. Испанцы почему-то называют его ястребом. Умнейшая птица! Говорят, что она может подражать голосам зверей, что не трогает павший от болезни скот, что, поймав черепаху, поднимается с ней и, бросив на камни, разбивает панцирь. Что с двух тысяч метров может увидеть, как блестит ствол ружья. А главное — говорят, аура может видеть сквозь землю. Да, да, стоит закопать кусок мяса, как прилетит аура и украдёт его. Так утверждают все крестьяне и все охотники...

Этот разговор я вспомнил, когда мы с Томазо уехали на побережье и разбили на берегу моря лагерь. Я целый день проводил на коралловом рифе, а Томазо с магнитофоном обходил дома в соседнем селенье и записывал старинные песни и легенды.

Однажды, бродя у моря, я наткнулся на павшую лошадь. Она явно лежала тут уже несколько дней. Решив закопать её, Томазо сходил в селенье, принёс лопату, и, работая по очереди, мы спрятали падаль в песок.

— Ну вот, если бы тут были грифы, мы смогли бы убедиться, видят они сквозь землю или нет, — пошутил я, когда работа была окончена. Томазо пожал плечами и ничего не ответил.

Но случилось так, что уже на следующий день, выйдя из палатки, он окликнул меня:

— Идите скорее, прилетел аура!

Я выбежал. Действительно, в небе, над нашими головами, кружила чёрная точка. То, что гриф появился здесь, было, конечно, случайностью. Присев на песок, мы стали наблюдать, что станет делать птица.

Чёрная точка то удалялась, то приближалась. И вдруг стала стремительно увеличиваться — птица падала. Прошумев крыльями, аура опустилась прямо на то место, где

была зарыта лошадь. Вытянув шею и оглянувшись, гриф начал разгребать когтистой лапой песок.

— Он увидел, Томазо! — воскликнул я. — Но как, как он мог?

Мы кинулись к птице. При виде нас аура подпрыгнул, шумно зажёб крыльями воздух, поднялся и, тяжело набирая высоту, полетел прочь.

Я осмотрел место, где сидела птица. Ничего. Чистый песок. Как можно было догадаться, что скрыто под ним?

Ошеломлённые, мы вернулись в палатку.

Через день мы покидали лагерь. Дорожка вела мимо того места, где была закопана лошадь. По разглаженному, прогретому солнцем песку снова появились чёрные точки. Мухи! Я ахнул. Так вот что увидел с высоты тысячи метров наш аура — мух! Увидел и догадался о причине их появления.

Прежде чем догнать ушедшего вперёд Томазо и рассказать ему о своём открытии, я поднял голову. В небесной синеве снова плавала точка. Это вернулся аура. Рассказы о его зрении и уме оказались правдой.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Ночью кто-то ходил по дороге: сначала слышалось осторожное шуршание в кустах, раздавался негромкий плеск, таинственный незнакомец ступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу, затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И наконец, слышалось приглушённое царапанье и пощёлкивание — он крался по асфальту. Вот покати́лся задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве. Ночной посетитель перешёл дорогу. Снова зашуршали сухие листья — шаги удалялись в сторону моря...

Это было перед самым моим отъездом с острова. Я прощался с Кубой.

Лёжа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов не выдержал, встал, оделся и крадучись вышел из дома. Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звёзд. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколько шагов, почувствовал ногой неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары о берег море. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался. В кронах деревьев мерно тенькали цакады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень! Подала голос птица, жалобно, отрывисто.

На дороге снова послышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал её.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал. Никого. Снова прислушался. Тихо. И тогда я отправился по асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву. То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить: они тоже притаились. Сбив ноги и поняв бесполезность своих попыток, я повернул обратно. На повороте дороги

лежал ствол сейбы, я присел на него. Облачная пелена редела, пассат растягивал её и рвал на части. В разрывах появились звёзды, слабый неверный свет упал на дорогу, она возникла из темноты, как река, покрытая островами, – чёрные провалы ям и светлое течение асфальта.

За моей спиной послышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошёл до канавы, опустился в неё, превратился в поскрипывание и шум песчинок. Я осторожно повернул голову. На сером асфальтовом островке появилась тень. Покачиваясь и постукивая, она пересекла дорогу и поспешно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно и молчал. И тогда шорохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге возникали призрачные тени. Тени с лёгким стуком перебегали асфальтовую реку и скрывались всё в том же направлении – к морю. Я видел тени, но не видел тех, кто отбрасывает их! Чудеса.

У самых ног послышалось пощёлкивание и возникла очередная тень. В слабом звёздном свете я с трудом разглядел её хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно переставляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперёд очередную пару ног, и при этом его панцирь задевал асфальт. Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-жёлтого цвета. Серым или зелёным он казался только при свете звёзд. У него был массивный толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги. Я перевернул животное на спину и присвистнул: так вот оно что! На брюшке, прижатая подвёрнутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу – тысячи икринок, которые должны дать продолжение её роду.

Так вот в чём разгадка упорного движения крабов через дорогу!

Я отнёс крабиху к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку. Животное приподнялось на ногах и, не останавливаясь, не пытаясь спрятаться, продолжило путь, прерванный полчаса назад.

Один краб... второй... третий... Их были тысячи. Постукивая панцирями и волоча за собой тени, животные, которые когда-то покинули океан и стали жить в лесу, вновь, повинаясь могучему инстинкту продолжения рода, торопились к воде.

ЖИВЁТ, НЕ СМЫКАЯ ГЛАЗ

Часто говорят: родилась гора, умер лес, погибает пещера. Я часто думал: как же так? Они ведь не человек, не зверь. Научил меня коралловый риф.

Медленно, год за годом растёт он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный белый камень.

Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными ветвями его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звёзды, копошатся крабы.

Он полон звуков. Стоит опуститься под воду – и сразу в уши войдёт тихий неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекочут крабы, пощёлкивают клешнями неутомимые рачки-алфеусы. Вот послышался хруст – это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! – барабанная дробь. Плывут мимо горбыли. Развеваются чёрные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать тучи, мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной – и снова заблистал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

Он умеет бодрствовать, умеет и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумраки наполнили все гроты и пещеры. Уплыли дневные рыбы, замерли в чёрной траве стаи рачков. Но пройдёт час, и на смену пёстрым его дневным обитателям выползут бесцветные и тёмные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выплывут из пещер змеи-мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими рощами, часто работая плавниками и устремив вперёд сложенные щепотью, похожие на стрелы, щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днём и ночью, не смыкая глаз, живёт риф. Изменяется и остаётся всё таким же.

Берега тропических островов... Порой тебя встречает песчаный пляж. Войди по грудь в воду, пльви, и через минуты тебя встретят коралловые, раскрашенные в жёлтые, красные, зелёные цвета подводные сады. Бродят среди каменных деревьев разноцветные, похожие на ёлочные игрушки, рыбы.

Порой берег – это мангровый лес. Прямо из океана растут ярко-зелёные, с сочными листьями, кусты и деревья. Шныряют между корней рыбы, вертятся морские змеи. А на ветвях птицы, ящерицы, жуки. Забралась в их компанию и рыбка – илистый прыгун. Этой, что по песку бегать, что карабкаться по ветвям – всё с руки.

И, наконец, есть страшные для босых ног скалы – режущие кожу известковые, все в шипах, камни. «Себорукко» – красный камень, называют его кубинцы. Но и по такой скале надо лазать: и под ней в воде жизнь, новое наблюдение, новый рассказ. Не сорваться бы – себорукко!

БАНКА

Эту банку я уронил, когда наш пароход стоял в порту Гавана на острове Куба.

Нёс, чтобы положить в шлюпку, и уронил за борт.

Большая такая жестяная банка из-под зелёного горошка. Весёлая, в крапинку.

В такой хорошо держать червей и другую наживку для рыбной ловли.

Уронил, пожалел, а когда на другой день пошёл плавать в водолазной маске около корабля, вспомнил. «Дай, — думаю, — найду её!»

Нырнул, плыву над самым дном, верчу головой: «Где тут моя потеря?»

А на дне, подо мной, полно всяких банок, бутылок. Видно, их с кораблей понакидали. Лежат они на жёлтом иле, растут между ними зелёные веточки, стоят столбики кораллов.

Присмотрелся я: вот так чудо, в каждой банке или бутылке свой жилец! В жестянке из-под кофе — десятиногий краб. Усы выставил, клешни поднял — не подходит! В бутылке из-под молока — рыбка, жёлтая, с голубой полоской. Таращит карие глаза-бусинки, вот-вот выскочит, метнётся прочь. В медной кастрюле, выброшенной сто лет назад за борт испанского парусника — хищный угорь, мурена. Свернулся в кольцо, скалит зубы: только тронь, как тяпну за палец!

А вот и моя банка. Лежит, чистая, весёлая, новенькая. Хотел я было её поднять да вдруг подумал: «А что если оставить, может и в ней поселится кто-нибудь?» Решил — и поплыл дальше.

Через неделю, когда мы обошли весь остров и снова вернулись в гавань, я снова опустился под воду. Банки, бутылки — всё на месте. Вот и моя жестянка. Нагнулся я над ней, а на меня из банки — глаза. Зеленоватые, с чёрными квадратными зрачками. Смотрит на меня ими неведомый жилец смотрит, не мигает. А в банке движение: шевелятся, передвигаются, ползут, похожие на маленьких серых змей, ножки с кольцами-присосками. Так вот кто занял банку — осьминожек! Многорукий обитатель тёплых морей. Страшно ему — наклонилось над ним такое чудовище в лапах и в маске, а покидать банку не хочется. Вцепился всеми ногами в стенки — не уйду!

И не уходи, не трону я тебя. Посмотрел и поплыл дальше. А когда на обратном пути, собравшись уходить, я снова заглянул к нему, маленький осьминожек уже спал. Он дремал, свернувшись в клубок, подобрав под себя семь ног и выставив наружу восьмью. Спит головоногий хитрец, семь ног спят, а восьмая не спит — караулит, покачивается, чутко ловит — не колышется ли вода, не плывёт ли враг? Не стал я будить его и ушёл...

С тех пор прошло немало лет, но я до сих пор помню, что где-то в далёком порту лежит на дне жестяная зелёная банка, а в ней живёт существо, которому я могу найти свой дом. А раз так, значит и там, в далёком тёплом море у меня есть друг.

СКАЗКИ О ЧЕРЕПАХЕ

(Куба)

Черепаха, кролик и удав-маха

Однажды удав-маха охотился за птицами. Надо сказать, что удавы отлично лазают по деревьям и очень редко падают с них. Но на этот раз случилось так, что когда маха подкрадывался к желтокрылому попугаю, он зазевался и свалился с дерева прямо в яму. А яма была не простой – это была ловушка, которую вырыли индейцы-гуама.

Стенки ямы были вымазаны глиной, и удав никак не мог выбраться. Напрасно он становился на хвост, вытягивал шею и пытался зацепиться головой за край ямы – всё было бесполезно, каждый раз он срывался и падал.

А в это время мимо бежал братец кролик. Он остановился, посмотрел в яму и присвистнул от удивления.

– Вот так штука! – сказал он. – Никак сам господин удав попал в беду?

– Послушай, кролик, – сказал удав. – Что тебе стоит помочь мне выбраться? Вон сколько веток лежит кругом. Столкни их в яму.

Кролик был добрым, хотя и боялся змей; он стал сбрасывать в яму одну ветку за другой. Когда веток набралось много, удав без труда вылез из ловушки.

– Уф, – сказал он. – До чего же я проголодался, пока сидел в этой проклятой яме. А ну-ка, длинноухий, полезай ко мне в пасть! – И он распахнул свои челюсти так широко, что кролику показалось, будто сама земля разверзлась и готова проглотить его.

– погоди! – вскрикнул кролик. – Ты затеял неслыханное преступление. Ведь никто никогда не платит злом за добро. Не веришь? Спроси у любого.

– Ладно, – согласился удав. – Спросим, но если другие животные думают иначе, я проглочу тебя тут же на месте.

Не успели они выйти на берег озера, как увидели мула, который щипал траву.

– Послушай, приятель, – обратился к нему удав, – у нас спор вышел.

Кролик говорит, что за добро нельзя платить злом. Я решительно с ним не согласен. А что думаешь ты?

Мул пожевал губами, изуродованными железной уздечкой, почесал о дерево спину, покрытую струпами от побоев, и сказал:

– Много лет возил я из деревни в деревню поклажу моего хозяина, работал безотказно и аккуратно. Бывали случаи, когда он, усталый, засыпал у меня на спине и я привозил его прямо к дому. Его дети играли со мной. А теперь, когда хозяину понадобились деньги, он решил продать меня торговцу. У того поклажи будет в три раза больше, а бьёт он своих мулов в три раза сильнее. Нет, сколько ни делай добрых дел, справедливости не найдёшь, в награду тебе достанутся одни тумаки!

– Ага! – сказал удав. – Чья правда? Ты готов?

– погоди, – взмолился кролик, – давай спросим ещё кого-нибудь.

И они пошли дальше. Не успели пройти и ста шагов, как увидели вола, лежащего в воде.

– Как думаешь, приятель, – спросил его удав, – можно ли за добро платить злом?

Вол печально покачал головой.

– Я лежу в тёплой, мягкой, приятной грязи, – сказал он. – Действительно, что может быть лучше? Но всё это в последний раз. Много лет работал я на человека, служил ему верой и правдой, но теперь состарился, и хозяин сказал, что завтра он ответит меня на живодёрню. Разве это справедливо?

– Так, так, – пробормотал удав. – Это я и говорю. Бросай свои фокусы, длинноухий, и полезай ко мне в пасть!

– Ещё один, последний раз! – взмолился кролик, и они пошли вдоль берега.

Они шли до тех пор, пока не увидели черепаху, которая грелась на солнышке.

– Братец черепаха! – взмолился кролик. – Помоги. Вот какая у нас с удавом произошла размолвка...

И он рассказал всю историю.

Черепаха сразу смекнула, что просто так кролика не спасти, тут нужна хитрость.

– Увы! – вздохнула она. – Мудрый коричневый удав прав, тут и спорить не о чем. Где это видано, чтобы за добро платили добром? Но меня интересует другое. Как могло случиться, что такая великолепная, сильная, умная змея не смогла сама из ямы выбраться? Этого не может быть, вы оба обманываете меня!

А надо сказать, что коричневые удавы-маха очень самолюбивы и не терпят, когда их называют лжецами.

– Я обманываю тебя?! – воскликнул маха. – Ах ты, жалкая сковородка, немедленно иди с нами, я покажу тебе, как было дело.

И он повёл черепаху и кролика на то место, где была яма.

– Да, действительно, края у неё скользкие, – согласилась черепаха. – Но ведь яма мелка, и тебе ничего не стоило стать на хвост и выбраться из неё.

– Ничтожная родственница улитки, я покажу тебе, что ты ещё раз не права! – воскликнул удав и, недолго думая, соскользнул на дно ловушки.

– Да, ты прав, я всего лишь жалкая костяная сковородка и ничтожная родственница улитки, – сказала черепаха. – Счастливо оставаться! Идём, братец кролик!

И черепаха с кроликом скрылись в лесной чаще.

Олень и черепаха

В лесу, на западной оконечности острова, жил гордый, самолюбивый олень. Он был так горд, что не замечал никого из животных, и так сам любил себя, что если ему и случалось кого-нибудь заметить, то он останавливался и говорил с ним только о себе.

Однажды олень повстречал черепаху.

– А, это ты! – Он снисходительно кивнул головой, увенчанной прекрасными тонкими рогами. – Не хочешь ли поболтать?

– Отчего бы и нет, – миролюбиво согласилась черепаха. – А о чём мы будем говорить?

– Как о чём? Конечно, обо мне. Или ты не знаешь, что я самый красивый, самый умный и самый быстрый в лесу?

«Пожалуй, что только самый красивый!» – подумала черепаха и решила проучить оленя.

– Я согласна с тем, что ты самый красивый и самый умный, – сказала она. – Но вот насчёт того, что самый быстрый... Откуда ты это взял?

– То есть как... – растерялся олень. – Не хочешь ли ты сказать?..

– Вот именно, – перебила его черепаха. – Готова побиться об заклад, что, если захочу, даже я – самая медлительная – обгоню тебя. Идёт?

– Идёт!

Олень был вне себя от гнева.

– Можешь звать на состязание всех своих родственников, – добавила черепаха.

– Не нужны мне никакие родственники! Я сам сумею постоять за себя. Ты не проковыляешь и пяти шагов, как я уже пролечу весь путь! Побежим завтра вокруг озера?

– Как хочешь.

Олень, фыркая от негодования, удалился, а черепаха той же ночью обошла всех своих родичей и каждого пригласила посмотреть, как она будет состязаться с оленем.

На другой день олень и черепаха сошлись на берегу.

– Ты всё-таки решил никого не приглашать? – сказала черепаха. – Напрасно, родная кровь в трудную минуту ...

– Довольно молоть чепуху! – прервал её олень. – Начнём?

– Начнём.

Они попросили братца кролика, который грыз неподалёку принесённый с огорода клубень маланги, быть судьёй и стали рядом около пенька. Братец кролик сосчитал до трёх, махнул пальмовым листом, и олень как ветер сорвался с места, а черепаха, к большому удивлению кролика, проковыляв три шага, вернулась и уселась рядом с ним.

Между тем олень мчался с такой скоростью, что пальмовые стволы мелькали мимо него, как стрелы. Он пробежал четверть пути, как вдруг увидел, что впереди него... ковыляет черепаха! Не успел он обогнать её, как увидел на половине пути вторую черепаху. И так, куда бы он ни прибегал, он видел черепах, которые спешили на состязание и которых он принимал – ведь все черепахи на одно лицо! – за свою соперницу.

Утомлённый, еле передвигая ноги, доплёлся он до того места, откуда начинался бег, и там тоже увидел... черепаху. Она сидела на пеньке и обсуждала с кроликом последние лесные новости.

Побеждённый (как он думал) олень понурил от стыда голову и скрылся в лесной чаще.

– Что с ним? – удивился кролик. – Первый раз вижу, чтобы олень вёл себя так робко и скромно.

– Вот и хорошо, – ответила черепаха, – таким он мне нравится больше. Сказать правду, красивее и быстрее его в нашем лесу никого нет. Вот только вряд ли он самый умный...

Она посмотрела с пенька вдаль и добавила:

– Ага, бредут!.. Сейчас я познакомлю тебя со своими родственниками. Они не красивы и не очень умны, но в трудную минуту мы всегда готовы прийти друг другу на помощь.

Черепаша и банановое дерево

Та черепаха, о которой рассказывают сказки, была не только умна и хитра, но также необычайно ловка. Достаточно сказать, что она умела забираться на банановые деревья и там лакомиться спелыми фруктами.

Так вот однажды черепаха нашла прекрасное банановое дерево, на верхушке которого росли гроздьё жёлтых плодов. Недолго думая, она вскарабкалась на него и стала обкусывать бананы и бросать их на землю, чтобы потом унести и съесть.

А дерево это стояло на земле человека, в услужении у которого был ястреб-аура. Огромная птица сидела на верхушке похожего на бутылку дерева сейба и внимательно наблюдала за окружающим. Случилось так, что, когда черепаха взобралась на дерево, ястреба не было – он отлучился поохотиться, но когда вернулся, то сразу заметил – в хозяйском саду творится что-то неладное.

Не успела черепаха сбросить на землю третью гроздь, как зашумели крылья и что-то чёрное и красное обрушилось на неё с неба. Сильные когти подхватили черепаху, и она стремительно взлетела в воздух. «Кто это мог скогтить меня? – подумала черепаха. – Только у ястреба-аура чёрное, покрытое перьями тело и красная голова. Это он!»

– Послушай, добрая птица, – обратилась она к ястребу, – ты, наверное, хочешь наказать меня за бананы?

– Так, – буркнул ястреб, продолжая подниматься всё выше и выше.

– Мудрая птица, – сказала черепаха, – ты совершенно права, что собираешься предать меня смерти. Воровать чужие бананы это действительно ужасно. Правда, я не виновата, что у меня нет сада и что я больше всего на свете люблю бананы. Я также не виновата, что у твоего хозяина есть ещё сто деревьев...

– Так, – ответил ястреб, высматривая, куда бы швырнуть добычу.

– Но я готова помочь тебе и выберу для себя самое ужасное наказание. Ведь твоему хозяину не понравится, если я останусь жива и снова начну наведываться в его сад. У меня есть большая просьба. Внизу под нами я вижу скалы, лес и озеро...

– Так... – Ястреб уже кружил, выбирая для черепахи место казни.

– Просьба моя в том, чтобы ты бросил меня на скалы.

«Что-то она хитрит! – подумал ястреб. – Полечу-ка я лучше к лесу». И он направился прочь от скал.

– Прекрасно! – воскликнула черепаха. – Уж раз не довелось мне падать на камни, то сойдут и деревья. Я очень благодарна тебе. Поскорее разжимай когти!

«Уж больно ты хочешь, голубушка, упасть на лес, – подумал ястреб, – но тебе не провести меня!» И он разжал когти, пролетая над озером.

Когда через несколько дней черепаха снова приползла к банановому дереву, на верхушке дерева сейба никого не было. Хозяин прогнал плохого сторожа. Вот почему красноголовые ястребы-аура до сих пор ненавидят черепах и, если удаётся, охотятся на них, разбивая пойманных черепах о камни.

Последнее слово автора

Итак, книга закончена. Вернёмся к двум последним рассказам. Почему я так их ценю: в них отражён главный закон природы – всё живое связано в единую цепь, ни одно звено в ней не лишнее. Человечество уже убедилось: попробуй вырвать хотя бы одно (скажем, уничтожь хищников, например, волков), и цепь рухнет. Или – завези в лес или на остров животное, которого раньше там не было (в Австралию завезли кроликов, и те сожрали траву, которой питаются кенгуру), и цепь распадётся. Природа требует вдумчивого, бережного к себе отношения.

Отсюда – обращение к читателям. Попал в лес, очутился на берегу реки или болота, будь наблюдателем и только. Знай, что жизнь муравья или ящерицы не менее интересна, чем жизнь лисы или тигра. Не разоряй гнёзда, не захламляй лес, не поджигай сушняк-хворост. Ощути себя частью всего живого.

И ещё. Помнишь, я говорил, что в детстве сочинил целый роман о подводном плавании? Так это было после того, как я прочитал знаменитую книгу Жюль Верна о плавании капитана Немо. После этого я пошёл в морское училище, стал моряком, стал писателем. Вот что такое книга. Какое телевидение, какие комиксы могут так определить судьбу человека? Только книга. Так что эту, про сердце кита, тоже читайте и задумывайтесь.

Над судьбой Дикой природы.
Над своей собственной.

Синий кит детской литературы

— Только не надевайте на меня водолазный костюм! — предупреждал писатель Святослав Владимирович Сахарнов художников «Костра», которые работали над юбилейным номером к 50-летию журнала. Но от соблазна изобразить главного редактора с водолажным шлемом на голове никто удержаться не мог.

Вот он, на юбилейном развороте в 1986 году — не заметить невозможно! И это при том, что остальные герои пятидесятилетней истории «Костра» тоже нарисованы художником Михаилом Беломлинским очень необычно:

Н. Заболоцкий ведёт за руку Тиля Уленшпигеля («Костёр» первым напечатал этот замечательный перевод), В. Бианки держит на ладони танцующего муравья, к ногам Е. Шварца прижимается трёхголовый крошка-дракон, Ю. Ковалев тащит вперёд недопёсок на поводке, Н. Сладков что-то быстро строчит в блокноте, сидя на лесном пеньке, Б. Никольский спускается прямо с неба на парашюте... И среди этого весёлого марша талантов Святослав Сахарнов ничуть не потерялся. Уверенно, твёрдо стоит наш писатель-водолаз, покоритель морских глубин, в самом центре журнала. В одной руке он сжимает кинокамеру, другой дружески, как взрослый карапуз, держит за одну из восьми ног улыбочивого осьминога. А над плечом Святослава Владимировича реет гордая морская чайка – как флаг. И сразу понятно, кто тут главный.

«Водолазный образ» писателя Сахарнова появился не случайно. Вся жизнь Святослава Владимировича была связана с морем. Он окончил военное училище в Ленинграде, стал моряком, отвоевал на море две тяжелейшие войны. И, как сам признавался, именно подводные погружения определили его писательскую судьбу. Сколько книг написано им о море! А ещё Сахарнов придумал в журнале «Костёр» новую рубрику на свою любимую тему – «Морская газета». Это была самая настоящая газета в журнале – с интересными сообщениями, статьями, интервью, рисунками, разделом юмора и с морскими заданиями для читателей. На долгие годы эта рубрика стала своеобразной «визитной карточкой» «Костра». Продолжает она свою жизнь в журнале и сейчас.

К несомненному писательскому таланту Святослава Сахарнова я добавил бы ещё редкую наблюдательность Святослава Владимировича, без которой, наверное, не бывает настоящего большого писателя.

Как-то раз, когда я был в гостях у Сахарнова, Святослав Владимирович показал мне свою небольшую, но очень интересную коллекцию морских раковин. Каждый экспонат этой коллекции имел свою удивительную, полную приключений историю – потому что каждую из этих раковин писатель добыл с морского дна собственноручно. Такая вот своеобразная «морская книга» с необычными раковинами-страницами. Одна такая «страница» меня особенно поразила. Святослав Владимирович показал мне обломок жемчужницы, на створке которой виднелась молочно-белая капелька жемчужины. А рядом – мазутный отпечаток следа от сапога. Значит, кто-то до Сахарнова уже прошёл рядом с чудом, прошёл мимо, не заметив его и едва не раздавив! А Святослав Владимирович увидел, остановился, удивился. Открыл! Потому что обладал волшебным даром быть внимательным к жизни, ко всем её проявлениям. Был готов к чуду.

И эта его готовность увидеть в привычном неожиданное, необычное распростиралась не только на морские погружения, но и на детскую литературу. Святослав Владимирович пятнадцать лет был главным редактором журнала «Костёр» – с 1973 по 1988 год. И за это время не только сохранил все замечательные традиции литературно-художественного издания для детей, заложенные основателем «Костра» Самуилом Яковлевичем Маршаком, но и вывел в детскую литературу новых, ярких писателей и поэтов. У него был безошибочный слух на талант, он умел подбирать единомышленников, создал крепкое творческое ядро журнала. Кстати, в эти годы работал в редакции и молодой писатель Сергей Довлатов, которому Святослав Владимирович помогал, как мог. Сколько имён, сколько судеб! Сколько открытий!

В 1980-е годы Святослав Владимирович организовывал при журнале всесоюзные семинары молодых писателей, работающих для детей. Эти семинары собирали начинающих авторов и маститых писателей. Обмен опытом, анализ написанного, общение с мастерами – всё это было мощным импульсом для творчества, для становления детских писателей. Фёдор Камалов, Марина Москвина, Александр Дорофеев, Татьяна Кудрявцева, Дмитрий Верещагин, Марина Бородинская, Мария Семёнова, Екатерина Мурашова и многие другие обсуждали на семинарах свои произведения. Затем лучшее из того, что они приносили, печаталось в «Костре», а вскоре повести и рассказы становились книгами.

И, конечно, нельзя не сказать о главной теме в творчестве самого Святослава Владимировича – он всегда с удовольствием и большим знанием дела писал о природе. Сам Сахарнов признавался в том, что твёрдо знал о своём призвании – быть детским писателем – ещё со второго класса школы. Породнившись с морем – а после войны Святослав Владимирович продолжал плавать, был штурманом – Сахарнов

Крабы – любимые герои подводных сказок Сахарнова, середина 1960-х.

подружился с писателем-натуралистом Виталием Бианки, одним из авторов нашего «Костра», ведущим журнальной рубрики «Лесная газета», и стал его учеником.

Святослав Владимирович всегда говорил, что настоящая познавательная, научно-художественная литература у нас в стране началась именно с Виталия Бианки, с его школы. «Это – вершина! Это вклад в мировую детскую литературу!» – любил повторять Сахарнов, едва разговор заходил о книгах Бианки. В «школе Бианки» Святослав Владимирович познакомился с Николаем Ивановичем Сладковым. Познакомился и подружился. Их объединяла беззаветная любовь к природе, подкреплённая точными наблюдениями и глубокими знаниями. Николай Иванович Сладков в то время тоже активно печатался в «Костре».

Святослав Владимирович, говоря о природе, часто цитировал такие слова своего друга Николая Сладкова: «Природа для нас не только кладовая, мастерская и здравница, но и могучая вдохновляющая сила, основа нашего духовного и нравственного здоровья, неисчерпаемый источник идей. Она – благополучие и благоденствие. Уничтожая её, мы уничтожаем себя: физически и духовно. В ней – начало всех начал и всех точек отсчёта». Он был убеждён, что эти знания, это понимание нужно прививать людям с самого раннего детства.

Как-то раз Святослав Владимирович рассказал мне о своём путешествии на могилу мореплавателя Беринга – на самом краю земли. Тихий океан, простой железный крест, и – холодная пустыня вокруг, чуть оживлённая скудным пейзажем мелкой тундровой речонки. По дороге обратно, в село Никольское, где остановился писатель, вездеход сломался. Возвращаться пришлось пешком. Другой бы ныл и брюзжал, проклиная всё на свете. А Святослав Владимирович опять умудрился встретиться с чудом! Он расслышал вдали какой-то неясный гул и пошёл на него. Чем ближе он

С сотрудниками редакции журнала «Костёр». Слева направо: С. Сахарнов, Л. Лосев, М. Беломлинский, В. Уфлянд, 1974 год.

Редакционное совещание в кабинете главного редактора. Слева направо: В.Терёшкин, Н. Михайлова, С. Сахарнов, М. Верховская, Д. Лаздан, С. Носов, 1985 год.

подходил к берегу моря, тем явственнее гул перерастал в низкий, густой, утробный рёв. Выйдя к обрыву, писатель увидел внизу, под ногами, рядом со светлыми волнами холодного северного моря другое море – тёмное, ревущее, шевелящееся, от края до края горизонта вдоль всего побережья... Котики! «Небывалый разлив, пиршество жизни!» – сделал Сахарнов восхищённую пометку в своём блокноте, чтобы потом вновь вернуться к этим впечатлениям на страницах одной из своих новых книг о природе.

В редакции «Костра» долгое время бытовала такая дружеская шутка: «Каждый пишет по таланту – кто-то про микробов, а Святослав Сахарнов – про китов и слонов!» И за глаза Святослава Владимировича даже и называли так – «наш Синий Кит».

И в этой шутке, как водится, большая доля правды, потому что Святослав Владимирович Сахарнов – это действительно огромное явление в детской литературе.

Николай Харлампиев,
главный редактор журнала «Костёр»

Литературно-художественное издание

Святослав Владимирович Сахарнов

Это стучит сердце кита

В оформлении книги использованы
фотографии С. Сахарнова и Ю. Курбатова
Рисунки Александра Бихтера
Макет и оформление Давида Плаксина
Технический редактор Виктор Лысов
Подготовлено редакцией журнала «Костёр»

Подписано в печать 10.10.2011 г. Формат 84х108 1/16.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 4000 экз. Заказ № 26453

Всероссийский ежемесячный литературно-художественный
журнал для школьников «КОСТЁР»
ООО «Журнал «КОСТЁР»

191024, Санкт-Петербург, Мытнинская ул. д. 1/20.
тел. (812)274-15-72, www.kostyor.ru
при участии ООО «Редакционно-издательская фирма «ГРИФ»

Отпечатано по технологии СtP
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
обособленное подразделение «Печатный двор»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

